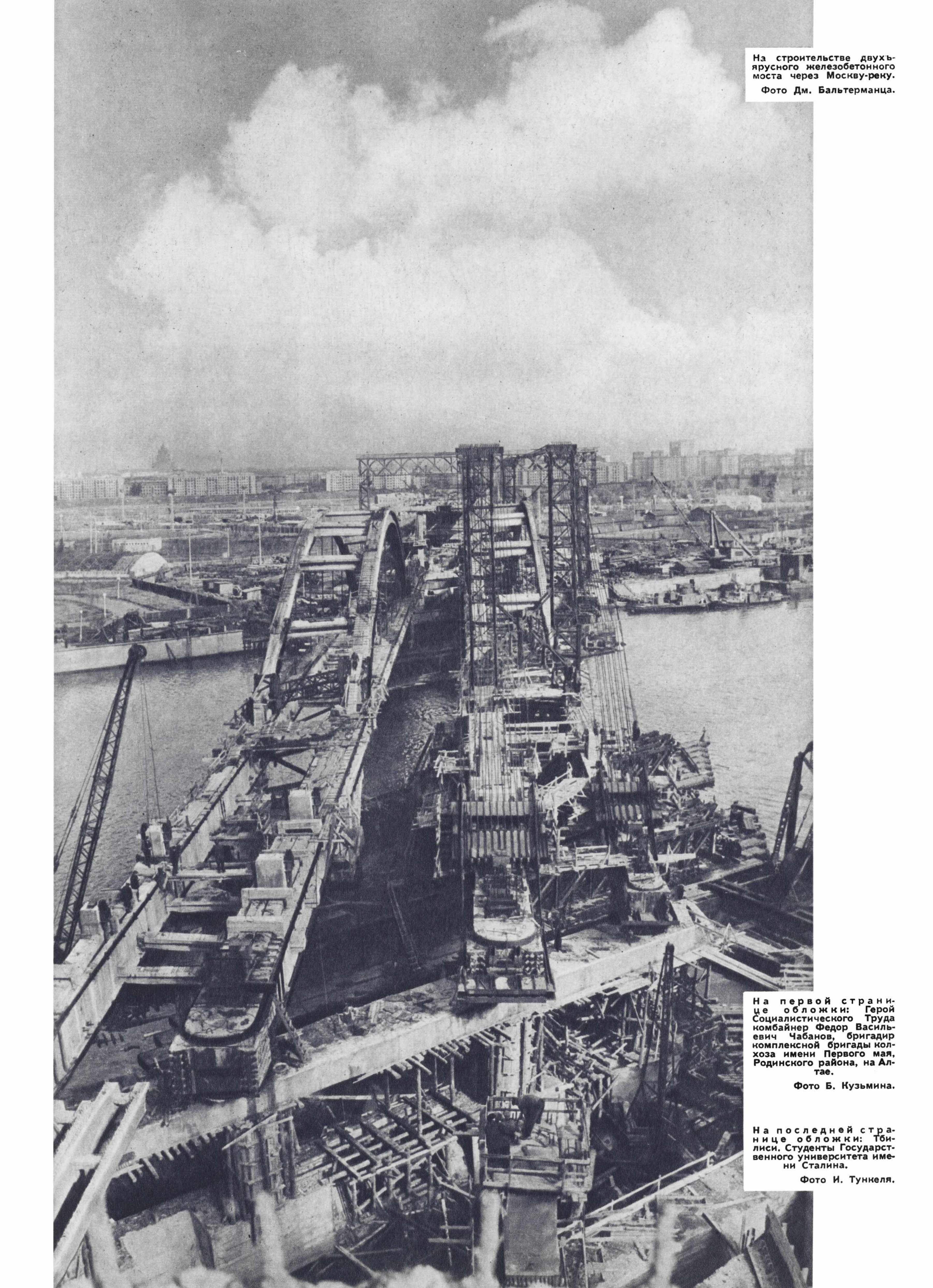

ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На строительстве двухъярусного железобетонного моста через Москву-реку.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: Герой Социалистического Труда комбайнер Федор Васильевич Чабанов, бригадир комплексной бригады колхоза имени Первого мая, Родинского района, на Алтае.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: Тбилиси. Студенты Государственного университета имени Сталина.

Фото И. Тункеля.

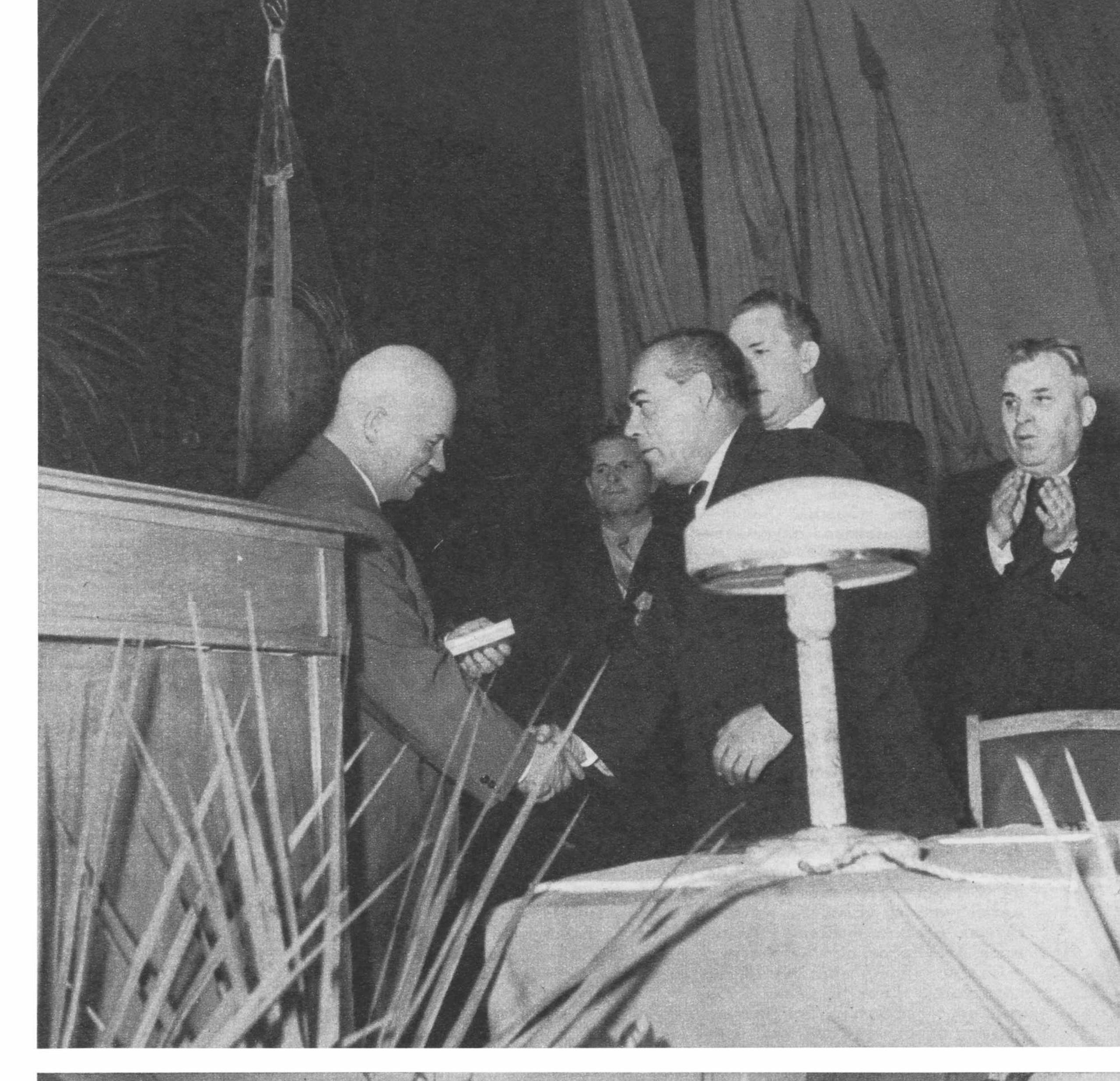
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 43 (1636)

19 ОКТЯБРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЩЕДРАЯ, БОГАТАЯ ОСЕНЬ

Радостные вести продолжают поступать с полей. Завершая уборку богатого урожая, труженики социалистической деревни ссыпают в закрома государству новые и новые миллионы пудов зерна.

Во всенародное торжество вылилось вручение ордена Ленина Ставропольскому краю за выдающиеся успехи в развитии сельского хозяйства. На торжественном заседании в Ставрополе, где с большой речью выступил Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев, наряду со знатными людьми края присутствовали гости из соседних областей: Сталинградской и Саратовской — и автономных республик: Кабардино-Балкарской, Дагестанской, Калмыцкой.

В эти же дни Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР поздравили трудящихся Краснодарского края с успешным выполнением повышенных обязательств по продаже государству 140 миллионов пудов хлеба. 15 октября на торжественном заседании Краснодарского краевого комитета КПСС и исполкома краевого Совета депутатов трудящихся товарищ Н. С. Хрущев вручил Краснодарскому краю орден Ленина, которым край был награжден за большие успехи в производстве сельскохозяйственных продуктов.

На 10 октября государству продано хлеба на 1 487 миллионов пудов больше, чем на ту же дату в 1953 году. С завершением уборки скошенного хлеба в Сибири и Казахстане государством будут закуплены еще сотни миллионов пудов. Такого количества хлеба никогда еще не заготавливалось в нашей стране.

НА СНИМКАХ:

Вверху — Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров Союза ССР тов. Н. С. Хрущев вручает орден Ленина представителям Ставропольского края.

Внизу — Ставрополь. На торжественном заседании краевого комитета КПСС и исполкома краевого Совета депутатов трудящихся, посвященном вручению ордена Ленина Ставропольскому краю за успехи в развитии сельского хозяйства.

Фото С. Раскина.

Навстречу XXI съезду КПСС

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КАУЧУК

Мирза **ИБРАГИМОВ**

Фото Я. Рюмкина.

Советский человек, где бы он ни трудился, в эти дни, накануне XXI съезда КПСС, с радостью оценивает меру великих дел, свершенных нашим народом после XX съезда партии.

По предначертаниям партии, по программе, намеченной майским Пленумом ЦК КПСС, мы строим большую советскую химию. За семилетие в два—три раза увеличится выпуск важнейших химических продуктов, в 4,5—8 раз—производство синтетических волокон и пластмасс, в 3,4 раза—синтетического каучука. Изделия химической промышленности займут видное место в машиностроении, на транспорте, в быту. Предполагается построить и реконструировать 257 предприятий в дополнение к тем многим предприятиям химической промышленности, которые появились в стране за годы Советской власти. Одно из самых молодых среди них—Сумгаитский комбинат. О нем, о его людях и об их делах в эти предсъездовские дни рассказывает азербайджанский писатель Мирза Ибрагимов.

Еще сто лет назад великий азербайджанский писатель-реалист Мирза Фатали Ахундов в пьесе «Молла Ибрагим Халил—алхимик» высмеивал одурманенных суеверием людей, слепо веривших в то, что хитрый стяжатель Молла Ибрагим обладает чудотворным эликсиром, превращающим все на свете в серебро и золото. Один из персонажей комедии, поэт Гаджи Нури, полный веры в творческие силы человека и его разум, обращаясь к своим обманутым землякам, говорит: «Эликсир—в вашем труде, в вашей профессии. Только они—источник благосостояния».

Эти мудрые слова из бессмертной комедии Ахундова я вспомнил, когда шел по широко раскинувшейся заводской площади, среди устремленных ввысь огромных металлических колонн и труб, и слушал рассказ инженера Байрамова Али Касум оглы.

Сразу видно, что Байрамов пользуется здесь искренним уважением и любовью. Все его называют просто — Али Касумович. Он невысок. Из-под густых бровей, уже побеленных сединой, на вас смотрят острые черные глаза, настолько живые и по-детски веселые, что вы не сразу замечаете, что он носит очки.

Заводу синтетического каучука, на котором Али Касум оглы работает заместителем директора, всего пять лет. Его начали строить в 1948 году и закончили в 1953-м. Вернее, завод и по сей день строится. В 1953 году получили только первую продукцию — этиловый (винный) спирт из отходов перерабатываемой нефти. Этим были открыты величайшие перспективы развития химии в Азербайджане. Строительство гигантского, многоцехового завода продолжается и по сей день, потому что научная мысль и передовая производственная практика ежедневно обогащаются новыми открытиями и усовершенствованиями. В результате появляются все новые цеха, новые машины, новые методы производства ценнейшей продукции.

И совсем не удивительно, что Али Касум оглы с такой прямолинейной гордостью говорит:

— Все это построено нашими рабочими, сконструировано нашими инженерами, изобретено нашими учеными!

Али Касум оглы немолодой, ему пятьдесят шесть лет. Но от него веет юношеским задором. Он с завидной подвижностью и энергией ведет нас от одного цеха к другому, объясняя в высшей степени сложный процесс получения спирта и каучука.

— Конечно, это очень привлекательно, — говорит он, — превратить нефтяные газы в спирт, а из этого спирта получить каучук самого высокого качества.

Да, действительно интересно!

На протяжении десятилетий бакинские нефтеперегонные заводы, вырабатывающие ныне из нефти свыше 140 различных видов продукции, ежедневно выбрасывали в воздух отходы в виде сложной смеси многих газов.

Знойной летней порой, когда южное солнце с утра до вечера обильным потоком льет свои огненные лучи на землю, нефтяные газы, смешиваясь с испарениями, загрязняли воздух до того, что становилось трудно дышать, особенно в так называемом «Гара-Шехер»—Черном городе, где расположены нефтеперерабатывающие заводы.

— До недавнего времени, — говорит Али Касум оглы, — многие считали крекинг-газы большим злом, хотя часть этой смеси использовалась как топливо. Но основная ее масса выбрасывалась в воздух. Тогда большинству людей не приходило в голову, что ежедневно в воздух летят не просто газы, а сотни и тысячи тонн спирта, миллионы покрышек, несметные рулоны различных тканей.

Надо было завоевать это богатство, бесполезно исчезающее в пространстве, отдать его на благо народа. Такая высокая честь выпала на долю химиков Азербайджана.

Азербайджанский завод первым в Советском Союзе начал производить синтетический спирт. Ныне такие заводы существуют и в других городах страны. Но завод СК в Сумгаите имеет много преимуществ, является одним из мощнейших и передовых предприятий.

Конечно, к производству спирта из нефтяных газов советская наука пришла не сразу, а в результате долгих исканий и воистину героических усилий многих наших ученых, и немалую долю в это внесли крупнейшие ученые Азербайджана: действительные члены Академии наук Азербайджанской ССР Юсуф Мамедалиев, Муртуза Нагиев, доктор технических наук М. А. Долин и другие.

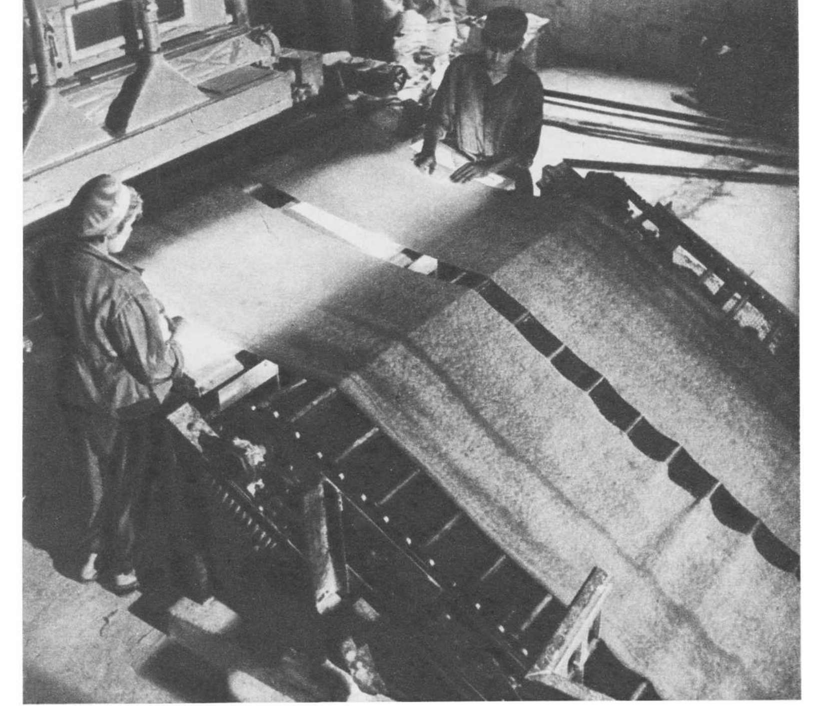
Сложный технологический процесс получения спирта из газов вызывает огромный интерес даже у не искушенного в химических процессах человека. Газы, подаваемые из Баку на завод под давлением 50 атмосфер, в многостадийном производственном процессе подвергаются самым причудливым изменениям, превращениям и синтезу, в результате которых и получается этиловый спирт. Достаточно сказать, как «лихорадит» газы на этом сложном и долгом пути: в процессе переработки их ждет то трескучий мороз в 40 градусов, то 800-градусная жара.

Синтетический этиловый спирт, получаемый из смеси нефтяных газов, идентичен этиловому спирту из пшеницы, картофеля, кукурузы, но гораздо дешевле обходится. Производство синтетического спирта умножает материальные богатства нашей страны, помогает быстрейшему решению задачи, поставленной XX съездом Коммунистической партии Советского Союза, — созданию в ближайшие годы изобилия продуктов питания и товаров для нужд населения. На каждую тонну этилового спирта затрачивается 4—4,3 тонны хлебопродуктов или 10—11 тонн картофеля. Таким образом, Сумгаитский завод СК позволяет народу и государству ежегодно сохранять сотни тысяч тонн пищевых продуктов. На производство спирта, который получит Сумгаитский завод из газов только в этом году, потребовалось бы много миллионов пудов хлеба.

Получив в 1953 году этиловый спирт из отходов нефти, большой и дружный коллектив Сумгаитского завода не успокоился. Началась упорная борьба за выпуск

Инженер Али Байрамов и старший мастер цеха полимеризации Надежда Зайцева.

По конвейеру идет каучук.

различных видов синтетического каучука. В эту борьбу включились ученые и конструкторы Азербайджана, высший и средний технический персонал, строители и рабочие-рационализаторы. К ним на помощь пришли специалисты Москвы, Ленинграда, Воронежа, Ярославля.

Наконец наступил большой праздник в жизни завода: 25 сентября 1957 года были выпущены первые тонны синтетического каучука. О том, какие трудности пришлось преодолеть коллективу, с каким энтузиазмом и самоотверженностью работали люди, пока организовали этот процесс, охотно рассказывают нам директор завода Д. Калинин, секретарь первичной партורганизации Х. Раджабов, секретарь горкома партии молодой инженер З. Нуриева и старый наш знакомый Али Касум оглы Байрамов.

Али Касум оглы не только хороший специалист. Он широко образованный человек и прекрасный собеседник. Обладая тонким чувством юмора, он любит вставлять в разговор шутливые фразы, по видимости как будто не имеющие отношения к делу, но это только по видимости.

— Сейчас я вам покажу теплое молоко, которое мы получаем из нефтяных газов, — говорит он и направляется к большой емкости, откуда течет белая жидкость, действительно похожая на молоко или, скорее, на млечный сок тропических каучуконосных деревьев, из которого получают натуральный каучук.

Из этого «молока» в следующем цехе появляются ленты каучука.

В ближайшее время Сумгаитский завод СК выдаст третью марку каучука — дивинил-нитрильного, обладающего очень ценными качествами: он морозо-, масло- и бензостоек.

Новые большие задачи встали перед коллективом предприятия после июньского Пленума ЦК КПСС. Сейчас, в преддверии XXI съезда партии, сумгаитцы с энтузиазмом борются за их скорейшее решение. Ныне в разгаре стройка третьей очереди завода. Это так называемая бутановая группа. Она даст возможность упростить процесс производства каучука и сильно удешевить его. При нынешнем способе газы сперва превращаются в спирт, а затем из него уже получают каучук. При новом, бутановом, способе минуется стадия превращения газов в спирт, каучук вырабатывается непосредственно из газа бутана. А бутан содержится не только в отходах нефтеперегонных предприятий, но и в природном горючем газе, неисчерпаемые источники которого находятся в Азербайджане, в местности Карадаг (Черная гора).

Бутановая группа объявлена ударной комсомольской стройкой. И это не случайно. Славная наша молодежь приняла активное участие в строительстве не только заводов СК, но и всего сумгаитского комплекса: трубопрокатного, алюминиевого и других предприятий.

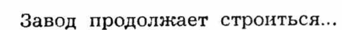
Биографии, личные жизни сотен и тысяч молодых людей органически переплетаются с историей этого чудесного города. Они росли вместе. Рука об руку с опытными специалистами и рабочими закладывали фундаменты первых цехов, первых жилых домов, сажали первые деревья. Сейчас эти цеха выросли в крупные заводы, дома составляют большие кварталы, молодые посадки превратились в густые сады и парки. Еще больше, заметнее выросли люди, строители города. Многие из тех, кто начал свой путь чернорабочим, теперь стали мастерами, техниками, руководителями больших коллективов. Имена начальников передовых смен Агамира Ибрагимова, Эсмеральды Бабаевой, Армена Бахтамяна, аппаратчиков Сахиба Аббасова, Рустама Рустамова, электросварщиков и мастеров цехов Гусейна Салеха, Надежды Зайцевой, А. Алиева, З. Сейфиева и других известны во всем Сумгаите.

В центре внимания работников завода СК — вопросы автоматизации, технического прогресса. Тут существует специальный научно-исследовательский институт «Нефтехимавтомат», который помогает в автоматизации и внедрении новой техники. Отдельные крупные цеха со сложным технологическим процессом управляются с помощью автоматики двумя — тремя аппаратчиками. Профессия рабочего без квалификации почти исчезает. Здесь подавляющее большинство тружеников — люди с высшим и средним техническим образованием. Молодежь работает и учится.

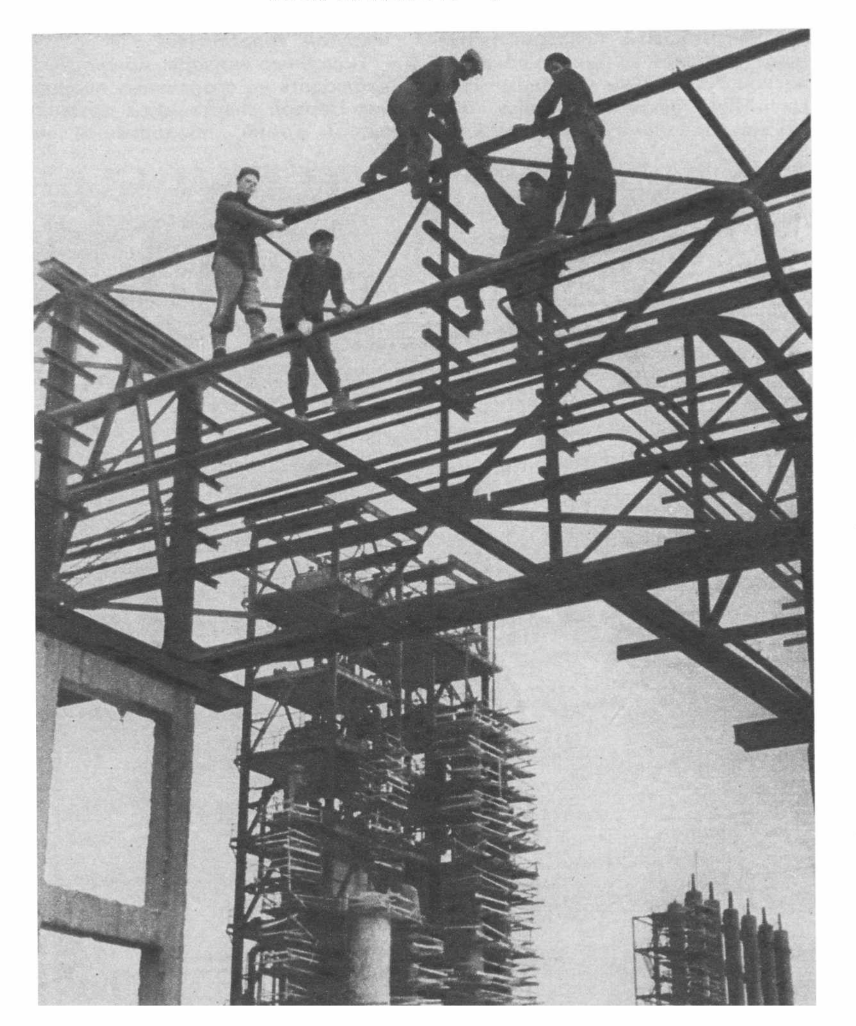
Сумгаит строится, растет с каждым днем, превращаясь в крупный промышленный центр Азербайджана. Сумгаиту всего десять лет, но он уже славится во всех уголках республики, о нем знают металлурги и химики всего Советского Союза. Он привлекает внимание ученых и специалистов многих стран мира. Поэты Азербайджана воспевают его в стихах, композиторы слагают о нем песни, художники в больших полотнах отражают его кипучую жизнь. Он вызывает радостную улыбку на лице каждого азербайджанца. И не только потому, что Сумгаит — колыбель новых, ранее неизвестных в республике отраслей промышленности. Он символ будущего, еще большего расцвета.

Старший аппаратчик Рустам Рустамов.

Завод продолжает строиться...

Молодой город металлургии и химии Азербайджана широко раскинулся на берегу бурного Хазара — Каспийского моря, в сорока километрах севернее Баку. Вокруг Сумгаита простираются огромная степь и зеркальная гладь синих морских вод.

Народная легенда, передававшаяся на протяжении веков из поколения в поколение, говорит, что название «Сумгаит» происходит от двух слов: «су» — вода, «гайыт» — вернись. Сумгаит — значит местность, куда вода не доходила, где она исчезала. И действительно, маленькая, извивающаяся по песчаной апшеронской земле речушка даже в зимние и весенние месяцы еле-еле доходит до Сумгаита: голодные, жаждущие влаги пески капля за каплей глотают ее воды. Тот далекий наш предок, который в отчаянии назвал этот безводный морской берег Сумгаитом, даже не мог мечтать о том, что здесь можно вырастить цветник самых разнообразных роз и тюльпанов, сад из чинар и эльдарских сосен, построить город вечной жизни, вечной молодости и страстных поисков нового.

Это было не под силу ему; такую большую мечту могли взлелеять и с таким размахом осуществить только его далекие наследники, которым выпало счастье жить в эпоху великого обновления земли.

Баку.

Под факелом дружбы

Полковник Н. ДЕНИСОВ

Фото А. Григорьева.

Стремительно выскочив из окопов, люди в спортивных комбинезонах и военных пилотках бросились вперед. Каждый вооружен учебной винтовкой. Вот они, стараясь опередить друг друга, попластунски проползли под многометровыми проволочными заграждениями, пробежали по скользким от дождя бревнам, напрягаясь всеми мускулами, с разбегу перемахнули через дощатые стенки, прошли сквозь другие препятствия штурмового городка. Труден путь спортсменов. Одни уже вырвались вперед. Другие еще только преодолели заборы.

Первым пришел к финишу рядовой Советской Армии Владимир Ситкин. Он тяжело дышал, крупные капли пота сбегали по открытому русскому лицу воина.

Вслед за советским солдатом закончили дистанцию штурмового городка младший лейтенант Народно-освободительной армии Китая Чан Че-шан и младший лейтенант Народной армии Демократической Республики Вьетнам Ноо Цван Кун. Весело улыбаясь, они тут же подошли к Владимиру Ситкину и сердечно поздравили его с успехом.

Затем вместе, в обнимку с армейскими спортсменами Албании, Венгрии, Монголии, все ушли на другие спортивные площадки, чтобы еще раз помериться мастерством в наиболее массовых и трудных состязаниях — военно-прикладном троеборье.

Подобные эпизоды можно было наблюдать на спортивных площадках Первой спартакиады дружественных армий, проходившей недавно в Лейпциге. Военные спортсмены двенадцати стран социалистического лагеря зажгли факел своей спартакиады. Свет этого факела — факела дружбы — в течение недели озарял стадионы и спортивные городки, ринги и плавательные бассейны, кроссовые дорожки, фехтовальные площадки и футбольные поля многих городов Германской Демократической Республики. Полторы тысячи спортсменов крепили дружбу между народами всех стран социалистического лагеря. И не случайно главная награда коллективу, завоевавшему первенство, называется «Приз дружбы». Этот почетный приз в день закрытия спартакиады под звуки Государственного гимна Советского Союза был вручен нашим армейским спортсменам, показавшим наилучшие результаты в многодневной спортивной борьбе.

С искренним чувством крепкой дружбы немецкий народ встречал посланцев стран социалистического лагеря, окружал их заботой и вниманием. В Лейпциге было особенно многолюдно на тех улицах, где размещались делегации дружественных армий. Немецкие трудящиеся приходили к спортсменам с сердечными словами привета, приносили подарки, оставляли памятные письма и адреса.

Особенно частыми были посещения спортивной делегации советских Вооруженных Сил. Пионеры Габриэль Райман, Эрик Ферль и Эльке Риль принесли альбомы с надписями на русском языке, планеры, рукоделия. Офицеры и сол-

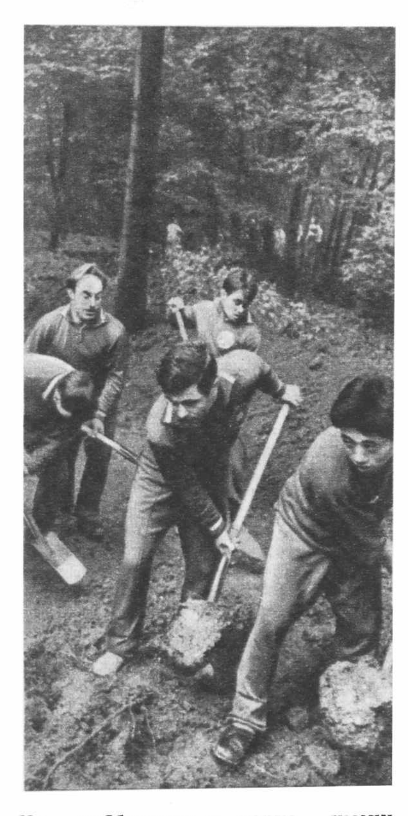

Кто быстрее преодолеет препятствия штурмового городка?

даты национальной Народной армии Германской Демократической Республики подарили десятки сувениров с памятными надписями о дружбе. Много подарков оставили железнодорожники, деревообделочники, типографские рабочие.

Интерес немецких трудящихся к спартакиаде был огромен. Как правило, билеты на все спортивные состязания, футбольные и баскетбольные игры, на встречи боксеров и борцов раскупались заранее.

Настоящим праздником явились для жителей города Гриммы состязания в пятиборье: по конному спорту, фехтованию, плаванию, стрельбе и бегу. По настоянию горожан их воскресный отдых был перенесен на день начала пятиборья. С семьями, с детьми, прихватив с собой завтраки, они пришли на живописный берег реки Мульды, к месту старта конного кросса. До позднего вечера тут гремели оркестры. Когда все участники соревнований прошли по дистанции кросса, началось народное гулянье.

На субботнике в парке имени Клары Цеткин.

Несколько дней в рабочем клубе промышленного города Лойна проходили соревнования борцов. Немецким рабочим полюбились многие спортсмены. Увидев где-либо, скажем, советских богатырей Ивана Бо́гдана или Алексея Ванина, они ласково называли их по имени и тут же обязательно добавляли: «Наш Ваня», «Наш Алеша». С такой же задушевностью обращались немецкие рабочие и к болгарским борцам Василю Маринкову, Станко Колеву и другим.

Программа соревнований была весьма обширной. В военно-прикладном троеборье участвовало более 550 спортсменов. Среди них были стрелки, гимнасты, легкоатлеты, пловцы, боксеры, борцы, футболисты, тяжелоатлеты, баскетболисты, наездники.

Каждый день в острую спортивную борьбу вступали новые силы, и каждый день становились известными новые имена. Мировым рекордом в жиме двумя руками — 119,5 килограмма — порадовал всех советский штангист Е. Минаев. Советские стрелки И. Мейтин, М. Иткис, М. Умаров и другие завоевали 77 золотых медалей.

Команда национальной Народной армии ГДР взяла первое место в военно-прикладном троеборье, а первое и второе индивидуальные места в этом виде состязания были присуждены китайскому спортсмену Хан Гуе-сану и монгольскому солдату Гомбо Зухэ. Первенство в футбольном чемпионате завоевала команда Болгарской народной армии, а в пятиборье победу одержал коллектив Венгерской народной армии. И так все время — новые имена, новые победы...

Духом дружбы, взаимной помощи были проникнуты все дни спартакиады. И тут почти совсем никакой роли не играли различие языка, воинские звания или возраст. У албанцев и немцев, корейцев и русских, венгров и румын — у спортсменов всех стран социалистического лагеря находились и нужные слова и выразительные жесты для того, чтобы объяснить товарищам по оружию и по спорту тот или иной прием или рассказать о «секретах» победы.

Живой обмен мнениями между спортсменами и их тренерами проходил всюду — на бровках беговых дорожек, в плавательном бассейне, возле кабин стрелкового тира, на площадках для спортивных игр. Частыми были также и дружественные встречи спортсменов различных стран.

Китайские тяжелоатлеты Чен Цзинь-кай и Ван Чао-вен внимательно вслушивались в советы Федора Богдановского. Интересно заметить, что буквально через день после этой беседы Чен Цзинь-кай, выступивший в Конгрессхалле на соревновании штангистов, установил новый мировой рекорд в толчке — 140,5 килограмма.

«Секретами» наших баскетболистов, которые, к слову сказать, отлично провели все игры спартакиады, делился с китайскими спортсменами тренер команды А. Гомельский. Офицеры-орденоносцы Чен Фу-лай и Чжан Десян подробно разобрали ход матча и тактические, замыслы баскетбольных команд СССР и КНР.

Не мог не зайти на этой встрече и гневный разговор о провокациях империалистов в Тайваньском проливе. На митинге немецких трудящихся и участников спартакиады в Лейпциге была принята резолюция протеста.

«От Эльбы и до Желтого моря сыновья рабочих и крестьян стоят на страже мира»,— говорилось в этой резолюции.

Справедливые слова! Любым проискам империалистов суждено разбиться о нерушимую стену лагеря социализма.

Известный советский штангист Аркадий Воробьев поздравляет китайского тяжелоатлета Чен Цзинь-кая с установлением мирового рекорда.

Духовная близость всех участников спартакиады нашла яркое проявление и в их тяге к историческим местам, дорогим сердцу каждого человека, строящего социализм. В старинном Лейпциге бережно хранится память о великом вожде международного пролетариата В. И. Ленине. Здесь, в Лейпциге, были напечатаны первые номера ленинской «Искры», здесь, в старом здании лейпцигской народной газеты, В. И. Ленин в 1912 году встречался с социал-демократическими депутатами Государственной думы. Помещения, в которых происходили эти события, теперь стали музеями.

С непередаваемым волнением спортсмены переступали порог небольшого одноэтажного домика на Руссенштрассе. Вот наборная касса, за которой стоял рабочий И. Блюменфельд, набирая строки первого номера «Искры». Вот печатная машина, рукоятку которой крутил печатник Герман Рау, тиская гранки для авторской корректуры. В этой же комнате в углу стоит небольшой темного дерева письменный стол с керосиновой лампой под белым абажуром. Присев на стульчик со спинкой из плетеной соломки, Владимир Ильич правил за этим столом гранки «Искры». А вот и экземпляры ее первых четырех номеров, напечатанных в этой небольшой типографии.

Глубокое впечатление оставило в сознании спортсменов и посещение ими других исторических мест. Они побывали в музее Г. Димитрова, в том самом зале, облицованном мореным дубом, где двадцать пять лет назад гитлеровцы на Лейпцигском процессе собирались навечно засудить коммунизм и где на весь мир прозвучал обличающий голос Димитрова.

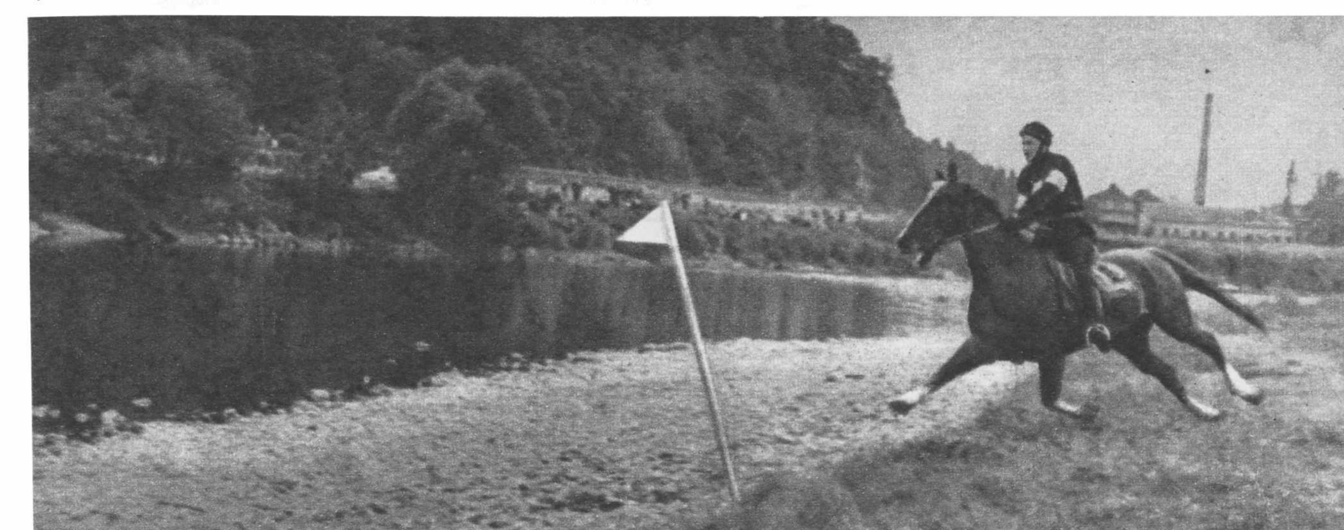
Ленинским духом братской дружбы был проникнут большой субботник в парке имени Клары Цеткин.

Надолго останется в памяти тот вечер, когда спортсмены, одетые в парадную форму своих армий, еще раз собрались на Центральном лейпцигском стадионе. Победителям спартакиады были торжественно вручены призы и награды. Больше всех их получили советские спортсмены, завоевавшие серебристый кубок «Приз дружбы» и 253 золотых, серебряных и бронзовых медали.

Участниками спартакиады было установлено самое главное достижение: еще больше укреплена дружба между народами стран социалистического лагеря. Пламя этой дружбы неугасимо.

г. Лейпциг.

Начались состязания по пятиборью...

ДУХ ТАШКЕНТА—ЕДИНСТВО

Говорят главы делегаций

Окончилась историческая конференция писателей стран Азии и Африки в Ташкенте. За ходом ее работы следили прогрессивные люди всех континентов, ее решения приветствуют все, кому дороги свобода, прогресс и мир.

Во время конференции мы обратились к главам всех делегаций с просьбой высказать на страницах «Огонька» те чувства, которые испытывает каждый, участвуя в этом замечательном международном форуме литературы. Полученные в ответ короткие записи заключают в себе оценку конференции теми, кто представляет полтора миллиарда человек, населяющих два континента.

Каждый из делегатов писал на своем родном языке. На этих страницах переводы записей, сделанных на языках аньи (Берег Слоновой Кости), волоф (Сенегал), тагалог (Филиппины), кимбунду (Ангола), герзе (Гвинея) и т. д.

Не все, к сожалению, имели возможность выразить чувства на родном языке. Делегатам Мозамбика и Дагомеи пришлось писать по-французски, так как в их странах колониальные власти запрещают преподавать в школах местные языки и писать на собственном языке жители Дагомеи и Мозамбика не умеют.

Эти заметки делегатов проникнуты духом единства, тем «духом Ташкента», который нашел свое выражение в словах обращения конференции к писателям мира: «...Наша жизнь неразрывно связана с жизнью наших народов, их цели — наши цели, их борьба — наша борьба, и мы решительно боремся вместе с ними против зол колониального господства и угрозы ядерной войны, за мир, единство и дружбу между нашими народами».

Г. БОРОВИК
Фото автора.

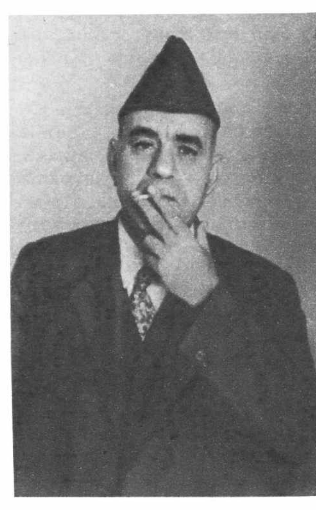
СССР

В Ташкенте мы посеяли великие семена дружбы и сотрудничества народов, солидарности писателей на благородной почве традиционных литературных и культурных связей народов двух великих континентов. Единогласно принятое обращение к писателям мира — это мудрый, справедливый документ огромного международного значения. Каждый участник конференции внес в этот документ свою мудрость и мудрость своего народа, теплоту своего сердца и миллионов простых сердец тружеников Азии и Африки.

Ш. Рашидов

ИРАК

Ташкентская конференция войдет светлой страницей в историю народов. Искренние, благородные стремления, породившие ее решения, безусловно, найдут путь к сердцам миллионов людей в Азии и Африке, они послужат источником силы и решимости в борьбе за свободную жизнь, достойную человека.

Да здравствует Ташкент, место встречи двух континентов!

Абдарраззак Мухитдин

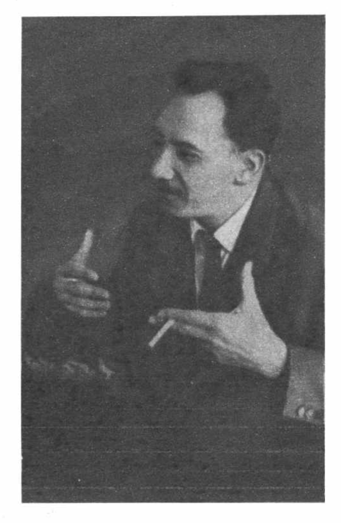
КИТАЙ

Мы глубоко уверены, что исторический форум писателей стран Азии и Африки в Ташкенте сыграет очень большую роль в усилении взаимопонимания между деятелями литературы, между народами стран Азии и Африки, в укреплении дружбы и солидарности, усилении культурного обмена. Тем самым он будет содействовать делу борьбы против колониализма и защиты мира во всем мире.

Мао Дунь

АЛЖИР

Я считаю, что съезд писателей Азии и Африки в Ташкенте — выдающееся событие. Этот съезд открывает новые горизонты перед интеллигенцией обоих континентов, вдохновляет их на плодотворный труд, освещающий народам путь к свободе и национальному суверенитету.

Мохамед Эль-Араби

ИНДОНЕЗИЯ

Уважаемые друзья!

Я считал за большую честь быть гостем Ташкента. Я с удовольствием воспользовался этой возможностью, ибо здесь создается единство и сотрудничество в области культуры и литературы стран Азии и Африки.

Я глубоко уверен, что эта конференция и ее новые идеи послужат претворению в жизнь принципов Бандунга.

Прамудья Ананта Тур

КИПР

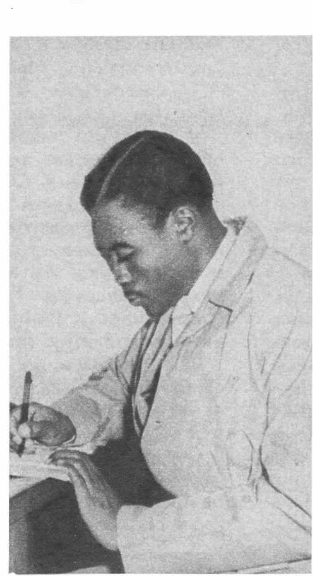
«Свет — это наша любовь. Любовь есть свет».

Когда я писал эти слова из стихотворения, я и не думал, что они так скоро найдут подтверждение. Этим я обязан ташкентской конференции, которая наполнена светом и любовью.

Мне бы хотелось, чтобы в груди у меня билось столько сердец, сколько существует советских людей, людей из Азии, из Африки, чтобы каждому из них подарить сердце за то великое счастье, которое они мне дали. Пусть примут они мою братскую любовь, пламя всечеловеческого сердца, которое горит в священном огне Мира и Свободы.

Тевкрос Антиас

УГАНДА

Польза этой конференции велика потому, что здесь мы имели возможность встретиться со многими писателями, которые своим творчеством защищают дело этих народов, до сих пор изнывающих под ярмом колониализма. Народы Азии и Африки пробудились, и нет такой силы, которая могла бы остановить их движение вперед. И я думаю, что моя страна тоже в скором времени освободится благодаря нашей солидарности и поддержке всех народов.

Али Омар Сенионга

ТУРЦИЯ

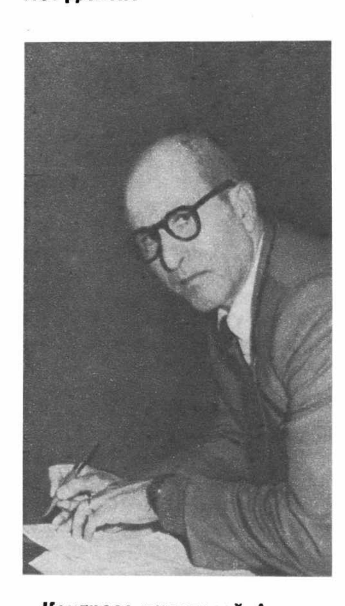
Для нас, писателей Азии и Африки, ташкентская конференция — великий праздник. Я знаю, что мы живем в такую эпоху, когда в каждом таком празднике все больше и больше участников.

Скоро мы будем праздновать 41-ю годовщину Октября, праздник всего человечества, который сделал возможным и наше ташкентское торжество.

Об этом я думаю в Ташкенте.

Назым Хикмет

ИОРДАНИЯ

Конгресс писателей Азии и Африки объединил людей пера этих двух континентов для защиты свободы. Против этих связей между писателями выступает империализм, но воля народов победила на этой конференции. Свободные перья объединились в решении бороться против империализма, за создание нового общества, где будут царить любовь, красота, свобода.

Самый созыв этой конференции означает успех: она поможет писателям выполнить истинную миссию литературы — защитить честь художественного слова.

Абу Сальма

ТАИЛАНД

Три основных черты конференции стран Азии и Африки в Ташкенте произвели на меня глубокое впечатление:

дух взаимоуважения и братства между писателями этих двух континентов; незабываемое радушие, с которым жители Ташкента принимали нас, участников конференции; стремление к дружбе и миру всех писателей земли.

Кулаб Сайпрадит

СУДАН

Каждый день, проведенный в мире, означает победу человечества. Народ Судана тоже стремится к свободе и борется за мир. От имени суданской делегации благодарю правительство Советского Союза и народ Узбекистана за теплое гостеприимство.

Д-р Мухиддин Сабер

ОБЪЕДИНЕННАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА

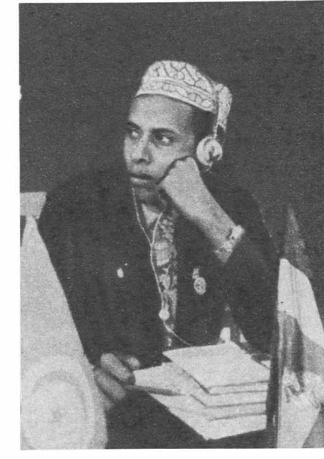

Здесь, в этом историческом красавце-городе, собрались представители писателей стран Азии и Африки, чтобы обменяться мыслями о литературе, наладить сотрудничество и рассказать о вкладе своих народов в борьбу за свободу, национальное достоинство и мир. Мы, делегаты арабских стран, почувствовали здесь любовь узбекского народа и вообще всех советских людей к народам арабских стран, их искреннее желание ознакомиться с нашей литературой, с нашим возрождением.

От имени граждан Объединенной Арабской Республики спасибо советским людям за их гостеприимство и любовь.

Мохаммед Халафалла Ахмед

СОМАЛИ

Салям алейкум! Дорогие друзья! Мой народ несет вам свои сердечные приветствия, напоенные ароматом моей родины. Он хорошо знает теперь, кто его друзья и кто враги. Он знает, что его враги те, кто превратил его страну в колонию и создает свое богатство на останках его разрушенной цивилизации. Он знает, что его друзья — это те, кто становится на его защиту. Представляя свою страну на этой конференции писателей стран Азии и Африки, я не чувствовал себя здесь чужим.

Ахмед Омар-эль-Азхари

МОНГОЛИЯ

Книга просторна, как небо, широка, как земля, глубока, как море. Читать книгу — все равно что летать по небу, объезжать землю, плавать по морю. Увидеть нарисованные цветы приятно, но еще приятнее увидеть живые цветы. Читать напечатанное на бумаге слово — интересно и полезно, но полезно беседовать и с автором книги. Я еще лучше понял на этой конференции писателей стран Азии и Африки, что писатели — это живые книги, мудрые учителя, добрые друзья, трудолюбивые созидатели, смелые бойцы за счастье и свободу человечества.

Ц. Дамдинсурэн

КОРЕЯ

Ташкентская конференция ответила объединенной волей и разумом на самые неотложные проблемы, стоящие перед человечеством. Без единого исключения, делегаты, участвовавшие в работе конференции, выразили твердую решимость превратить свое перо в оружие протеста против преступлений империалистической военщины, и прежде всего в оружие для уничтожения на нашей планете войны и колониализма. Это справедливый приговор и непреклонное обещание.

Хан Сер Я

МАДАГАСКАР

Конференция эта очень важна. Она продолжает линию Бандунга, который был встречей всех, кто страдал от колониализма. На конференции в Ташкенте писатели взяли на себя большую ответственность: они связали слова и дела писателей в одно целое, заявили, что будущее их народов — их собственное будущее.

Обер Рабеноро

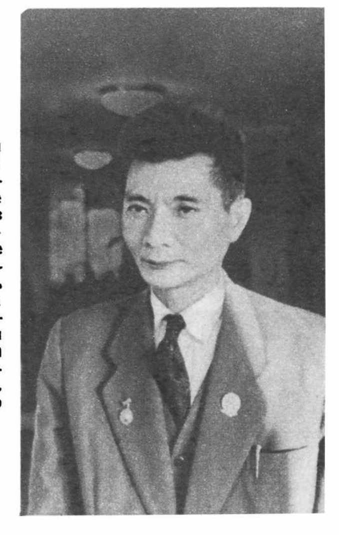
НЕПАЛ

Конференция афро-азиатских писателей предстает перед нами как очень значительное событие современности, ибо на эту грандиозную ассамблею собрались сторонники и созидатели мира, братья человечества, лучшие умы. За ними мы чувствуем присутствие полутора миллиардов людей. Я надеюсь, эта ассамблея вдохнет в миллионы страдающих людей золотую надежду, укажет сияющую дорогу к будущему. Эта встреча будет жить в постоянном и неувядаемом воспоминании.

Лакшми Прасад Девкота

ВЬЕТНАМ

Только уничтожив колониализм, можно открыть путь для национального прогресса и развития национальных литератур. Этой большой идеей было проникнуто все совещание в Ташкенте. Империалисты повсюду протягивают еще свои дьявольские лапы, но им уже не остановить великого ветра, который рушит стальные завесы между проснувшимися народами Азии и Африки.

Хоай Тхань

ДАГОМЕЯ

Писатели, ответственные за формирование мирового общественного мнения, сказали в Ташкенте «нет» удушению неразвитых стран, «нет» всему тому, что держит нас в экономической, политической и культурной кабале.

Солидарность стран Африки и Азии, родившаяся в Бандунге, еще сильнее упрочилась в Ташкенте. Советское правительство и советский народ приложили похвальные старания для успеха этой конференции. От всего сердца говорю им большое спасибо. Да здравствуют народы Африки и Азии! Да здравствует солидарность этих народов! Да здравствует мир!

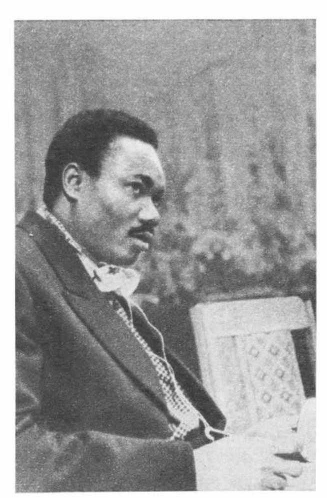
Альбер Тевоэджр

ПАКИСТАН

Конференция писателей стран Азии и Африки принесет большую пользу делу свободы и прогресса, странам отсталым и угнетенным, опутанным цепями иностранного гнета. Силой слова мы можем сокрушить войну, силой слова можем добиться мира.
Вселенной сад мы окропим
Сердец своих горячей кровью.
Пусть радугой сверкает он
В цветенье вечном роз.
И пусть живет всегда, вовек
Союз людей пера.

Абулассар Хафиз Джаландхари

ГВИНЕЯ

Аплодисменты, которыми я был встречен на конференции писателей стран Азии и Африки,— свидетельство дружбы поистине искренней. Мне выразили горячую радость по случаю независимости Гвинеи. Это радость, которую испытывает добрый пастух, когда овца, заблудившаяся в горах, возвращается в стадо.

Лама

МОЗАМБИК

Ташкентская конференция писателей Африки и Азии поможет укреплению солидар-

ности народов Африки и Азии. Она дала возможность раскрыть перед миром гуманизм культур народов Африки и Азии. Она утверждает волю писателей этих двух континентов бороться вместе со своими народами за свободную и независимую жизнь.

Лилино Микая

БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ

На Ташкентской конференции стран Африки и Азии я сделал для себя два больших открытия: во-первых, я увидел огромные возможности, которыми располагают люди, когда они живут и работают в условиях свободы и мира. И, во-вторых, я убедился в сходстве образа мыслей африканцев и азиатов. Такие встречи должны повторяться как можно чаще. О ташкентской встрече я сохраню неизгладимые впечатления.

Нюпэн-Бенье

КАМЕРУН

О сердце мое! Здесь, в Ташкенте, ты испытало радость, счастье, дружбу! Не забывай никогда этих дней! Азия! Африка! Азия! Африка! Вы — колыбель цивилизации человечества! Вы, чьи плоть и достоинство были осквернены! Подымитесь, воспряньте, чтобы вместе пойти рука об руку!

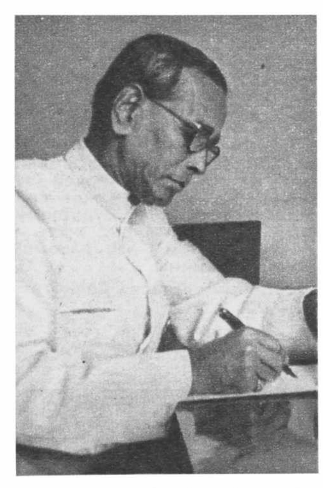
Бенжамен Матип

ИНДИЯ

С трибуны этой конференции я могу предвидеть, что по истечении каких-либо четырех — пяти лет мы будем свидетелями мирового съезда писателей.

Я считаю, что человек прогрессирует от зла к добру, от заблуждения к истине, от ничтожества к величию, от индивидуализма к коллективности, от тьмы к свету, от войны к миру. Это не только мое личное убеждение, это доказанная истина. Цель и предмет литературы—помочь людям почувствовать и понять это, и с каждым днем все глубже.

На этой большой конфе-

ренции мы, труженики на ниве литературы, поняли эту великую задачу и ощутили свою собственную силу. Эта конференция — большая победа.

Тара Санкар Банерджи

АФГАНИСТАН

Я убежден, что эта конференция писателей и поэтов афро-азиатских стран в Ташкенте внесет плодотворный и существенный вклад в сохранение мира и безопасности для всего человечества. А это единственный путь к тому, чтобы творения проникновенных и просвещенных писателей цвели в сердцах их соотечественников.

Наш народ, который придерживается в политике линии нейтралитета, приветствует доброе взаимопонимание и дружбу между народами всего мира и ждет богатых плодов от этой конференции.

Халилилла Хан Халили

ФИЛИППИНЫ

Читателям «Огонька».

Я считаю честью для себя сказать Вам, что конференция писателей Азии и Африки, которая собралась в Ташкенте, достигла больших успехов. Помимо решений, к которым пришла конференция, делегаты посеяли в своих сердцах семена вечной дружбы и братства.

Да здравствует дух Ташкента! Пусть мир и дружба цветут на всей земле!

Мануэль Крус

ГАНА

Мы совершили свой путь в Советский Союз во имя дружбы. То, чего мы пришли искать,— было единство. Когда путешественник в своих скитаниях встречает теплое гостеприимство, он счастлив. По приезде сюда мы были встречены как друзья. Мы по-братски встречались друг с другом. Не удивительно, что, возвращаясь в свои страны, мы уносим с собой дух единства. Спасибо мудрому народу, который помог проложить путь к такой встрече!

Эфуа Теодора Сатерленд

ЯПОНИЯ

На конференции самое сильное впечатление произвел на меня дух борьбы против колониализма. Он проявился особенно в выступлениях писателей стран Африки. Эта проблема, как и общая борьба против испытаний ядерного оружия были двумя основными особенностями конференции. Эти желания и стремления должны найти свое отражение в произведениях писателей стран Азии и Африки. Взаимное понимание и дружба должны расцвести на этой основе.

Сей Ито

КАМБОДЖА

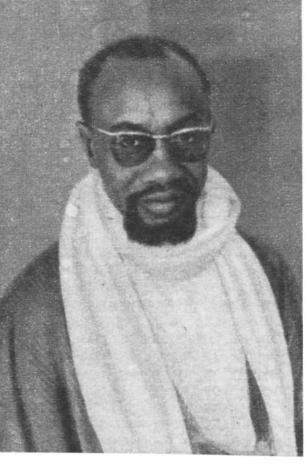
Значение Ташкентской конференции очень велико. Я уверен, что успех этой конференции породит связи в области культуры и искусства между народами двух континентов — Азии и Африки. Писатели Кхмера, которых я здесь представляю и которые являются частью народа, любящего мир и стоящего за нейтралитет, желают одного: еще сильнее крепить узы дружбы с народами, уже дружественными

Камбодже, и установить новые связи со всеми другими странами.

Ма-Лай-Кхем

СЕНЕГАЛ

Я очень счастлив, что приехал на встречу писателей в Ташкенте. Особенно был я рад горячему приему, оказанному нам узбекским народом. Я прошу Вас передать ему мои наилучшие пожелания, приветы и самую искреннюю благодарность.

Мажмут Диоп

НИГЕРИЯ

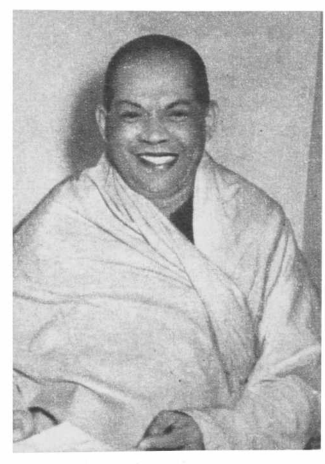

Сегодня народы мира стараются сблизиться, расширяя политические и экономические связи. Если это так, то послужит к их общему благу и обмен в области культуры. Мы убеждены, что эта историческая конференция писателей в Ташкенте — доподлинно крупное достижение в укреплении наших культурных связей.

Ни перо, ни устное слово не могут описать теплого гостеприимства, оказанного нам Советским Узбекистаном и его народом.

Абдул Хафиз Абу

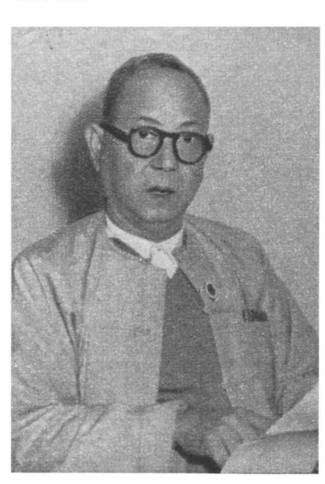
ЦЕЙЛОН

Внимание всего человечества должно быть сосредоточено на трех проблемах: независимость, мир и прогресс. Без независимости нельзя сделать свой вклад в дело прогресса. В интересах же прогресса крайне важно отстаивать мир. Отсюда мой призыв ко всем прогрессивно-настроенным людям: объединиться, чтобы бороться за независимость, прогресс и мир!

Б. Сири Сивали

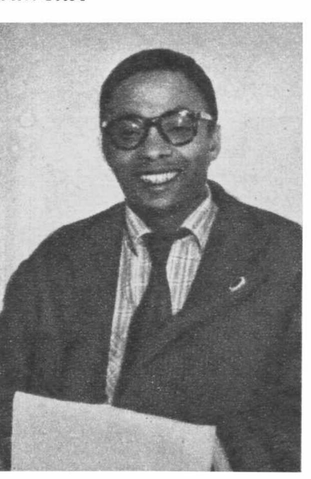
БИРМА

Нас, писателей Бирмы, которые вместе с нашими собратьями приняли участие в конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте, глубоко воодушевили цели и содержание работы конференции. Не подлежит сомнению, что успех ее превосходит все ожидания.

У Йо

АНГОЛА

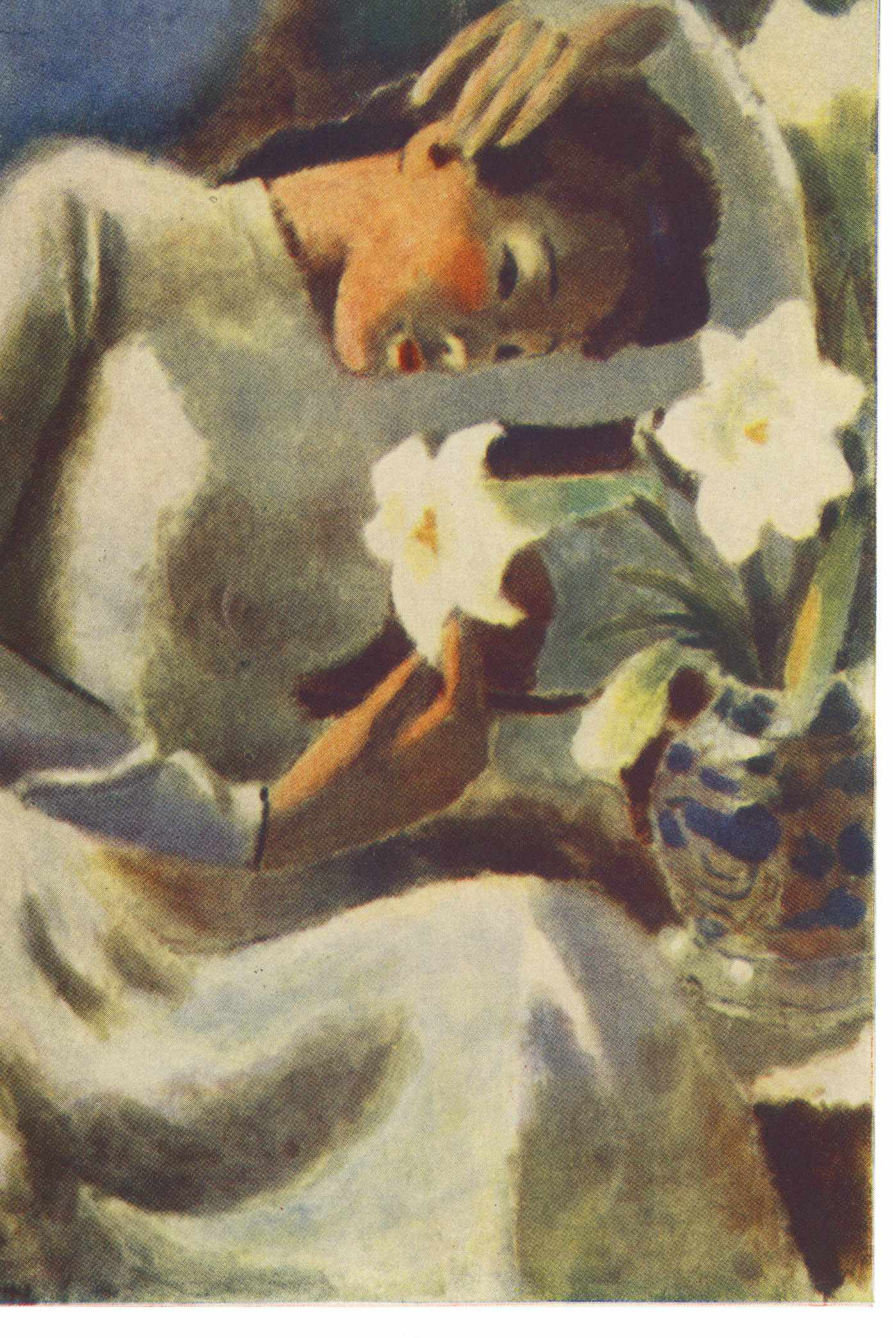
Мы приехали в Ташкент, чтобы встретиться с нашими братьями, чтобы обменяться с ними мнениями о литературе Африки и Азии. Перед лицом этого высокого собрания мы говорим: дружба и единство помогут победить колониализм.

Марио де Андраде

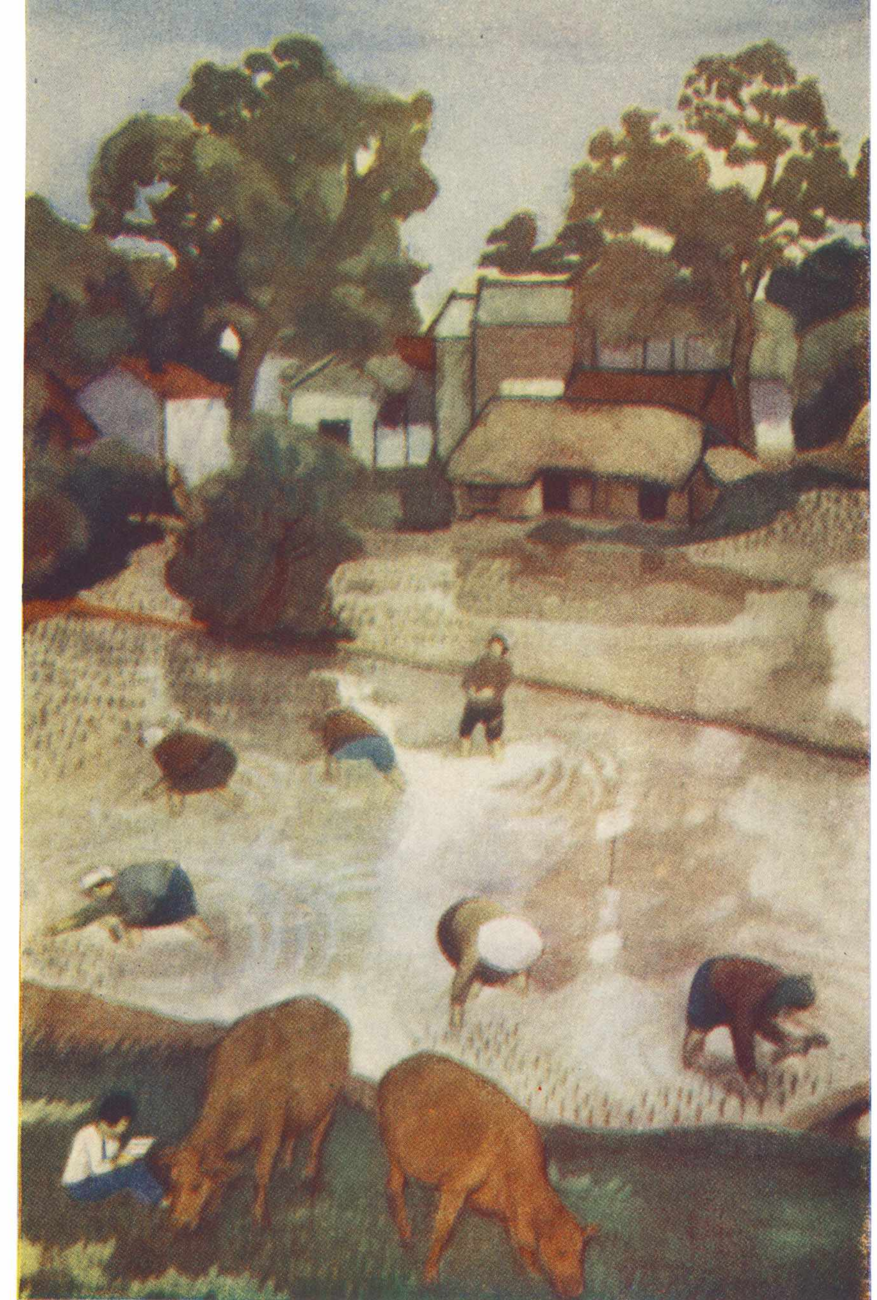
Нгуен Бик. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ. (Живопись на шелке.) 1956.

ХУДОЖНИКИ ВЬЕТНАМА

Фан Кэ Ан. УБОРКА РИСА ВО ВЬЕТБАКЕ.

То Нгок Ван. У ЛИЛИИ. 1943.

Нго Тон Дэ. СЕЛО ХУЕН-ЛЫОНГ НА ОКРАИНЕ ХАНОЯ. 1956.

Та Тхук Бин. НА РИСОВЫХ ПОЛЯХ. 1954.

СИВАШ

Глава из повести

Гумер БАШИРОВ

Рисунки А. КОКОРИНА.

Известный татарский писатель Гумер Баширов, участник гражданской войны, был рядовым красноармейцем 132-го полка 15-й стрелковой дивизии, которая совершила в 1920 году героический переход через Сиваш.

Историческому этому событию посвящена новая повесть Г. Баширова.

1

Начало смеркаться. Наступал вечер, которого все ожидали с нетерпением. Красный диск едва проглядывавшего сквозь серые тучи солнца скользнул у самого Перекопа за пригорок и уже больше не показывался. Над Сивашем навис густой туман.

По дворам, в переулках, на улицах шли торопливые сборы. Батальоны, батареи, эскадроны трогались один за другим. Люди, которые спокойно ожидали сумерек, сами того не замечая, как-то суетливо вешали за спины винтовки, прилаживали удобней отяжелевшие сумки, патронташи и становились в строй.

Провожать бойцов вышло все село. Мужики, бабы, девушки, сгрудившись у ворот или на перекрестках улиц, с лаской и тревогой оглядывали проходившие мимо них части.

Нахлобучив мохнатые шапки, безмолвно, без движения стояли мужики, и только один сгорбленный старик все вертелся на месте, то вглядываясь в нескончаемую лавину колонн, то оборачиваясь в сторону окутанного седым туманом Сиваша. Вот здесь он прожил жизнь, но в эту пору года даже и ему не приходилось ступать в котловину Гнилого моря. Недоуменно, с нарастающим беспокойством в голосе, точно ища ответа у сельчан, старик повторял:

— Куды они идут, куды идут!

И за этими его словами слышалось другое: «Зачем они идут, ведь знают сами, что их там ожидает!» Ему никто не отвечал. Все было ясно и так.

Из-под тяжелых туч, словно готовых обрушиться всей своей громадой на Сиваш, дул холодный ветер. Он бился о разгоряченные лица, пробираясь за воротники, в прорехи шинелей, гнал и то малое тепло, которое успели прихватить красноармейцы в селе. Вдалеке, по ту сторону туманной завесы, время от времени стреляли из пулеметов. А в том краю, где свинцово-черные тучи сливались с землей,— у Перекопа — погромыхивали орудия. Замолкнут и снова громыхают.

Темный берег Сиваша глотал колонны, точно омут: в глубоком молчании один за другим исчезали в тумане полки. Тут стояла какая-то особенная тишина. Будто бы нет ни звука, а прислушаешься — кажется, что тьма полна шорохов и гудит, словно улей.

Рота уперлась в мокрые спины идущих впереди и остановилась.

Пахомов построил роту теснее, по четыре человека, и отрывисто бросил всего несколько слов:

— Друг от друга не отходить, не отставать! Курить нельзя! Понятно?

Ему ответили шепотом и вяло:

— Понятно...

Однако политрук Исмаев почувствовал, что не очень-то оно понятно. Красноармейцы словно ожидали чего-то еще. Казалось, нужны были им и другие, поддерживающие огонек надежды, теплые, ободряющие слова.

Он переходил от взвода к взводу и как бы случайно, будто из желания перекинуться дружеским словом, говорил:

— Нынче утром мы уже переходили тут. Конечно, место не очень сухое, грязи поместить придется. Только надо одной держаться дороги, не оступаться. Остальное ничего... Мы уж столько повидали, что нам не привыкать. А покурим на том берегу, да самого лучшего табаку, крымского! Верно?

Глубокая мгла, окутавшая Сиваш, зловещее безмолвие начинали пугать и самого Исмаева. Ему уже чудился какой-то подземный гул, будто разверзнется сейчас эта неверная земля и поглотит их. По спине Исмаева пробегали мурашки, но он старался не поддаваться слабости. «Ты коммунист!» — говорил он себе и, покашливая, как ни в чем не бывало проходил по рядам. Одного он называл по имени, для другого находил нужное ему теплое слово, некоторым рассказывал, как ныне поутру встретил на этом берегу Фрунзе. О чем бы ни заводил политрук разговор, бойцы после этого чувствовали себя спокойнее, точно передавал он им и веру свою и волю.

Полки один за другим входили в котловину Сиваша.

Тьма все сгущалась; даже идущие вблизи виднелись лишь как тени. Тьма, казалось, висела низко над головой и, цепляясь за папахи, мешала идти. А люди, точно пробивая тоннель в этой кромешной тьме, все шли, вливались узким потоком в Сиваш.

Первое, что всем существом почувствовал Шамси, ступив в Сиваш, был влажный его холод. У него было такое ощущение, будто по его лицу провели мокрой тряпкой, будто сырость, просочившись сквозь шинель, добралась до самых его костей. Под ногами, как после дождя, было скользко, подошвы очень быстро пропитались влагой.

Красноармейцы временами осторожно, приглушенно переговаривались друг с другом и, словно в ожидании чего-то, посматривали по сторонам. Ведь что-то обязательно должно случиться! И может быть, случится сейчас, вот в эту минуту. Никто не сомневался, что это самое «что-то» произойдет, но что именно?..

Сосредоточенное лицо Данилова, который через каждые несколько шагов, как бы говоря: «Не видно ли там чего?»,— всматривался в окутавшую их мглу, встревоженное состояние ротного командира и политрука, которые, пошептавшись, то уходили вперед, то задерживались на месте и провожали взглядом идущих, частое мелькание пробегавших то в один, то в другой конец запыхавшихся связных — все это настораживало красноармейцев. Напряженность, сопутствовавшая им от самого берега, с продвижением вглубь усилилась.

Подхлестывая коня, проехал мимо всадник. Те, кто шел с краю, узнали в нем комбата. Конь с силой вырывал из вязкой земли ноги, под копытами его звонко чмокала грязь. Подоткнув за ремень полы шинели, пробежал вперед Исмаев.

Чем дальше, тем глубже становилась грязевая жижа; вот уже начали увязать ноги.

Услышав за спиной чье-то тяжелое дыхание, Шамси беспокойно обернулся. То был Ахмади Валитов. Желая хоть чем-нибудь помочь пожилому человеку, Шамси потянулся к его винтовке.

— Дай, Ахмади-абы, я понесу.

— Тяжело тебе будет,— шепотом ответил Ахмади.

— Нет, нет! Дай сюда!

Ахмади застонал.

— Проклятие! Болит нога...

Положение Ахмади и в самом деле было нелегкое. Воды Сиваша, видно, растравили старую рану, хотя он и говорил, бывало, что она у него зажила навеки.

Но тут в стороне Перекопа грохнули пушки, и Ахмади остановился на полуслове. Он вдруг подумал о том, что вот рядом с ним, прорезая тьму и гнилую болотную грязь, идут тысячи таких же, как он, бойцов. Он как бы постиг в это мгновение все величие их самоотверженности и постарался взять себя в руки.

— Знаешь, Шамси,— глухо сказал он,— ни одно еще войско не переходило вброд это чертово болото...

Шамси, который шел, вглядываясь в зловещую темноту и прислушиваясь к грохоту пушек, точно поддразнивая кого-то, по-мальчишески упрямо ответил:

— А мы вот перейдем!

Ахмади несколько раз кивнул головой, словно в знак согласия. Опираясь на плечо молодого своего товарища, он некоторое время шел молча, не находя слов, чтобы выразить неожиданно нахлынувшие на него мысли, и наконец сказал:

— Да, перейдем, Шамси! Может, там дальше и туговато придется, но мы все равно перейдем!

Вдруг с левой стороны раздался какой-то странный крик, похожий на плач. Он отдался резкой болью в сердце каждого, холодом ужаса прошел по спинам. В тягостном молчании слушали красноармейцы словно прощающийся с ними голос неизвестного товарища.

— Надо сообщить командиру полка,— шепотом сказал кто-то.

— Он, небось, наперед тебя слыхал...

— А ежели и слыхал, что может сделать? Туда не полезешь.

— Эх, говорил же командир: на один шаг оступишься — пропадешь!..

Точно виновные, шагали бойцы, не поднимая глаз, низко опустив головы. Голос то замирал, то, едва слышный, доносился опять и, наконец, замолк совсем.

Скоро ненасытному Сивашу была отдана еще одна жертва. Шедшая рядом с колонной лошадь комбата, испугавшись чего-то, кинулась в сторону и, видно, сразу попала в трясину. Комбат, перевернувшись через голову лошади, упал под ноги красноармейцев.

Один боец, увидев, как быстро засасывает лошадь, сгоряча крикнул:

— Эй, братва!

Комбат вскочил и сквозь сжатые зубы прохрипел:

— Молчать! Ты что, полк хочешь загубить? Не останавливаться! Вперед!

Пытаясь вырваться из плотно обхватившей ее грязи, лошадь захрапела, забилась, но топь не отпускала. Через несколько минут на поверхности осталась только голова лошади. Комбат зажмурился: лошадь, как будто ожидая помощи, смотрела на него широко открытыми глазами. Сколько тяжелых дорог, сколько боев прошли они вместе!.. Он потянулся к ней, и, словно прося прощения, погладил ее по холке, и, прошептав: «Прощай, милок, прощай!» — пошел скорее прочь.

А люди все шли и шли. Вот чуть в стороне показался телефонист, сидевший прямо в грязи. Зажав в обеих руках трубку, он что-то глухо кричал в нее, потом ждал ответа и опять кого-то вызывал. Колонны, не задерживаясь, шагали мимо него.

2

Когда прошли верст пять или шесть, впереди и немного правее началась непрерывная артиллерийская стрельба.

— Гаубицы...— заметил Данилов.

— Шумят здорово. Может, с моря это? У белых, рассказывали, и в море артиллерия стоит.

— А вдруг это наши бьют? Надо же брать Перекоп!

Совсем недалеко, верстах, может, в трех, сразу в нескольких точках застрочили пулеметы. Однако всем казалось, что эту нависшую над Сивашем кромешную тьму не прошибут, из чего бы ни пытались стрелять.

А Валитову стало совсем худо. Он уже едва волочил свою раненую ногу, и каждый шаг, словно он наступал на острия раскаленных гвоздей, отдавался у него прямо в сердце. Он даже обрадовался, что пулеметы стреляют уже близко.

— Коли так... пожалуй, и недалеко теперь.

Задыхаясь от усилий преодолеть болотную грязь, его догнал политрук Исмаев.

— Кажется, наших встречают...

Он взял Валитова под руку и пошел рядом с ним. И как-то задушевно сказал ему:

— Знаю, понимаю твое положение, Ахмади-абы. Тут и здоровому человеку лихо приходится. Потерпи немного... Еще версты две, а потом мы свое возьмем. Вот увидишь: навсегда проучим сукиных сынов!

Немного отдышавшись, Исмаев почти бегом пошел дальше.

Грязь становилась все глубже и глубже. Она затягивала ноги, беспрестанно и раздражающе чмокала, чавкала, тяжелым грузом цеплялась за шинели.

Вдруг опять раздался вопль:

— А-а-а-а!.. Спасите!..— и как-то сразу осекся.

— Быстро,— сказал кто-то глухо.

— Долго ли? Лошадь и то в момент затянуло...

А дальше раскрылась еще одна коварная особенность Сиваша. На это обратили внимание, когда Митричев стал страшно ругаться. Нагнувшись, он осматривал свои сапоги и осыпал проклятиями весь мир:.

— И какой бог так проклял пехотинца, а? Сапоги разлезлись, босыми ногами придется топать!

Данилов поправил заплечный мешок и спокойно ответил:

— Ты что, думаешь, болотная соль только твои сапоги облюбовала? Вон у всех у нас разлезается обувка. Виноватых ищешь? Вот и торопись вперед, хватай их за глотку!

Грязь Сиваша сдирала подметки, едким холодом студила ноги. Каждый шаг причинял тысячу мучений.

Люди дошли до полного изнеможения, но об отдыхе нельзя было и думать. Где же тут останавливаться, когда с обеих сторон стерегла страшная смерть?

Вдруг в передних рядах все сразу зашумели, заговорили. Там чувствовалась какая-то тревога, растерянность. Что случилось? Из доходивших до него обрывков фраз Валитов понял, что разговор идет о каком-то ветре. Сначала он не придал этому значения. Он так вымотался, рану его так разъело, что нестерпимая боль уже не отпускала его. Но когда он услышал, как политрук взволнованно сказал Данилову: «Ветер повернул!»,— Ахмади сразу бросило и в жар и в холод. Он представил себе, что произойдет, если ветер подует с востока.

Он только теперь обратил внимание, что бивший слева тяжелый, влажный ветер заметно усилился. Ветер крепчал с каждой минутой. Густой туман, прикрывавший Сиваш, сразу пополз в сторону Перекопа. Казалось, с глаз сорвали черную повязку: из мрака выступили люди — пешие, верховые,— четче вырисовывались тысячи бредущих по болоту красноармейцев.

Командир роты, тяжело переступая и поскальзываясь, прошел вперед. За ним, понукая взмыленных, то и дело проваливавшихся в грязь лошадей, последовали двое верховых.

Комбат, став с краю, торопил, подгонял колонны:

— Живо! Бегом! Не отставать!

Но в этот миг со стороны моря, словно шум далекого потока, донесся слабый гул. Многие еще не успели осознать, что произошло, как слева на поверхности болота появилась белая пенная гряда. Точно змея, готовая ужалить, шипя и извиваясь, кинулась она под ноги.

— Вода!

— Заливает!

Пенная гряда перерезала дорогу, забилась, захлюпала. Уже яснее слышался гул надвигающихся с моря волн; вздыбленные ветром, разъяренные, катились они на Сиваш, чтобы наполнить его котловину.

Вода все прибывала, растекалась, заливала все вокруг.

Забыв о необходимости хранить тишину, комбат крикнул:

— Командиры! Ротные! Сюда! Живей!

Пахомов в промокшей шинели и еще другой командир в полушубке с обвисшими мокрыми полами подбежали к нему.

— Где вы ходите? — раздраженно спросил комбат.— Не видите, что ли? Давайте компас, быстрее, быстрее!

Пока Пахомов рылся в карманах, где-то совсем близко ясно послышались пулеметные очереди. Комбат вздрогнул и с неожиданной радостью в голосе закричал:

— Есть! Пошли за мной! Не останавливаться! Бегом!

И, повернувшись в сторону, где стреляли из пулемета, подхватил полы шинели и бросился бежать.

Вдруг все пришло в движение. Под ногами булькала вода, слышалось трудное, прерывистое дыхание, звякали, ударяясь друг о друга, штыки.

Сейчас, куда бы ни повернуть, все равно невозможно было спастись от настигавшего потока воды. Но если удастся установить правильное направление пути и если у батальона хватит сил добежать до берега, пока вода еще не слишком глубокая, тогда уже не страшны будут морские потоки и будет возможно вовремя ударить в тыл врага. Поэтому и бросился командир батальона в сторону, где бешено стреляли пулеметы. Он не мог не догадаться, что это вступали в бой уже выбравшиеся на берег полки.

А ветер с моря дул все порывистей. Словно разгневанный на этих безумцев, на людей, которые осмелились темной этой ночью нарушить покой моря, он с яростью бил в лицо, гудел, кружась над остриями штыков. Вода все прибывала, она уже доходила до колен, норовила сбить с ног. Мокрые полы шинелей тянули вниз. Но люди ничего, казалось, не замечали. Забылись и леденящий холод воды и усталость. Собрав последние силы, люди бежали туда, где шла перестрелка.

Ахмади вглядывался вперед, надеясь увидеть там кромку берега. Однако в редеющем тумане маячили только серые фигуры людей, которые, еле переводя дыхание, пошатываясь и обгоняя друг друга, хлюпали по воде.

Кто-то, задыхаясь, разбрызгивая воду, пробежал мимо Ахмади. Словно во сне, неясно, мешаясь с шумом волн, дошли до него слова:

— Братцы, товарищи! Не сдавайтесь!.. Недалеко осталось!

Этот голос отозвался чем-то родным в душе Ахмади, подбодрил его.

Справа, видно, у Перекопа, стрельба стала усиливаться. Артиллерийские орудия грохотали непрерывно. Но до Ахмади все это доносилось как будто совсем издалека, из другого мира. Для него сейчас страшна была своя беда. Тяжелые, точно налитые свинцом ноги не давали ему шагнуть и шагу, перед глазами вертелись красные круги.

Вдруг налетела волна и сбила Ахмади с ног. Он погрузился коленями в грязь и содрогнулся, почувствовав, как по спине и груди его побежали струйки воды. Второй волной покрыло его совсем, соленой жижей залило и рот и нос. Волны набегали одна за другой, окатывали его, не давая подняться. Вот Ахмади уже почти встал на ноги, но винтовка, на которую он опирался, поскользнулась, и он снова упал.

Ахмади казалось, что прошло уже бесконечно много времени. Но вот кто-то подбежал к нему сзади, поднял его, взял из рук винтовку. Сквозь шум волн и хлюпанье воды Ахмади услышал дружеский голос Исмаева:

— Эй, Ахмади-абы, друг, что с тобой? Ай-яй-яй! Да годится ли так старому солдату?! Давай пошли, пока еще никто не успел увидеть!..

Исмаев подхватил его и потащил за собой.

Вдруг навстречу ударили из пулеметов. Впереди, где-то высоко, будто стреляли из туч, вспыхнули огненные искры. Над головой стайками зажужжали пули. Вот они стали лететь ниже и, шипя, врезались уже в воду.

Исмаев заторопил Ахмади:

— Быстрее! Они сдуру и зацепить могут. Не догадаются, что умирать-то нам вовсе неохота!..

Близость смертельного врага, с которым уже не раз сталкивались лицом к лицу и повадки которого были хорошо известны, словно возвращала телу, измученному борьбой с грозной стихией, прежнюю его силу. Здесь все было обычно, все проглядывалось глазами. Выбраться скорее и броситься вперед!

У самого берега что-то затемнело, кто-то еще упал в воду. Человек обеими руками упирался в дно, голова его была не покрыта, и длинный чуб свисал со лба, почти касаясь воды.

Исмаев, поддерживая рукой Ахмади, оглянулся. Сзади шел Данилов. Он подбежал к упавшему и, обхватив его за плечи, легко поставил на ноги.

— Петр! Как же ты это? Что же подкачал так, а?

Митричев, застонав, опустил голову.

— Ноги попортились... Наступить даже не могу. Плохи дела!..

Данилов слегка пригнулся и, ловко подсадив Митричева к себе на спину, направился к берегу.

— Ну, Петруша, теперь ты кавалерист, а не пехота. Только вот седла нет на мне, это твой фасон малость портит...

Над обрывом, захлебываясь, стреляли пулеметы. Крупными дождинками шлепались в воду пули. Луч прожектора, пробивая туман, искал на воде наступавших.

Красноармейцы, только что преодолевшие небывало трудный и опасный путь, на ходу отжимая полы насквозь промокших шинелей, строились под укрытием обрыва по ротам и взбирались наверх. Разгорался бой.

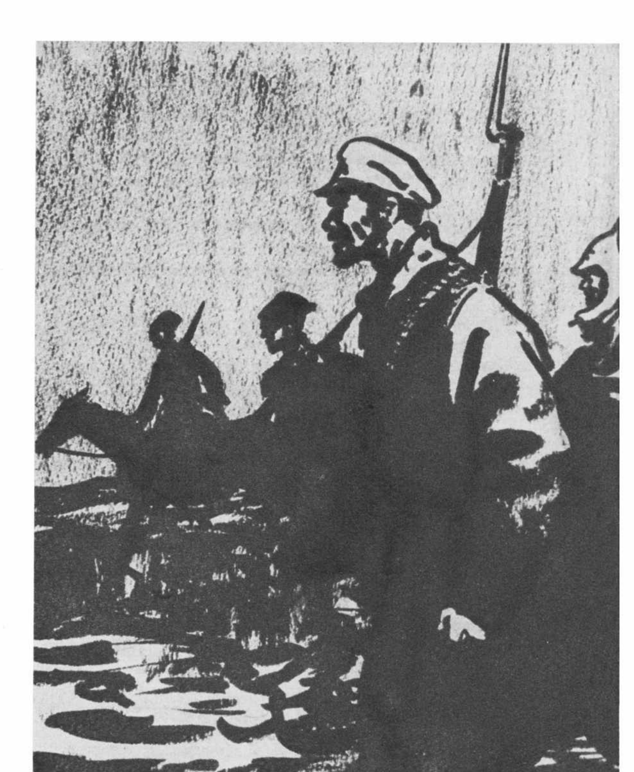
3

Окопы белых по всей линии фронта были взяты под шквальный огонь. Там все полыхало, клубами поднимался к небу черный дым.

В это время дали команду трогаться. Свернув вправо от окопов, полк прошел низиной к маленькому хутору.

Хутор был почти весь разрушен. Крыша у единственного уцелевшего дома была сорвана снарядом, пристройки развалились. Каким-то чудом уцелела лишь ветряная мельница.

Под усилившимся с обеих сторон огнем полк построился в одну длинную цепь. Командиры стали проверять готовность своих бойцов. Достаточно ли у каждого патронов, не обронил ли кто свой штык?.. Комиссар полка, отозвав в сторону политруков, давал им последние советы; на двуколках, торопясь, как водовозы на пожаре, подвозили патроны; появились санитары с носилками. Во всей этой суматохе спокойными казались лишь стоявшие поодаль красноармейцы.

Командир Пахомов стал перед ротой и несколько охрипшим голосом сказал:

— Если я выйду из строя, командование ротой возьмет на себя политрук Исмаев!

Исмаев от неожиданности растерялся. Не зная, что сказать, моргая глазами, он все подсовывал непокорные волосы под шапку-буденовку.

— Аполлинарий Петрович! Ведь я...

Пахомов не дал ему договорить.

— Политрук Исмаев! — сказал он.— В строю я не Аполлинарий Петрович, а товарищ командир! Это во-первых. Во-вторых, слово командира — приказ. Особенно в такое время.

Исмаев вытянулся:

— Слушаю, товарищ командир!

Проходя перед ротой, Пахомов приказал всем командирам взводов назначить себе замену. И, помедлив, добавил:

— И командиры отделений тоже!

Пахомов пытливо вглядывался в лица бойцов. Сотрясавший всю землю гул сражения, которое шло там, за холмом, конечно, волновал их. Но они, стараясь не показывать ни страха, ни тревоги, переговаривались как ни в чем не бывало друг с другом. Пахомова так и потянуло сказать им что-нибудь очень хорошее, и он, как ему казалось, ласково и мягко обратился к ним:

— Ну, братцы, скоро двинемся.

Он прошелся несколько раз перед ротой, но так и не сумел высказать те теплые, добрые слова, которые вертелись у него на языке. Возможно, почувствовав его замешательство, к командиру подошел Исмаев.

— Двинуться-то мы двинемся, товарищ командир,— сказал он,— только нашим ребятам следует знать, что они пойдут воевать против офицеров. Ведь у них ротой командует полковник, а вместо солдат — капитаны, поручики...

— Ну и что же? Плюнь ты на них! Разве можно считать воинами тех, кто поднял оружие против своей родины, против России! Ты в тысячу раз выше тех продажных полковников. Потому что...

Пахомов не успел закончить фразу: канонада затихла, и с правого фланга послышалась команда:

— Вперед!

Полк тронулся. Слегка пригибаясь, красноармейцы стали подниматься по холму, лежавшему между хутором и позицией белых.

Уже рассветало, и было вполне возможно, что белые заметили движение полка. И все же на линии фронта стояла тишина. Слышался лишь топот тысяч ног и дребезжащее звяканье пулеметов.

— Быстрей!

Командир роты вытащил из кобуры свой огромный маузер.

Полк шел развернутой цепью, примкнув штыки. Все глаза были устремлены в сторону белых, на их возвышавшиеся на дальнем холме окопы. Ноги, будто сами по себе, шагали легко. Вот так идти бы сомкнутым строем и сметать, давить, уничтожать все, что встретится на пути!..

— Быстрей!

Цепь пошла еще более стремительным шагом. В третьем взводе, где были бойцы поменьше ростом, уже перешли на бег.

Впереди, на более пологом холме, из края в край протянулись окопы белых, и даже можно было разглядеть колья с рядами колючей проволоки.

До окопов оставалось недалеко. Наверное, шагов сто — сто пятьдесят... Белые, конечно, прекрасно, до последнего бойца, видели цепи идущих в атаку полков, но все еще не открывали огонь.

Почему не стреляют?.. Это была тишина, подозрительная, зловещая, вызывавшая ярость, опасная тишина. Она была куда страшнее и пулеметов и взрывов шрапнели над головой.

— Бегом!

Растянувшиеся по всему полю цепи качнулись и волною кинулись вперед.

Почему не стреляют?.. Вот уже совсем близко. Сто, восемьдесят, семьдесят шагов...

Все командиры с наганами в руках вышли вперед. Кто-то, командир полка или комиссар, крикнул:

— За революцию, товарищи, ура!

Над полем прокатилось мощное «ура», и в ту же секунду на цепь из десятков пулеметов сразу обрушился бешеный вихрь огня. Непрерывный свист пуль, сливаясь, превратился в пронзительный визг. Каждый шаг приносил бессчетные жертвы, люди падали и падали...

— Ложись!

Теперь ползли, прижавшись к земле. Но пулеметы не давали поднять головы, продолжали косить, тут и там оставались лежать раненые, убитые; цепи с каждым мгновением редели.

Пахомов с горечью взглянул на бойцов. Если и дальше пойдет так, через несколько минут полк будет уничтожен. Старый воин принял решение: рывком добежать до проволочных заграждений. Он вскочил и во весь голос крикнул:

— Рота, за мной!

Оставшиеся в живых бойцы в едином порыве бросились вперед. Опять возле самого уха взыграла, засвистела свинцовая метель, и опять падали люди.

Пахомов бежал, пригибаясь к земле, и время от времени махал рукой своим бойцам, призывая их не отставать. Чем меньше расстояния оставалось до заграждений, тем больше теплилась надежда у него на душе. Еще двадцать шагов, десять... Потом — ножницы, гранаты, штыки...

Но только командир сделал еще два — три шага, как чем-то ожгло ему голову. На одно мгновение он почувствовал, что его тело потеряло устойчивость. Он тяжело ударился о землю и сразу провалился в черную бездну.

Теперь уже все видели: артиллерия не смогла полностью разрушить заграждений. И страшно было думать, что после стольких потерь придется отступить.

И все же команда к отступлению была дана.

Новый командир роты Исмаев позвал к себе на помощь Данилова, и взводным вместо него остался Валитов.

Орудийные удары с обеих сторон становились все злее и злее. Артиллерия белых въелась в руины хутора, где стоял командный пункт полка, в это единственное место, где еще можно было найти какое-то укрытие. И без того разрушенные, обгорелые пристройки разваливались одна за другой и начали гореть во второй раз. Над хутором поднялся густой дым. Снаряд попал в ветрянку. Поломанные крылья, будто на ветру, вдруг завертелись.

— Ого, замолола мельница! — сказал Валитов.

Вторым снарядом срезало у мельницы крышу, и она вся вспыхнула. Из пламени выскочил телефонист, сумевший каким-то образом сохранить в этом огненном смерче и себя и свой аппарат. Он подбежал к уцелевшей кирпичной стене сарая и стал налаживать телефон. К нему подбежал запыхавшийся Исмаев.

— Нужен командир! Где он?

Телефонист молча отодвинулся. За ним под прикрытием стены, разметав руки, лежал убитый командир. Исмаев еще не пришел в себя от растерянности, как из-за горевшей мельницы появился комбат. Телефонист кивнул в его сторону головой:

— Вот новый командир полка!

Левая рука комбата была подвязана, по лицу текла кровь. Вытирая платком лицо, он прислонился к стене.

— Командир второго батальона тоже погиб. Половина разведчиков убита... Потери огромные... Не понимаю, зачем так тянуть? Дай бригаду! Скорей!

Он, вероятно, понял, что телефон не работает, со злостью махнул рукой.

— Брось трубку! Беги сам!

Исмаев вплотную подошел к командиру.

— Товарищ командир, патроны кончаются...

Исмаев не успел досказать: снарядом отхватило часть стены, за которой они скрывались. Их сшибло и окутало пылью и дымом. Где-то поблизости упал еще один снаряд. Командир вскочил, отряхивая шинель, и показал рукой за угол мельницы, где лежала опрокинутая двуколка:

— Вон где патроны, вон! Иди, беги! Что стоишь здесь?

Когда Исмаев и несколько красноармейцев перетаскивали в роту ящики с патронами, со стороны белых показался автомобиль.

— Броневик, броневик! — раздалось со всех сторон.

Большой зеленый броневик, не обращая внимания на встретивший его пулеметный и ружейный обстрел, быстро двигался вперед.

— Эх, кинуть бы под него гранату! — бросил один.

Исмаев заметил, как два бойца вырвались из цепи и быстро поползли к броневику. Один из них был Валитов. Из окопов белых по ним открыли пулеметный огонь. Вокруг них завертелся целый вихрь пуль. Но они, невзирая ни на что, цеплялись за пожухлые стебли лопухов, ползли по рытвинам, по межевым канавам. Вскоре один из них остался лежать в канаве.

Шамси заметался и отчаянно крикнул:

— Ахмади-абы!

Он вскочил, чтобы броситься за ним, но суровый голос Данилова заставил его лечь обратно:

— Стой! Не смей идти! Ты что, сам хочешь угодить под пулю?

Броневик, фыркая и стреляя из пулемета, повернул к цепи.

Бойцы, кто успел, спрятались в канаву.

Машина, сотрясая землю и словно собираясь все свернуть тупым своим носом, направилась прямо на них. Но тут же, точно испугавшись гулкого взрыва гранаты, шарахнулась в сторону. Точно зверь, разъяренно гудя и рыча, она попыталась снова ринуться вперед, но сразу заглохла.

Бойцы, следившие, не переводя дыхания, за схваткой машины и человека, оживились. Кто-то ликующе сказал:

— Ага! Заткнулся, проклятый!

— Смотрите, смотрите! Ведь это Валитов! Его папаха. Жив старик, жив!

И в самом деле из канавы перед броневиком на один миг высунулась папаха Валитова. Но радоваться, оказывается, еще было рано. Валитов выбрался из канавы, чтобы отползти обратно к своим, но, не успев и двинуться, замер на месте.

Шамси, охнув, упал ничком на землю.

— Убили...

Полк, вернее, оставшиеся в живых несколько сот бойцов полка, во второй раз поднялся в атаку. По дороге товарищи положили Валитова на носилки. Руки и ноги у него висели, как плети, и он что-то шептал про себя. Шамси взял влажные, дрожащие руки Валитова и нагнулся к нему.

— Ахмади-абы! Что с тобой?.. Куда тебя?

Ахмади тяжело застонал и вытянулся. Шамси рывком обнял его, потом, как будто хотел отдать ему свое тепло, сжал холодеющие руки, поцеловал его в лоб. И, стиснув зубы, чтобы не заплакать навзрыд, побежал за своей ротой.

Вторая атака была не легче первой. Так же безумолчно продолжали стрелять пулеметы. Многие бойцы были ранены.

Когда была пройдена уже половина пути, Данилова окликнул один красноармеец:

— Товарищ командир, кровь на руке!..

Данилов только тут почувствовал в руке щемящую боль. Приклад винтовки был весь в крови. «Неужели придется оставить взвод?» Убеждая себя в том, что рана у него несерьезная, он продолжал ползти в цепи со своими бойцами. Осталось примерно сто пятьдесят шагов. Потом начнется атака, весь мир перевернется вверх дном, и Ишуньская позиция будет взята. Разве позволит сердце в такое время отстать от своих? Он сжал челюсти и пополз быстрее.

— Товарищ взводный, руку бы перевязать!

Однако в этот момент с правого фланга Исмаев махнул рукой, приказывая торопиться. Данилов громко дал команду:

— Готовиться! Не отставать!

Но сам, сколько ни старался, не смог поспеть за взводом. Из рукава шинели, не переставая, капала кровь. В глазах его потемнело, начало шуметь в голове, все тело ослабло...

Тем временем дали команду на перебежку. Взвод Данилова устремился вперед. Он был крайним в цепи. Справа от него был полк, слева — пологий берег озера.

Впереди загудели моторы. Со стороны белых, из низины за озером, появились два броневика. Они шли прямо на цепь. А вслед за ними неожиданно вырвались конники. Чтобы приостановить атаку, оттянуть решающую схватку, белые принимали последние меры. Видно, они хотели, смяв левый фланг, окружить полк.

Положение осложнялось. Броневики, не давая возможности даже чуть приподнять головы, неистово строча из пулеметов, катили друг за другом вдоль всей цепи, а конники, пользуясь этим, надвигались все ближе. Молодые красноармейцы, новое пополнение роты, увидев, как бешеным галопом, размахивая сверкающими шашками, мчатся на них кавалеристы, стали поглядывать назад. Особенно тяжело приходилось бойцам взвода Данилова.

К ним, задыхаясь от напряжения, подбежал вестовой ротного. Он звал командира взвода:

— Командир! Данилов!

Бойцы, не зная, что и сказать, переглянулись.

— Разве нет Данилова? Кто остался вместо него?

Поднялся смущенный Шамси.

— Выходит, что я...

— Слушай! Командир роты приказал не пропускать кавалерию в тыл! Умрите, но стойте до последнего! Понятно? Вам сейчас пулемет дадут.

Шамси, волнуясь, первый раз в жизни дал команду:

— Взвод, ко мне!

Шамси уже приходилось попадать в такие переделки, он знал, что против кавалерии надо выступать, собрав силы в единый кулак, и стрелять залпом.

Послышалось свирепое «ура» белых. Шамси встал позади взвода. Поглядел на конников, на своих. «Надо подпустить ближе... еще немного!..»

Пулемет к взводу уже подтянули. Грохнула первая очередь. Конники, выбравшись из низины на берег, размахивая шашками, со страшным криком неслись на цепь. Чем ближе подходили конники, тем большая ярость охватывала Шамси, тем злее он становился.

— Прицел, прицел! Не робеть! — крикнул он.

Богатырь-санитар перевязывал Данилову руку. Пряча голову от летающих вокруг пуль, он все прижимался к земле.

— От, бисы, и сесть не дадут, сыплют и сыплют... Ведь кричал я тебе давеча, что надо перевязать! Ну, ничего, только в мякоть попало.

Он, торопясь, вынул второй бинт.

— Крови много ушло. Ого, тебя еще в плечо ранило! Давай сюда!

Стрельба вдруг замолкла. Данилов привстал и похолодел от ужаса. Кавалерия белых неслась прямо на его взвод. Волоча за собой недовязанный бинт, он побежал к взводу. «Сейчас передавят! — подумал он. — Как плохо, что отстал от них! Ох, как скверно вышло!..»

От оголтелого крика белых его бросало то в жар, то в холод. Он падал и снова бежал.

Когда Данилов услышал спокойный голос команды и выстрелы залпами, у него отлегло на душе. Увидев, как шарахнулись конники, он от радости вскрикнул:

— Крой, ребята!

После каждого залпа он возбужденно кричал:

— Еще!.. Еще!..

В это время правый фланг, оттеснив броневики, стремительно пошел вперед. Вместе со всеми в атаку на проволочные заграждения поднялся и взвод Данилова.

Настали решающие минуты. Офицерские полки контрреволюции вступили в последнюю, смертельную схватку. Яростно заработали тысячи орудий. Переброшенная с Перекопа морская артиллерия, бесчисленное количество пулеметов завыли, загрохотали. Под разрывами шрапнели, взрывами гранат раненые, изможденные вконец красноармейцы из последних сил неудержимо прорывались через ураганный огонь к проволочным заграждениям.

Вестовые передавали команду:

— Резать ножницами, ломать, взрывать гранатами!

Но команда сейчас и не была нужна, каждый сам кидался с остервенением на проволоку: у кого были ножницы — резали ножницами, у кого нет — рвали штыками, топориками, выворачивали прикладами. Сдирая кожу, разрывая в клочья шинели, пролезали под проволокой и набрасывались на второй ряд, на третий.

На Шамси комьями посыпалась взметнувшаяся над ним земля. Ему забило песком глаза, отбросило куда-то фуражку, колючки, цепляясь, раздирали шинель и обмотки. Тело его перестало чувствовать боль, и разум перестал ощущать ужас боя. Он знал одно: надо идти вперед, пробиться через заграждения — и скорее в атаку!

Уже близко окопы белых, над ними пылает огонь, клубится плотный черный дым.

Рядом с Шамси его товарищи точно так же, как он, резали железную проволоку, срывали ее прикладами, сбивали колья, что-то кричали, падали, пробирались ползком под цепкими колючками.

И вот наконец прорвались через заграждения на ту сторону. Загремело могучее «ура».

На окопы со всех сторон падали гранаты. В окопных ходах показались зеленые шинели, кто-то пытался отстреливаться, но уже было поздно. И наверху и внутри траншей хрястнули приклады, кто-то крикнул, кто-то, моля о пощаде, поднял руки.

И вдруг раздались ликующие голоса:

— Буденный!..

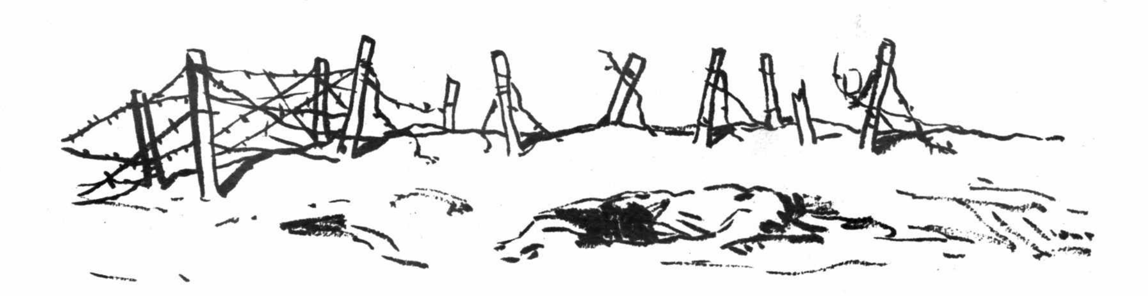
— Ура! Конная армия!..

От топота копыт загудела земля. Из-за холма безудержным потоком хлынули конники Буденного. Распростертые, словно крылья беркута, черные бурки, припавшие к лукам седел тела, поднятые над головами шашки — вся эта грозная сила в одно мгновение пронеслась вперед. Позади остались окопы. Конная лавина обрушилась на отступавшие дивизии Врангеля.

Мимо разрушенных окопов, ощерившихся посреди поля безмолвных орудий и пулеметов красноармейцы бросились за конницей, погнали белых к морю.

Это было одиннадцатого ноября тысяча девятьсот двадцатого года.

Авторизованный перевод с татарского
Р. ФАИЗОВОЙ.

ДЖОН РИД, СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Альберт Рис ВИЛЬЯМС

17 октября исполнилось тридцать восемь лет с тех пор, как умер Джон Рид, американский поэт, журналист, коммунист, солдат революции и автор книги «Десять дней, которые потрясли мир»,— человек, прах которого погребен у кремлевской стены.

Место, где покоится прах Джона Рида, отстоит более чем на десять тысяч километров от берегов Тихого океана, омывающего штат Орегон. Здесь родился Джон Рид в октябре 1887 года в доме одного из старых переселенцев. Его предки принадлежали к тем людям, которые проложили путь на Запад, завоевывая девственные пространства Америки. Они были грубыми внешне, но прямыми, справедливыми и искренними. Эту характерную для них искренность Джон Рид унаследовал от отца. Она составила один из источников его великой силы, но в то же время причиняла ему много неприятностей.

Как-то американский писатель Дос-Пассос сказал: «Для Рида слова означают именно то, что они выражают. Его ум оставался нетронутым, как если бы он только что приехал с Запада. И если он что-нибудь говорил, то это означало, что в этом он убежден весь, до кончиков своих взлохмаченных волос». Когда американские политические ораторы говорили о «свободе» и «независимости», то он отказывался считать это только приятными словами и фразами, произносимыми ради украшения речи, а принимал их всерьез, как идеи и идеалы, которые необходимо претворить в жизнь. Чтобы сказать правду, он не прибегал к дипломатическим ухищрениям, а выпаливал свои мысли, не заботясь о последствиях. И его правда всегда была направленной, безжалостно срывавшей маски с лицемеров и лжецов.

Одаренный живым и деятельным умом, Джон Рид чрезвычайно быстро закончил среднее образование, а затем, совершив путешествие через весь материк, от Тихого до Атлантического океана, поступил в старейший и прославленный Гарвардский университет. И здесь, несмотря на длительное соприкосновение с отпрысками американских богачей и аристократов, несмотря на лекции профессоров политической экономии — этих жрецов капитализма, Джон Рид не заразился идеями империалистического «патриотизма», стремлением делать деньги.

Когда мексиканские поденщики восстали против эксплуатации помещиков и католической церкви, Джон Рид был с ними. Он был в Колорадо с шахтерами, работавшими на Рокфеллера, когда их выгнали из домов и принудили ютиться в палатках, а потом в середине зимы облили газолином эти палатки и подожгли. Рид был с рабочими шелкоткацких фабрик Патерсона, когда они объявили стачку. Он был везде, где люди боролись, страдали и голодали. Во время империалистической войны он, рискуя жизнью в поисках достоверных фактов, был на германском фронте, находился вместе с сербами при отступлении, был в Салониках и в России, где очутился в лапах царских жандармов за проявление слишком большого интереса к простым крестьянам и солдатам.

Джон Рид.

Все это я подробнее рассказал в его биографии, приложенной к книге «Десять дней, которые потрясли мир». Он сам рассказывает о своих переживаниях в великие дни Октябрьской революции. Но в этой книге, теперь знакомой почти каждому советскому читателю, рассказано не все, что он видел, путешествуя по России задолго до и после Октябрьских дней, исследуя, изучая и накапливая материал.

Он предполагал написать другую книгу, которую думал озаглавить «От Корнилова до Брест-Литовска». Я оказался его спутником почти во всех путешествиях. Одной из самых интересных и ярких была поездка на рижский фронт. Это происходило осенью 1917 года, когда десятки тысяч солдат бросали винтовки и устремлялись из своих окопов домой. Как саранча, они переполняли поезда, теснясь на крышах вагонов и выбрасывая пассажиров.

Мы не подвергались большой опасности, так как ехали по направлению к фронту, но все же для большей безопасности проводник написал на двери: «Американская миссия». И так мы ползли сквозь осенний дождь, пока не прибыли в Венден и не очутились среди распадающейся, оборванной армии.

Дождь лил с серого неба, превращая дороги в реки грязи, а солдатские сердца — в свинец. Мы пробирались по полям и лесам, а вражеские аэропланы дерзко пролетали над нашими головами, потому что у русских не было зенитных пушек. Внезапно раздался свист снаряда, и на дороге, по которой мы прошли всего лишь минуту назад, взметнулось облако пыли и грязи. Наконец мы все же добрались до окопов. Небольшая цепочка тощих, словно скелеты, солдат с ввалившимися глазами поднялась посмотреть на нас. Мы видели голодающих, которые набрасывались на репу и тут же поедали ее, людей, идущих босыми по развороченным полям и падающих замертво в грязь, которая была им по пояс, мы видели госпитали, переполненные больными и ранеными.

Тяжелую картину голода, отчаяния, бойни и смерти унес с собой Джон Рид с рижского фронта в Нью-Йорк. Там в переполненном зале суда он рассказал все виденное им. Это было на процессе, который был организован над ним по обвинению в измене за статью «Готовь смирительную рубаху для твоего сына-солдата!». Когда при допросе прокурор спросил Рида, желает ли он сражаться под американскими звездами и полосами (государственным флагом США. — П. Ч.), он громко ответил: «Нет». И он стал рассказывать этим удобно и спокойно рассевшимся людям, что же такое на самом деле империалистическая война. И Рид так ярко воспроизвел кровавые сцены и страдания людей, что заставил своих слушателей, находившихся здесь, в зале суда, почувствовать, будто они находятся в окопах там, за пять тысяч миль.

Этот суд — один из эпизодов его жизни после возвращения в Америку в 1918 году.

Вот несколько фактов из последних двух лет жизни Джона Рида.

Он написал серию статей об Октябрьской революции в «Либерейторе».

Руководил борьбой левого крыла социалистической партии, борьбой, которая привела к организации первой в Америке коммунистической партии.

Произнес десятки речей по всей стране, разъясняя американским рабочим значение русской революции.

Был арестован в ряде городов «за нарушение общественного порядка».

Редактировал «Голос труда», «Революционный век» и «Коммунист».

Написал «Десять дней, которые потрясли мир» и составил план другой книги о революции.

Вернулся в Россию, несмотря на то, что американские власти отказались выдать ему паспорт.

Как делегат Американской коммунистической партии, участвовал в работе Коммунистического Интернационала.

Серьезно изучал русский язык, чтобы лучше познать новые, революционные идеи.

В Финляндии, на обратном пути в Америку, был арестован и три месяца просидел в тюрьме.

Ездил в Баку в качестве делегата на Конгресс народов Востока.

И так далее, и так далее.

Вот жизнь, каждый момент которой полон кипением чувств, полон энергией и яркими переживаниями. Естественно, что такая бурная жизнь сожгла все его силы, подорвала его здоровье, и он погиб в 33 года, сваленный тифом. Скорбящим о его ранней смерти в расцвете сил можно напомнить слова: «Мы живем делами, а не годами, чувствами, а не цифрами на циферблате». Придерживаясь этого критерия, можно сказать, что Джон Рид прожил не тридцать три года, а во много раз больше. За последние два года Джон Рид пережил гораздо больше, чем обычные люди за свои 50 или 60 лет.

В восхищении революционером, совершившим героические дела, всегда есть опасность создать миф или легенду о нем, не вполне соответствующие фактам. Это опасность создать образ идеального революционера и потом приспособить к нему оригинал. Возможно такое и в отношении Джона Рида. Было бы неверно вообразить, что он с ранних лет был предан интересам пролетариата, что он ясно представлял себе путь к революции, обладал и глубоким пониманием марксизма. Ничего подобного сказать о нем нельзя. Правда, в Гарвардском университете он помогал организовать социалистический клуб студентов. Но можно смело сказать, что среди членов этого кружка не было ни одного марксиста. В самом деле, когда Джордж Андрейчин впервые встретил Джона Рида, последний в то время еще не прочитал ни одной строчки из «Капитала».

Когда же свершилась Октябрьская революция, в его мировоззрении, его характере, как и во всем направлении его жизни, произошел полный переворот.

Революция захватила этого гуманиста и наполовину оформившегося утопического социалиста, побудила его читать Маркса, Энгельса и Ленина.

Она захватила этого романтика, искателя приключений и солдата судьбы и повернула его лицом к действительности, сделала его реалистом, глубоко сосредоточенным и серьезным.

Она превратила этого индивидуалиста в дисциплинированного члена коммунистической партии.

Нью-Йорк.

Перевел с английского **П. ЧУМАК.**

АЛТАЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Георгий **РАДОВ**

Фото Б. КУЗЬМИНА.

На окраинах Барнаула

— Эх, не по краю столица! — сказал первый встреченный в аэропорту барнаулец. Сказал и вздохнул: — Несправедливость все-таки... Эвон Новосибирская область... И хлеба-то она дает, считай, втрое меньше нашего, а какой областной город!

Сказано это было с жадностью. Собеседник наш был явно не прочь призанять у соседей столицу.

Да, накануне мы видели Новосибирск. Наверняка не все жители Центральной России представляют себе, какой великанище-город вырос на скрещении Оби с великим сибирским путем.

Новосибирцы нетерпеливы. Они поругивают горсовет и строителей за медленные темпы, и, вероятно, поругивают поделом.

Но нельзя и не похвалить хозяев города: один из новых районов они возвели в светлом березняке, не тронув деревьев. Не тронув — какой это урок градостроителям! Как часто у нас начинают стройку с того, что сводят, начисто истребляют вековой лес, возводят город на голом месте, а потом объявляют «озеленение»: втыкают в землю прутики толщиной в карандаш. Когда они вырастут!

Разумеется, Новосибирск не новорожденный. Маленьких, ветхих домишек еще уйма. Не меньше хатенок недавней постройки. Они портят город, эти «нахаловки», самодеятельно и самовольно возникшие на склонах оврагов, на пустырях, на берегах реки... И все же эта мелочь выглядит шлаком у ног светлолицего, плечистого города...

Барнаул тоже растет, тоже строится — ан нет, не тот размах... «Не те деньги», — уточнили в крайисполкоме, намекая на то, что, дескать, барнаульцев поджимает бюджет. Не знаю насчет денег, но уверен, что Барнаул сегодня уже мал для огромного хлебного края. И не столько мал, сколько провинциален. Прекрасна главная улица, а свернешь в сторону — грязь, разбитые в прах деревянные тротуары, нахохлившиеся, темные рубленые избы...

Да, провинцией предстает Барнаул перед приезжими. И только на окраинах — да, на окраинах, — только там и видишь его настоящее лицо.

На окраинах — заводы. В строгом солдатском карауле застыли вокруг города трубы, крепостями вросли в землю могучие корпуса: Меланжевый, Аппаратурно-механический, Котельный, Комбайносборочный... Смотришь на них, заходишь в цехи, толкуешь с людьми и вновь и вновь открываешь записную книжку, куда на всякий случай внесены цифры. Они оживают, эти цифры, и хотя давно говорят, что они противопоказаны очерку, но разве это не важно — узнать, что темпы роста алтайской промышленности были вчетверо выше общесоюзных! Что алтайские машиностроители уже семь лет назад дали больше продукции, чем машиностроение всей царской России!

...В цех Комбайносборочного въезжаем на машине. Шофер замешкался, следуя за грузовиком, а мы и не заметили, как оказались среди станков. А заблудиться не мудрено: под одной крышей ни много, ни мало восемь гектаров!

Комбайносборочный...

Да ведь это тот самый завод, что так выручил нынче деревню! Именно тут смастерили сцепы, и этим летом в сотнях колхозов и совхозов тракторы тащили за собой не по одной, а по две жатки! Половину тракторного парка можно высвободить в страду, если такими сцепами снабдить всех. А сколько сберечь горючего!..

Оглядываем цехи, ищем сцепы. Нет, тщетно...

— Понимаете, какая штука! — громко, пересиливая гул станков, кричит секретарь парткома Василий Васильевич Давыдов. — Перевели нас на моторы! Какие моторы? В том-то и штука, какие они... По мощности, как тракторные, а по весу будут вдвое легче. И экономичнее. И дешевле.

Секретарь явно влюблен в моторы, еще не явившиеся на свет божий, но говорит о них озабоченно. В чем дело?

— А вот ведь какая штука... Мы же за год должны освоить массовый выпуск. За год! Видали что-нибудь подобное? Вчера завод давал копнители, сцепы, подборщики; там точность, как говорят металлисты, «плюс минус километр». А на моторах-то микронные до-

пуски! И вот предложено за год освоить... Все же надо менять!

Да, все решительно надо менять: масштаб, размах, темпы, сложность, точность... Менять резко, как говорится, с пол-оборота. Но кто будет менять? Взгляд скользит по цеху, задерживается на лицах. У станков, у поточных линий стоят вчерашние солдаты в гимнастерках, по пролету спешат, постукивая каблучками, девчата. Кто из них имел дело с моторами?

— Никто не имел!—говорит Давыдов.—Решительно никто! Но...— прищуривается он,— тут мы на днях задумались об учебе, учли малограмотных. Знаете, сколько нашли? Два человека! Двое малограмотных на весь завод! А со средним образованием каждый пятый...

Такие-то дела творятся на окраинах «провинциального» города Барнаула!

Переходим шоссе и попадаем в мир химии. Завод искусственного волокна. Опытный цех капрона. Поднимаемся на самую верхотуру и затем, спускаясь с этажа на этаж, смотрим, как делается капрон. Смотрим — и... ничего не видим. То есть видим только трубы и аппараты, аппараты и трубы, и только внизу показывается... капрон. Он сочится через фильеры, как фарш из мясорубки, струится вниз пучком из тончайших светлых ниточек, и вот они уже скручены в одну прочнейшую нить...

Показывает все эти премудрости Галина Арсентьевна Коновалова, темно-русая женщина. Говорит на «о» и впрямь оказывается волжанкой. Из Кинешмы. Училась в Иванове. Она — одна из главных «повивальных бабок» алтайского капрона. «Бабке» еще нет тридцати, как, впрочем, и другим «акушеркам» алтайской химии...

Как химики они родились тут, в Сибири. После учения их сразу же послали осваивать новое производство, и не было рядом ни мамок, ни нянек: никто в Барнауле, кроме них, молодых инженеров, не умел делать капрон. И они мучились, и ошибались, и плакали порой, когда вопреки всем правилам из фильеров упрямо сочилась грязная нитка...

Сейчас они смеются, вспоминая все это, молодые, жизнерадостные, полные сил. Поди докажи, что они начали свой инженерский путь с подвига! А ведь с подвига! Как же иначе назовешь то, что сделали, скажем, две закадычные подружки, москвички из Тушина, Вера Климова и Галина Корбут?! Они приехали сюда техниками — тогда еще только закладывали фундамент комбината,— и работали бригадирами и помощниками мастеров, и ставили оборудование, и вместе с инженерами мучились над капризным капроном... И еще учились заочно в текстильном институте. И завистливо вздыхали, глядя в окошко на товарок, спешащих на танцы. И перед сессиями устраивали «всенощные»... И вот за шесть лет вырос комбинат, и они стали инженерами, защитили дипломы...

Вера Климова, худенькая, очень молодая женщина, называет тему диплома.

— Большой капрон! — и показывает за окно.

Там шеренгой стоят железобетонные колонны нового корпуса, огромного корпуса. Цех Большого капрона будет одним из крупнейших и совершеннейших цехов в стране. Туда-то, на Большой капрон, и готовятся молодые инженеры.

— Эх, если б еще наука была поближе! — вздыхает Клавдия Александровна Зубкова.— Если б наука...

Трудно не только без науки...

— Посмотрите,— вступает в разговор полнощекая, смешливая Валентина Яковлевна Иванова.— Посмотрите, что получается... В смысле промышленном разве Барнаул — провинция? Какие заводы! Какая техника! Разве наш барнаульский технический фронт не смыкается с московским? А культура?.. За что, спрашивается, нас обносят культурой? Один театр... Ну, я понимаю: второй не сразу выстроишь. Но новосибирцы-то могли бы с нами поделиться культурным пайком? Соседи! Богачи! Прислали бы на гастроли свой оперный! Это же Алтай! Интеллигенция! Сельский актив!

Такие-то разговоры идут на окраинах «провинциального» города Барнаула...

На юг, на юг...

Пять суток наш вездеход, как миноносец в штормовую непогодь, одолевал алтайское бездорожье. И все эти пять суток мы с глубочайшим сочувствием и восхищением думали об алтайских шоферах, о тех героях-великомучениках, что по этой густой черноземной каше возят на элеваторы алтайские хлебные миллионы... И еще думали о том массовом убийстве автомобилей, что происходит каждую осень на просторах целинного края. Дороги — самое уязвимое место алтайских тылов. Но о тылах разговор впереди...

На шестые сутки добрались до Турочака, дальнего горного селения. И вот сидим в районном комитете партии, и идет разговор на злобу дня: о травостое, о силосе, о лесозаготовках и медицине. Да, и о медицине: в Турочаке хирургию вершит молодой санитарный врач. В ближайшую больницу, в Горноалтайск, больного можно доставить только по воздуху, а погода тут, в горах, такая, что не всегда можно принять самолет. Толкуем о медицине и поражаемся: не утешаются ли в Министерстве здравоохранения РСФСР средней цифрой «враченасыщенности»? Но и эта цифра, если подойти к ней по-строгому, заставляет задуматься. Конечно, до революции на Алтае было бедствие с медициной: на десять тысяч жителей приходилось по полврача. Теперь на десять тысяч жителей восемь врачей, и это победа крупнейшая. Но, во-первых, и эта алтайская цифра ровно вдвое меньше общесоюзной: в стране на десять тысяч жителей еще в 1956 году приходилось более шестнадцати врачей. Так почему же именно Алтай, дальний бездорожный край, обидели медициной? А во-вторых, разве не в Турочаке, куда порой ни по земле, ни по воздуху не доберешься,— разве не тут должны работать самые опытные врачи?!

Толковали о медицине, и кто-то сказал:

— Да-а, а Робинзон наш — тот сам акушерил у жинки...

— Какой Робинзон?

— Не знаете? Ну, его надо посмотреть. А заодно и Телецкое озеро...

Четыре часа езды по каменистой дороге — и вот оно, Телецкое озеро. Катер «Лесоруб», флагман здешнего «флота», отчаливает от Артубашской пристани. За кормой Бия. Она выливается из озера не ручейком, а вполне созревшей, дородной рекой. Грузно перевалившись через порог, уходит на север. А мы идем на юг, к человеку, которого, как живое чудо, показывают туристам,— к Николаю Павловичу Смирнову.

Катер разворачивается, а озеро — каким же оно бесплотным кажется, это озеро, в безветренный час! Очень похоже на кавказскую Рицу! Островерхие лесистые горы сжимают его, теснят скалистыми уступами, а оно того и гляди поддастся. Кажется, нечем ему защититься от гор, этому узкому, крохотному клочку синевы, словно бы опрокинувшемуся с небес в глубокое ущелье.

— Лево руля!

Катер с силой врезается в прибрежный песок На пустынном, скалистом берегу домик. По ступенькам спускается его хозяин — рослый мужчина в шляпе. Волевое лицо выглядит сумрачно, глаза смотрят с опаской: «Кого еще принесла нелегкая?»

Неповторимой, единственной на земле фигурой представляла нам Смирнова людская молва. Говорили, будто бы он тридцать лет назад ступил сюда, на скалистый, безлюдный берег, на голом камне поставил дом, из-за озера на лодке возил чернозем, укладывал, создавал на скользкой скале почву. Создал, насадил сад, развел огород, а потом, после того как штормом смыло и сад, и огород, и землю, он, Смирнов, проделал титаническую свою работу вторично...

Все в точности так! Вслед за Смирновым поднимаемся в гору, а рядом террасами карабкаются по скале просторные грядки... Внизу камни, многотонные глыбы; их сбросили отсюда, сверху, чьи-то руки. И они же, эти руки, оградили почву на террасах, приволокли, обтесали и вбили в каменистое ложе толстые, в два обхвата, кряжи, уложили вершковые доски, и они, те же руки, подняли, уложили и удобрили землю и засадили ее огурцами, помидорами, луком, арбузами — все растет, как где-нибудь в Молдавии, хотя тут, на озере, и холодно и мглисто... И те же руки приучили к камню яблоньки; они плодоносят, хотя корни их стелются по каменной подушке...

С почтением мы косимся на смирновские руки, широкие, шершавые, все в шрамах: это они вдохнули жизнь в обреченный на полное бесплодие каменный пятачок. Но зачем?

— Николай Павлович,— спрашиваю я,— почему поселились вы именно тут, на скале, вдали от людей? Мало ли было незанятых земель в долинах?

— Болел я маленько,— говорит он и отводит глаза,— болел, а вот

Молодые инженеры-химики Барнаульского комбината искусственного волокна. Слева направо: К. А. Зубкова, В. А. Климова, В. Я. Иванова, Л. Е. Митюшина и Г. А. Коновалова.

трудом вылечился. Труд — лекарь! — Наверно, он и сам чувствует, что объяснение это недостаточно. Добавляет: — Еще испытать хотел: все ли может один человек?

Он тут же умолкает, оборачивается. От домика к огороду стремглав мчатся ребятишки.

— Ваш детский сад, Николай Павлович?

— Чей же еще?

— Сколько же их у вас, сынов и дочек?

— Шестнадцать. Был семнадцатый. Помер, однако...

Течет беседа, и мы узнаем невзначай, что дети — самое больное место телецкого Робинзона. Вот провели они с женой почти треть века в изнурительнейшем каждодневном труде. Сильнейшей волей подчинили себе скалы. Смирнов сам акушерил: не было поблизости больницы. Растил детей. Вырастил. А они, оперившись, улетали из родного гнезда. Почему? Или не прокормит их эта взлелеянная отцовскими руками земля? Прокормит! Но нет, ушли старшие сыны. Уехали старшие дочки. К людям, в мир деяний общественных, рвутся Робинзоновы дети, да и он сам хоть и хорохорится, но уже не может обойтись один, без людей: покончил с «единоличностью», поступил наблюдателем в метеослужбу. А дети? Как удержать их, быстроногих, тут, на каменном пятачке, в «собственном» огороде, хотя и полит он отцовским потом?!

Катер, развернувшись, уходит на север. На берегу, скрестив сильные руки, стоит, ссутулившись, Смирнов, рядом отчаянно машет платком старшая дочка...

— Уйдет! — говорит наш спутник.— И эта уйдет! А он-то надеялся...— И говорит, обернувшись к старшине катера: — Ну, поддай ходу, капитан. К Рачкину!

Дмитрий Степанович Рачкин ждет нас в поселке Яйлю. Мы уже знаем, что и он садовод, и садовод недюжинный, и, может, поэтому сразу бросается в глаза, что он похож на Мичурина...

...Нет, он и впрямь похож! Небольшой, сухонький, с продолговатым, худым лицом, Дмитрий Степанович ведет нас по саду, по общественному саду, который он, Рачкин, пестует для людей уже не первое десятилетие. Сад роскошен! Яблони, груши, абрикосы... Да, абрикосы. Как же их удалось вырастить тут, в сибирских горах? Еще яблони. Разные: и свои, и от Мичурина, и от Лисавенко.

Рачкин ведет нас все дальше, а за ним, держась поодаль, следует девушка. Дочка! Уже обучилась садоводству, ее старик прочит в наследницы. А не уйдет ли она, как ушли от отца смирновские дети?

— Как это она уйдет? — удивляется отец.— От чего уйдет? От сада? От этого сада? Много ли в крае таких садов?

Мы припоминаем, что проехали уже не одну сотню километров, но еще не видели ни абрикосов, ни амурского ореха, не видели и яблонь. Так вот он что такое, этот небольшой сад на берегу! Садразведчик! Авангардный боец за украшение жизни огромного края...

Прощаемся с озером. Но горы угощают напоследок еще одним видением.

На крутом берегу Бии ребятишки останавливают машину, кричат:

— Посмотрите, посмотрите!

Выходим, оглядываемся и замираем, пораженные...

Над дорогой уступом нависла стометровая скала. На вершине ее, вцепившись узловатыми корнями в камни, стоят, обнявшись, старые сосны. Под ними отвесная, гладкая, словно бы полированная стена, а на ней метрах в пятидесяти от земли в небольшом углублении крупный барельеф Владимира Ильича Ленина. Профиль Ильича виден издалека, он высечен четко, правильно, уверенной, сильной рукой. Непостижимое видение! Как он забрался по гладкой скале, смельчак-скульптор? Кто он был?

Деревенские ребята — видно, не первый день они служат тут добровольцами-гидами — объясняют, что сделал это Сычев Иван Егорович, пенсионер из Турочака... Полтора года прожил у них в деревне и ежедневно с зарей поднимался сюда, на скалу. Как поднимался? Опускал сверху люльку для работы, а взбирался по лестницам: смастерил их, приладил к чуть заметным выступам. Полтора года изо дня в день, изо дня в день... В погоду и непогодь. Под палящим солнцем и суровыми ветрами. Под дождем и в тумане. Порой, усталый, и ночевал там, в люльке, над бездной... Однажды неосторожным ударом отколол кусок камня, испортил почти готовый барельеф и все начал сначала. Сделал и уехал этой весной, не попросив ни благодарности, ни платы...

Долго в безмолвии стоим у скалы. Внизу Бия. Шумит вода. По быстрине мчатся вниз широкие остроносые лодки. Это москвичи-туристы спускаются из озера в Бийск. Дальше зеленые заречные дали и горы, горы, горы... Лиловыми всплесками они заполнили горизонт...

Но надо спешить: впереди Бийск, второй город Алтая.

Он открывается с горы, и тотчас же примечаем, что тут не один, а два города. Слева старый: обомшелые, темные кровли, покосившиеся домишки, кривые улицы. Справа новый Бийск: сплошной светлый ковер шиферных кровель, четкие клетки кварталов. Они смыкаются, эти разные города, и кажется, не просто смыкаются: новый наступает, старый обороняется. Он уже подался влево, старый Бийск, он уже отступает. На крутые склоны пятятся крохотные домишки...

Это ощущение битвы двух городов не оставляет нас и внизу, когда мы ближе знакомимся с Бийском. Да, новый Бийск, наступающий с окраин, властно вторгается в жизнь сонного сибирского городка. Он, новый город, уже врезался в старый Бийск асфальтовыми дорогами, он выставил на древних улицах свои форпосты — высокие, нарядные дома — и высветлил темные улочки лампами дневного света, водрузил телевизионную башню. Он все тревожит и тревожит бийчан: на заборах объявления — новый город зовет на стройку, зовет настойчиво. Каждому из бийчан, если он станет строителем, обещана квартира, а тому, кто захочет построить свой дом,— пожалуйста, предлагают и участок, и ссуду, и все, все полностью строительные материалы. Тут умный расчет: если привезти сюда, на стройку, две тысячи рабочих из дальних городов, это обойдется в два миллиона рублей, а если набрать столько же местных, это будет стоить лишь полмиллиона. И вот в городском саду, на базаре, на людных перекрестках за столиками сидят вербовщики, зазывают народ...

А в новом городе со строительных лесов спускается к нам Иван Григорьевич Сапалев, коммунист, бригадир каменщиков. Домовито присаживается на корточки, закуривает. Он фронтовик, Герой Советского Союза, и мы, естественно, вспоминаем войну. Щепочкой он рисует на придорожной пыли, обозначая, где стояла батарея в ту штурмовую ночь, когда он, Сапалев, вместе с дружками оседлывал непокорный огненный пятачок на правобережье Днепра. Рассказывает, а сам все косится наверх. Там, на лесах, еле видные из-за растущей стены, орудуют его хлопцы, а среди них и сын Василий, могучий парень восемнадцати лет...

— Пятеро у меня сынов, одна дочка. Всех через это перепустил,— говорит он и показывает «это» — натруженные ладони. И тут же настороженно прислушивается к бранчливому разговору, доносящемуся сверху, поднимается: — Извиняйте! — И неторопливым, уверенным шагом уходит на леса.

— Сто сот мужик! — нежно говорит ему вслед заместитель секретаря парткома Григорий Фомич Мизгирев.— Как он с войны вернулся! Герой же, Золотая звездочка. А вернулся на рудник и опять, как до войны, пошел старателем. Десять годков вкалывал... А к нам приехал и звездочкой не похвастался, нанялся себе каменщиком, только из анкет и узнали, что он Герой. Понимаете? Характер! А работает? Всегда первое место по тресту, как будто он его на веки вечные откупил... Человек!

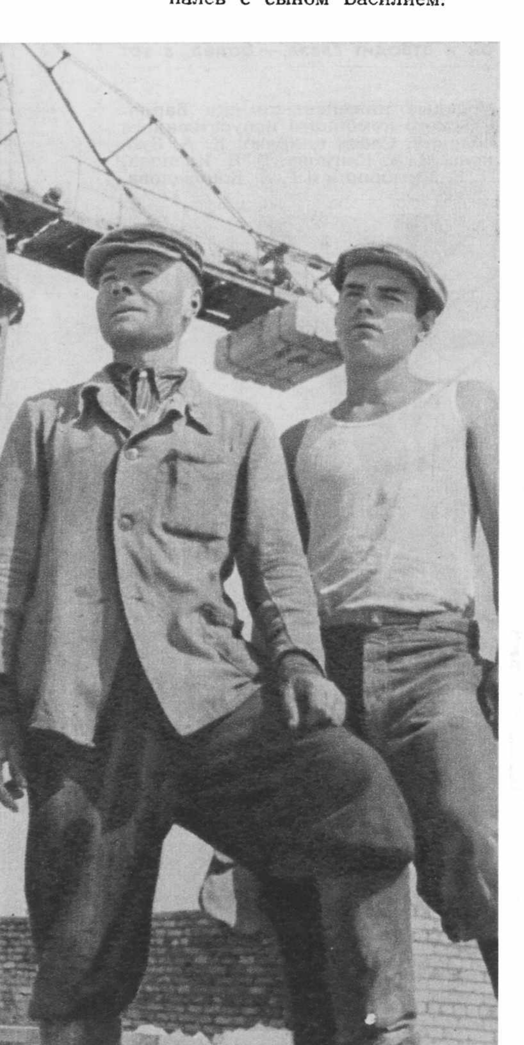
...Из Бийска едем на север. Рядом Обь — река удивительно холоднокровная. Где-то, совсем, кажется, неподалеку, бьется в скалах пламенный Енисей. Он весь испятнан водоворотами, «взмырами», как их зовут речники; он весь огонь; с размаху врубается в скалы, а не одолеет, отвернет в сторону, развернется — и пошел, и пошел рвать в клочья податливую пойму, крошить ее протоками. Так и зовут одно место: Сорок Енисеев...

И Обь полноводна, как Енисей. И широка, даже в верховьях широка. У Быстрого Истока мы полтора часа переплывали ее на пароме. Но до чего же бесстрастна! Не налетает, а подкрадывается! Вот уже не первый год теснит и теснит селение Быстрый Исток. Съела пойму, подобралась вплотную к сахарному заводу. А этой весной ночью воровски залила дома и улицы — людей снимали с крыш вертолеты...

Прискорбно смотреть на Обь! Хочется любоваться водным простором, часами глазеть на лиловые заречные дали, но нет покоя душе: да это же ленивая, пресыщенная река; она же тут, в верховьях, бездельница! Сотни речек работают только на нее. Попробуйте вытяните их — и Бию, и Катунь, и Чарыш, и Алей, и всякие там Калманки, Суетки, Камышенки — на тридцать две тысячи километров растянется голубой поясок. Вполне хватит, чтобы опоясать земной шар, скажем, по пятьдесят пятой параллели; еще и на узелок останется!

Тридцать две тысячи километров речек! И в общем-то безработных речек! На Алтае гордятся тем, что потенциальная мощность водных систем края больше, чем мощность водных систем Финляндии, Швеции, Норвегии, Швейцарии и Италии, вместе взятых. Но это же потенциальная мощность, в том-то и лихо!.. Толкуют: «Погодите, заставим работать Обь, скоро вырастет у Камня-на-Оби электростанция». Скоро ли? Сегодня стране выгодней теплоэнергетика. Когда еще дойдет черед до Камня-на-Оби?! Но небольшие-то станции строить можно? Колхозные! Межколхозные! На малых реках! В Центральной России колхозы с превеликим трудом пробуждают уснувшие мельчайшие речушки, а тут сплошь и рядом колхозы-миллионеры освещаются керосином, хотя живут по берегам резвых, сильных речек. Почему? Нет вкуса к малому гидростроительству? Нет почина?

Герой Советского Союза И. Г. Сапалев с сыном Василием.

Хлеб и соль Кулунды

Кулунда встретила хлебом и солью.

Сперва солью... Днем мы увидели Кучукское озеро. Неистово плясал по степи жаркий ветер. Он griватил пшеницу, гнул к земле одинокие деревца, швырялся пылью. Но озеро, огромное, про-

Алтай. Совхоз «Краснодарский». Молодые целинники — тракторист Владислав Суртаев и повар бригады Людмила Стенина. Они приехали на целину после окончания десятилетки.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

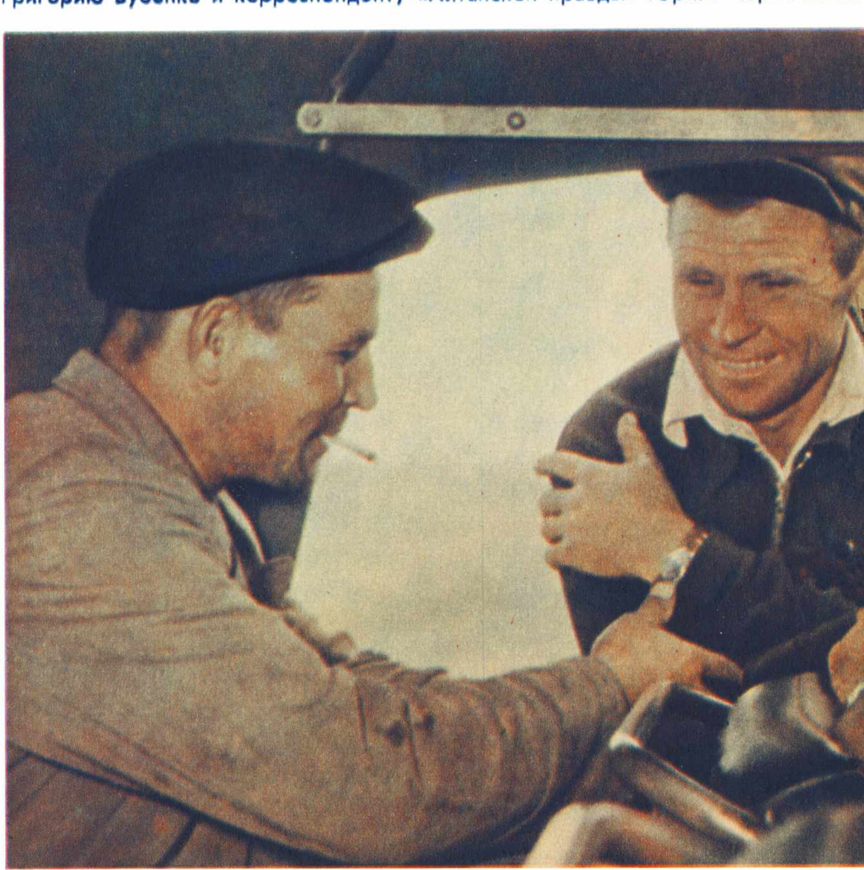

Хлеб Кулунды.

К Барнаульск

Павловский район. Колхоз имени Тельмана. Пошло сортовое зерно.

Родинский район. Совхоз «Степной». Герой жатвы Семен Вдовин (слева) расск
Григорию Бубенко и корреспонденту «Алтайской правды» Юрию Черниченко.

ому элеватору подошли баржи с целинным хлебом.

азывает о своем опыте бригадиру трактористов

Весовщица совхоза «Краснодарский» Анна Андреевна Подгорбунских и ее дети Люда, Коля, Катя, Зоя, Витя и самый младший, Юрик. Отца этого семейства целинников, моториста Александра Тимофеевича Подгорбунских, мы не застали дома. Он был на работе.

стершееся до горизонта, как замерзшее, неподвижно лежало под бушующим воздухом. Было что-то пугающее в этой каменной неподвижности свинцовой воды.

Но, впрочем, это была не вода. Это была рапа — вода, насыщенная солью, глауберовой солью — мирабилитом. Перед нами лежала огромнейшая запасная соляная кладовая государства.

А рядом, на пустынном берегу, стояли люди, которые пришли сюда затем, чтобы тронуть эту кладовую,— начальник Кучукстроя Александр Ефимович Леденев и главный инженер будущего Кучукского сульфатного комбината, старый «соляной» бог, ветеран Кара-Богаз-Гола Иван Федорович Дармодехин. Они смотрели на огромное озеро по-хозяйски. Так плотник смотрит на еще не срубленную сосну.

Они говорили о том, что их комбинат даст вдвое больше продукции, чем сегодня добывают на Кара-Богаз-Голе, говорили деловито, уверенно, так, как будто все это уже готово: и канал, и насосные станции, и комбинат,—а за спиной у нас высились пока только первые дома поселка... Нет, не только дома. У домов, и на пустырях, и еще рядом со штабелями кирпича тоненькие, нежные, с крохотными листочками стояли яблоньки. Было решительно непонятно, как и зачем появились они у еще не достроенных, не обжитых домов и на усадьбах, где пока только колышки обозначали будущее жилье...

— Его затея, — ласково сказал Леденев и указал на Дармодехина.— Ох, он хи-итрый, Иван Федорович!..

— Хитрый?

— Ну, конечно! Люди-то комбинату понадобятся. Не сезонники, а оседлые! А что нужно, чтобы осел человек? Да он же должен полюбить край! А что тут любить? — Леденев глянул окрест, и нам стало ясно, что любить тут пока и впрямь нечего: за озерами лежала голая степь, и ветер, соленый, резкий ветер трепал ее бедное оперение. — Поняли? — спросил Леденев. — Приедет сюда человек, допустим, с Украины, поживет, поежится под ветром, наголодается без овощей и фруктов, плюнет и смотает удочки. А если он приедет к готовому саду?..

Нет, это было здорово! Это было трогательно! Это было черт знает как хорошо! Живет человек где-нибудь под Тамбовом или под Пензой и не ведает, что старый инженер Иван Федорович Дармодехин уже садит для него сад в Кулунде. Садит без плана, без задания, от души, садит лишь затем, чтобы у этого тамбовского или пензенского человека пробудить любовь к суровому Кулундинскому краю...

Простившись с Дармодехиным, мы покинули соляные озера. Выехали на перекресток, и перед нами на все четыре стороны раскинулась однообразная, пустая, ровная, как стол, неповторимая и величавая Кулундинская степь.

«Степь да степь кругом...» Эти милые русскому сердцу слова написаны не о Кулунде, а о моздокской степи. И гораздо раньше, чем была освоена Кулунда, мы заштамповали другое выражение: «Бескрайнее море хлебов». Но где мы его видели, это море? Воротившись с Алтая, я полетел на юг. Ясным днем летели до Минеральных Вод, и под крылом самолета мчалась степь, та самая русская степь, что сотни лет вдохновляла поэтов. Но это была не та степь, совсем не та. Люди причесали ее. Они разграфили ее лесными полосами, как тетрадочный лист, и каждая клетка горела своим сиянием. Квадраты хлебов сменялись желтыми клетками подсолнуха, сизыми массивами земли, вспаханной под пар...

К радости поэтов и огорчению агрономов, Кулунда и по сей день не знает севооборотов, тут почти нет чередования культур; едешь 100—150 километров и видишь только пшеницу. Редко-редко мелькнет небольшой массив кукурузы, и снова пшеница, пшеница, ей буквально нет ни конца, ни края, она шагает с Кулунды в Казахстан, и бог весть куда еще тянется этот безграничный, безбрежный массив, — наверное, до самого Каспия.

По пшеничной степи едем с директором Кулундинского совхоза Емельяном Ивановичем Емельяненко. Только что вместе с ним осматривали поселок. Отличный поселок! Дома удобные, красивые. Не достроен, но уже подведен под крышу Дом культуры; и сюда, в Кулунду, проникли архитектурные излишества—топорные, безвкусные колонны, — но сам «храм» культуры — просторный, высокий — понравится людям. Потом Емельяненко показывал старые карточки — фотографическую летопись совхоза. Традиционная первая борозда. Первый кол... У кола сам Емельяненко: он был помоложе и постройнее, когда в целинную крепь вбивали эту оструганную, как карандаш, священную лесину. Я смотрел на него и думал: какую же огромную ношу приняли на свои плечи тут, в целинном краю, эти немолодые и не блещущие здоровьем коммунисты: директора совхозов, председатели колхозов, районные и краевые работники. Сколько встрясок, стычек, сколько бессонных ночей! Емельяненко прибыл сюда, в Кулунду, с насиженного места, из налаженного совхоза. Там бы ему и доживать до пенсии, но нет, приехал в открытую степь, вбил первый кол, а теперь вокруг этого кола разросся городок, и в каждом его кирпиче — частичка директорского партийного сердца.

Едем по степи. Ну, что сказать, товарищи кубанцы и ставропольцы. В смысле культуры полей Кулундинский совхоз никак не уступит вашим хозяйствам. Не уступит! Он не знает севооборота и только нынче узнал пары — и это худо, очень худо, — но поля обработаны отменно. Дороги проведены строго по струнке и обкошены. Хлеба чисты, урожайны, а кукуруза и вовсе роскошна. Ее, кукурузу, растили по самому последнему слову агрономической практики: без ручного труда. Отдали трактористам и прицепщикам, и вот они стоят у своей кукурузы, братья Князевы, Федор, Виктор и Николай,— мужская половина трудолюбивейшей семьи, приехавшей на Алтай из-под Пензы. Кукуруза выглядит, как пальма...

Расстаемся с Кулундинским совхозом у развилки дорог. Спутник наш, кулундинский корреспондент «Алтайской правды» Юрий Дмитриевич Черниченко, спрашивает:

— К кому теперь? К Пятнице? К Чабанову? К Вдовину?

Едем к Семену Вдовину.

Находим его в поле совхоза «Степной», возле сенокосилки.

— Семен,— весело атакует его Черниченко,— выдай что-то мощное об опыте!

Вдовин — очень нежное лицо у этого кареглазого богатыря — ласково смотрит на корреспондента.

— Ну что же я выдам, Юрий Дмитриевич? Вы же и так все знаете. Были с нами. Напишите: хорошо работать надо.

— Как работать, об этом скажи. Поучи молодежь.

— Как работать? — Вдовин задумывается. — Вы лучше про моего тракториста напишите. Он в армии, Толя Кладовщиков, а вы все-таки напишите, чтобы люди знали: если у машиниста жатки нет контакта с водителем, не будет дела. У меня был контакт. Знаете, он какой хороший, Анатолий? Безотказный, душевный. Он детдомовец, сирота. Жил тут на квартире, а когда в армию уходил, хозяевам мотоцикл подарил. Понимаете, какой? Напишите обязательно! А то помните, как получалось. Писали про меня одного: Вдовин, Вдовин... А где Кладовщиков? Нехорошо получалось, Юрий Дмитриевич.

— А что скажешь насчет нынешней уборки?

— Уберем как-нибудь, не в первый раз.

Тогда, в последние дни июля, он никак не хотел говорить о предстоящей страде. Отмахивался, уклонялся, и только два месяца спустя уразумел я, в чем был секрет вдовинской сдержанности. В августе и сентябре Вдовин повторил прошлогодний подвиг. Тридцать суток подряд он по восемнадцать, по двадцать часов не вставал с машины. Спал урывками, спал тут же, на полосе, чтобы, подхватившись, не мешкая, вновь оседлать жатку, и косить, и косить... Он убрал больше всех на Алтае, этот с виду медлительный, неторопкий хлопец. Его успех объяснить и просто и не просто. Нет в опыте Вдовина решительно никаких технических придумок. Он просто ценил минуту. Он просто не вставал с жатки, и берег ее, и держал в порядке. Был в этом хлопце заряд необыкновеннейшей огневой силы, запас бодрости, и Вдовин до поры, до времени берег его, этот запас. И не хотел расплескивать, растрачивать в побасенках...

О самом главном

— Ну, останься же, Коля!

— Еще чего! Я птица вольная...

Разговор идет на станции Благовещенка, где мы ждем барнаульский поезд, с которым должен прибыть с сессии Федор Чабанов. Собеседников не видно: их скрывает от нас высокая спинка стандартного железнодорожного дивана, но зато хорошо слышны голоса.

— Худо ли у нас? — спрашивает девичий голосок.

— Деревни у вас, на Алтае, чудно́ называются,— отвечает ей басовитый мужской голос. — Всё на «ха»: Волчиха, Новичиха, Шелаболиха, Косиха, Клепечиха, Кузнечиха, Грязнуха, и та есть.

— И Чистюнька есть.

— Есть и Чистюнька. А что толку? Был я в Чистюньском совхозе — трактористы в землянках живут.

— Есть и Лондон, — вставляет девушка.

Она права, эта милая защитница чести родного края. Есть на Алтае и села с звучными названиями: Орлеан, Варшава, Сереброполь, есть и Лондон... Но парня не проймешь.

— Лондон? — смеется он. — Да в этом вашем Лондоне такая чайная!.. Некультурности у вас много! — объявляет он наставительно.— В какую чайную ни зайдешь — один гуляш. Почему гуляш? В реках полно тайменя, хариуса, в озерах — караси, а в чайных — гуляш. Яблока не съешь. Триста лет тут живете — садов не завели...

Я поднимаюсь, обхожу диван и вижу их обоих. Девушка славная, свежая, как яблоко-зимовка. Парень — он держится господином положения — развалился, положил ноги на чемодан. Сильная рука лежит на подлокотнике, на пальцах наколоты буквы: «В-А-Л-Я», — видно, знак не этой, а другой любви.

Птицы вольные... Сколько мы встретили их, странствуя по степному Алтаю! Пестры они необыкновенно: и оперением, и талантами, и, так сказать, «отправным моментом», забросившим их сюда, на целину. Кто за рублем, кто за невестой, кто просто потому, что дома не сиделось; кочуют, будоражат оседлых целинников, вселяют напрасные надежды в доверчивые девичьи сердца...

Но не о них печаль! Людей, настоящих людей, не хватает Алтаю, и это, как мне кажется, сейчас главный вопрос.

Помнится, в Карабинке, притрактовом селе, неподалеку от Бийска, мы попали на заседание правления колхоза. Правление собралось в полевом вагончике, он был весь облеплен народом. Я присел на бревна рядом с двумя пожилыми женщинами. За окном в вагончике размахивал руками оратор, председатель колхоза. Изредка до нас долетало:

— Надо мобилизовать! Надо мобилизовать!

— О чем это он? — спросил я у соседки.

— А все про то: работы невпроворот, а людей...

И вполголоса, косясь на оратора, рассказала: у них в Карабинке очень трудный колхоз. Земли «где-то семнадцать тысяч гектаров» (кстати, выражение «где-то» в смысле «около» очень распространено на Алтае, и употребляют его порой не к месту. Говорят даже так: «Где-то пять и семь десятых») — так вот земли «где-то семнадцать тысяч гектаров», и земля отменная — чернозем, по-

ловина ее — луга и пастбища. Тут бы держать тысячи голов скота, вагонами гнать в город свинину и говядину, но не хватает работников, и колхоз держит всего-то навсего сто коровенок, а травы не выкашивает, так-таки и гибнут они на тысячах гектаров.

— Вот те Алтай! — сказала женщина. — Земли много, воды много, люде-ей мало...

Это «люде-ей» она произнесла протяжно, жалобно и вздохнула, а я еще не знал тогда, что пройдет неделя, другая, третья, уже и женщина и Карабинка уйдут из памяти, а «люде-ей мало» все еще будет звучать в ушах.

Мало людей! В Родино у секретаря райкома партии тов. Устенко за день до уборки мы застали директоров совхозов. Они спорили, и, как выяснилось, из-за комбайнеров: в район прибыли выпускники школ механизации из Ярославской области, и каждый директор норовил заполучить их к себе. Это было ни на что не похоже. Ни один кубанский директор в канун страды не отдал бы комбайн в незнакомые руки, а тут директора, так сказать, массово покупали «котов в мешке». Почему?

— Не хватает механизаторов! — с горечью сказал Устенко. — Хлеб что надо, а вот людей...

Недавно я позвонил в Родино. Надрывно гудели провода, словно бы донося с Алтая гул напряженнейшей хлебной битвы. В райкоме Устенко не было (он жил в колхозах), а дежурный сказал, что район «добивает» десятый миллион и на днях будет рапортовать... Я представил себе родинских знакомых, как им было трудно в эти дни! И самому Устенко и его помощникам. С каким наслаждением они в первый раз за всю страду отоспятся по-человечески, люди, свершившие в неимовернейших условиях осенней погоды свой не первый уже целинный подвиг! И подумалось: а как бы им было легче, если бы на каждой машине стояли свои постоянные командиры, такие гвардейцы, как Вдовин и Чабанов!

Вот так в дорожных встречах и разговорах и вырастал главнейший алтайский вопрос — проблема людей. О ней и заговорили мы с Федором Васильевичем Чабановым.

Казалось, что я уже знаю его: столько пришлось выслушать рассказов об этом первом комбайнере Кулундинской степи. Называли цифру: Чабанов за двадцать лет намолотил почти три миллиона пудов зерна. Говорили, что он в отличие от многих рекордсменов не любит менять машины, а выжимает из старья все, что можно из него выжать. Рассказывали, что знаменитый кубанский комбайнер Константин Борин в сорок седьмом году отправил Чабанову два комбайна и Федор Васильевич десять лет работал на них. Еще толковали, что Чабанов любит громоздкие, тяжелые тракторы «С-80» и эти машины служат ему по двенадцать лет и еще полны сил. Смеясь, рассказывали, что Чабанов, перейдя со своей бригадой в колхоз, стал «коровьим» богом: увлекся фермами, строит новые скотные дворы. Словом, очень много было сказано об этом человеке, но нам он открылся еще с одной стороны.

Братья Князевы. Слева направо: Виктор, Федор и Николай.

Пока хлопотливая хозяйка готовила ужин, мы стояли в саду. Чабанов две недели не был дома и соскучился по своим яблоням. Любовно гладил их теплые, живые стволы, касался плодов. Странное совпадение: сколько ни видел я на Алтае хороших людей, все они были как-то связаны с садоводством. И вот у Чабанова тоже был сад, самый лучший и, кстати сказать, почти единственный сад в степной деревушке Кочки.

— Да, туговато у нас с людьми, туговато, — сказал он, поглаживая яблоньку. — Еще в нашем колхозе ничего, у нас трудодень богатый, идут люди, а все-таки и к нам принять еще сотни две — три работников — всем бы нашлись дела. Животноводческая-то целина, считайте, не поднята!

Я уже не первый раз слышал, что на Алтае многие нерешенные задачи называют целиной. Говорили о целине животноводческой, второй главной целине Алтая, говорили о целине строительной, о целине бытовой. Я сказал, что сегодня, когда на очереди столько «целин», — сейчас, кажется, самое время поднять новую волну переселенчества. Чабанов покачал головой.

— Переселенчество! Оно, конечно, верно, да начинать-то, думаю, надо не с того конца. Не оттуда начинать, — он указал на запад, — а отсюда.

— Как отсюда?

— Украшать землю, строить дома, деревни, готовить людям условия. Будут условия, народ без всякой волны поедет.

Я возразил. Получается ведь замкнутый круг: чтобы освоить по-настоящему богатства Алтая, нужны люди, а чтобы люди приехали, нужны условия жизни. Но опять-таки эти условия жизни должны создаваться людьми. Где же выход? Может, сегодня надо звать сюда побольше народу, и прежде всего мастеровых: плотников, каменщиков... И опять Чабанов покачал головой:

— Звать-то звать, да ведь и нам самим надо разворачиваться. Вот была краевая сессия, о том и толковали: худо у нас в крае со строительством, с жильем, с культурой, с бытом, с торговлей. Плохо заботимся о людях! И с этим, — он потрогал ветку яблони, — с этим совсем плохо... Нет у многих наших людей еще вкуса к садам. И руководителям частенько не хватает этого вкуса. А сады-то везде могут расти по Алтаю, не хуже, чем на Украине, могут расти. А что за местность без садов? Если человек привык к фрукте, как ты его у нас удержишь без этого?

Утром мы осматривали колхоз. Он был прочен, крепок, богат, этот средний алтайский колхоз. За три миллиона шестьсот тысяч рублей он купил почти целую МТС: и машины, и мастерские; и уже видно было, что техника попала в хорошие руки. Все было хорошо. И все-таки и тут была неподнятая целина: мало было скота.

Вечером мы вновь говорили с Чабановым. Рядом с хозяином сидел Юрий Черниченко. За неделю я понял, как он сроднился с Кулундой и вошел в души людей, этот подвижной, вдумчивый корреспондент. У Чабанова он был как дома.

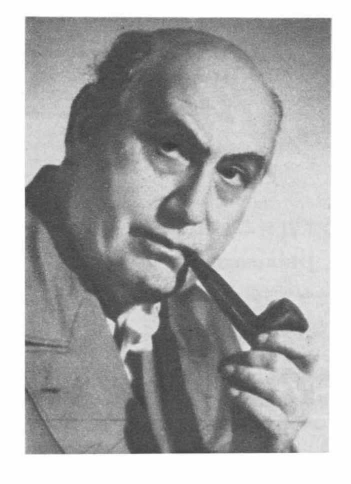
— Со скотом по всему краю пока неважно, — сказал Чабанов и вздохнул. — Вот оно как бывает! Одну целину подняли, а вот она и другая открылась... Вглубь надо гнать хозяйство!

— Специализировать надо хозяйство, Федор Васильевич, — сказал Черниченко. — Алтай-то не одинаков! За Обью луга. Какие там условия для нагула скота! У нас, наоборот, нет лугов, зато зерно дешевое. Вот вам база для свиноводства. Если двинуть специализацию... А то мы пока везде, во всех районах нажимаем всерьез только на хлеб.

— На земле еще нет порядка, — сказал Чабанов. — Пять лет сеем пшеницу по пшенице. Разве это не опасно? Выпашем землю, разведем сорняки. А у нас — что там скрывать! — есть еще такие потребители: ему бы лишь хлеб выхватить в урожайный год, а там хоть трава не расти! Севообороты нужны нашей земле, пары нужны, леса нужны, лесные полосы. Колки-то сводят, последний лес вырубают — тоже потребительский подход к земле, хищнический подход...

Они говорили деловито, озабоченно, а за окнами простиралась урожайнейшая нарядная степь. И уже стоял готовый к уборке хлеб, великолепный хлеб, какого давно не видала Кулунда. Уже были готовы те самые миллионы пудов, которые вскоре посыпались в элеваторы. И тут бы, кажется, им обоим говорить о победе, благодушнейше взвешивать уже зримые итоги урожайного года, но, нет, разговор шел о неподнятых целинах Алтая... Так уж устроен наш человек. На гребне взлета он еще пристальнее вглядывается в открывшийся горизонт...

...Утром мы простились с Чабановым. Выехали из деревни, и дорога вошла в хлеба. Степь была безлюдна пока: уборочная гвардия не вышла еще на позиции. Все было впереди: и рекорд Семена Вдовина, и успех Федора Чабанова, и алтайские хлебные миллионы. И впереди же были бои, упорные, длительные бои за освоение всех «целин» богатейшего Алтая. Предстояли бои, в которых настоящие сыны края столкнутся с «потребителями», одолеют их и завоюют победу.

БУМЕРАНГ

Рассказ

Бела ИЛЛЕШ

Рисунки А. ВАСИНА.

С Андрашем Кути я познакомился в августе 1943 года в Талицах.

Талицы расположены в районе среднего течения Волги, на правом ее берегу, километрах в семи—восьми от реки, на большой лесной поляне.

Восемь трехэтажных строений казарменного типа. Четыре — по правую сторону пустынного пыльного двора, четыре — по левую. С какой целью построили в этом глухом месте восемь унылых сараев, напоминавших не только казармы, но и доходные дома на рабочих окраинах и даже некоторым образом тюрьму, я не знаю. В 1943 году в Талицах был лагерь для военнопленных. В нем находились немцы, румыны, итальянцы, финны и венгры. Одним из девятисот венгров был Андраш Кути, на родине — землекоп, на фронте — ефрейтор, в лагере — ученик антифашистской школы. Невысокий, худой, крепко сбитый, жилистый, смуглый парень с монгольскими глазами, с виду лет тридцати, но было в нем еще что-то юношеское, может быть, улыбка, мягкая, грустная, словно просящая прощения. Ученик он был средний, но успехи его день ото дня возрастали. На родине он едва научился писать и, по собственному признанию, с двенадцати лет не держал в руках ни книг, ни газет. Но постепенно побеждали природный ум, лихорадочный, родственный любопытству интерес к делам мира, упорство, прилежание, дисциплинированность.

Отношения между учителем и учеником перешли в личное знакомство (а потом и дружбу) после того, как Кути в холодные сумерки, незадолго до отбоя, нарушив дисциплинарное предписание, предстал передо мной на дворе.

— Не сочтите за бесцеремонность, но у меня к вам просьба, товарищ майор.

— Что случилось, парень?

— Да ничего не случилось, товарищ майор, только... Если уж знаешь, что беде нельзя помочь, как бы ты ни желал, то не очень убиваешься, молча терпишь и голод и холод. Но если знаешь, что... Извольте видеть, товарищ майор, приближается осень, вслед за ней зима. Осень здесь очень дождливая, а зима... говорят, здесь зимой даже дубы мерзнут. Да и не пристало антифашисту, к тому же еще связному между венгерскими и румынскими солдатами, а это ведь не такая простая задача, как кажется... Словом, непорядок это, что я хожу в рваных штанах и драных башмаках. Я хотел явиться с рапортом, но потом решил неофициально побеседовать с товарищем майором и обратить ваше внимание на то, что итальянские и немецкие пленные одеты совсем по-иному, не так, как мы.

Кути ежедневно тщательно брился и несколько раз в день мылся, раздевшись до пояса. Штаны же его были грязные, заплата на заплате, а башмаки просили каши.

— А других штанов и башмаков у тебя нет? Эти единственные?

— Да, мне их выдали добрых полтора года назад в городе Мако, когда нас назначили в маршевую роту. С тех пор я не получал обмундирования. А...

— Знаю! Гм! Конечно, тебе необходимы, крайне необходимы и штаны и башмаки. Я распорядился бы выдать тебе и то и другое завтра рано утром, когда откроют склад, если б один только ты ходил в истрепанных штанах и дырявых башмаках. Ты и, скажем, еще несколько солдат. Но, не правда ли, таких оборванных, как ты, очень много?

— Почти все.

— Вот видишь! Такого количества штанов и башмаков, чтобы на всех хватило, на складе нет. Что скажут твои товарищи, если мы оденем только тебя? Не правда ли, тебе будет стыдно показаться перед ними в своих новых башмаках? Мне кажется, лучше ходить в изорванных штанах и драных башмаках, чем потерять уважение и любовь товарищей.

Я еще долго говорил об отношениях между личностью и коллективом и, когда почувствовал, что высказал все, что надо было сказать в данном положении, спросил:

— Ты согласен со мной, парень?

Кути очень грустно посмотрел на меня и тихо ответил:

— Согласен, товарищ майор. Спасибо за науку!

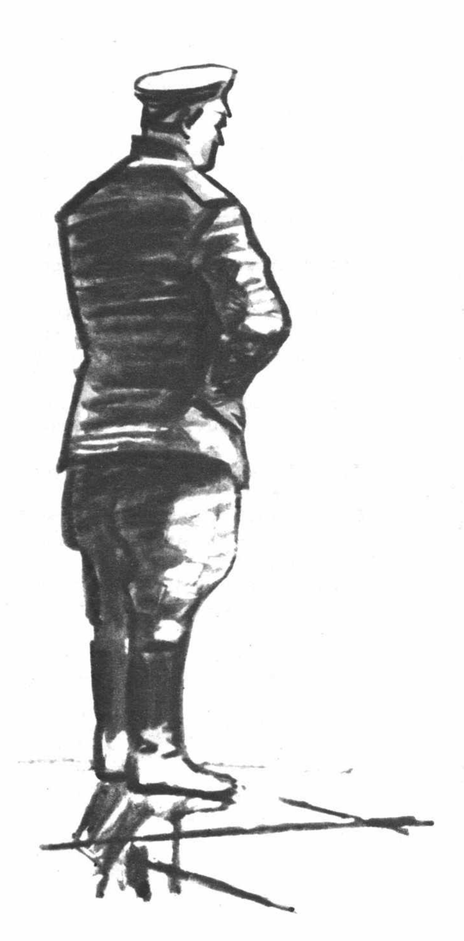
На другой день на рассвете я распорядился, чтобы ему выдали пару новых башмаков, новые штаны и даже новый китель.

В течение нескольких дней он сидел на уроках с опущенными глазами, стараясь не встречаться со мной взглядом. Спустя восемь — десять дней, когда он был дежурным, я после рапорта спросил его:

— Ну, парень, как поживаешь?

Он покраснел.

— Я никогда не забуду того, что получил от товарища майора,— сказал он почти торжественно.

— Новый китель? — добродушно спросил я. Лицо Кути оставалось серьезным.

— И это тоже, но я думаю о другом: о науке, о наставлении. С тех пор это не выходит у меня из головы ни днем, ни ночью.

Форма сидела на нем словно вылитая, башмаки сверкали, но взгляд... Я был поражен, когда увидел, что он смотрит на меня блестящими от слез глазами. Этого беднягу, который, вероятно, еще в люльке отведал нищеты и навсегда заучил пословицу «Кто проворен, тот доволен», по-видимому, затронуло то, что я рассказал ему о солидарности. И настолько, что он не заметил несоответствия между словами учителя и полученным обмундированием.

Впрочем, из-за выданных Кути вещей у меня вскоре произошли неприятности с нашим кладовщиком. Оборванные венгерские парни все захотели одеться, а, выполнив просьбу одного, я не мог отказать и другим.

* * *

Более десяти лет я гордо называл Андраша Кути своим учеником, а он с благодарностью и уважением считал меня своим первым учителем. Он проделал большой и нелегкий путь. Уже в 1944-м он отличился, храбро сражаясь против банд Гитлера, а после освобождения Венгрии стал получать все более и более важные задания. Иногда мне приходилось встречаться с ним на приемах, а однажды я был у него на аудиенции. Мы хорошо поговорили. К сожалению, у него было очень мало времени, и он ни единым словом не обмолвился о «старых, добрых временах», о Талицах. Он уже носил очки, но в нем все еще оставалось что-то юношеское, хотя улыбка изменилась. Она была усталой.

В октябре — ноябре 1956 года он показал пример неустрашимой храбрости и неподкупной верности коммунистическим принципам. О том, как он тогда себя вел, можно говорить лишь с величайшим уважением. Я даже простил ему в то время, что он забыл о Талицах. Однако положение сложилось так, что я вынужден был напомнить ему о нашей старой дружбе. Я обратился к нему за помощью.

Во время контрреволюционного мятежа мою квартиру разрушили: ее не топили, да и натопить ее было невозможно. Несколько недель я выдерживал муки холода; когда кругом столько бед, забот и работы, стыдно докучать своими мелкими неприятностями. Но

так как в квартире все заболели, а я даже в перчатках с трудом мог держать в руке перо, я отважился попросить о помощи. Кути в то время занимал такой пост, что мог легко мне помочь. Я написал ему письмо, поздравил с большими успехами, затем сообщил о своем положении и попросил посодействовать мне. Ответа на свое письмо я не получил. В такое время у человека, занимающего положение Кути, много дел. Я позвонил ему по телефону. Когда я звонил в седьмой раз, секретарша соединила меня с ним. Кути сообщил, что получил письмо, и заверил меня в своем сочувствии:

— Я искренне сожалею, товарищ, что в настоящий момент не могу вам помочь. Но, как вы знаете, очень многие попали в тяжелое положение, сходное с вашим, есть даже немало людей, которые живут в условиях куда худших. У вас, товарищ, по крайней мере, есть крыша над головой. Я убежден, что и вам было бы очень неудобно, товарищ, если б я сделал для вас исключение в то время, когда мы не можем помочь всем. Я убежден, что вы не приняли бы это, и прямо скажу, что если бы вы даже приняли, я и тогда не согласился бы на подобное несправедливое исключение. Ну, всего хорошего, товарищ! До свидания!

Он положил трубку. Я не мог не последовать его примеру. Я улыбнулся, подмигнул умолкшему телефону.

— Ну вот, не забыл парень! Есть у него чувство юмора, оно, видно, не покинуло его даже в эти тяжелые дни. Завтра, а может быть, еще сегодня он примет меры.

В течение трех дней я лишь изредка покидал дом. Если я и отлучался на какое-нибудь совещание или лекцию, то по возвращении домой первым долгом спрашивал:

— Приносили что-нибудь от Кути?

Нет, ничего не приносили. И сейчас я уже не очень рассчитываю на то, что Кути примет меры. Разъяснив, что помочь мне было бы несправедливостью, он сделал свое дело. Он научился у меня многому, о чем сегодня знает лучше, чем его учитель.

Я здорово рассердился на него. Бранил, даже, кажется, угрожал ему:

— Ну, постой! Подожди! Я еще тебя выучу!..

Потом ко мне неожиданно заявился гость — писатель, один из тех коллег, с которыми я в течение нескольких месяцев (август, сентябрь и октябрь 1956-го) даже не здоровался. Он был бледен, нервничал, неуверенно улыбался.

— Не снимай пальто! — посоветовал я ему, пригласив в комнату.— У меня очень холодно.

— У тебя холодно? — удивился гость.

— Мою квартиру не топят, ее нельзя натопить.

— Но как это можно? Почему не приведут в порядок твою квартиру, твой дом, весь район или что там надо привести в порядок, чтобы ты не мерз? Это поистине их святейшая обязанность!

— Что ты, что ты! Сейчас на очереди более важные задачи!

— Более важные задачи! Если они допускают, чтобы мерзли, гибли их собственные писатели, чего может ждать от них страна, народ?

— Ты не знаешь, что говоришь! — накинулся я на него.— Наше правительство...

Мой гость иронически (немного принужденно) рассмеялся. Он старался казаться высокомерно-благосклонным.

— Ты увидишь! На собственной шкуре испытаешь! Если и после этого не поймешь...

Я ударил кулаком по столу. Несколько минут спустя мой гость, не простившись, удалился. Я искренне радовался. Не тому, что он ушел, а тому, что посетил меня. Писатели всегда могут помочь людям. Если бы этот коллега не посетил меня, я, вероятно, еще долго сердился и уверял бы себя, что мозоль — самая благородная часть человеческого тела. Но теперь я убежденно бранил себя. Человек учит, всю свою жизнь учит других, а на поверку оказывается, сам мало чему научился. Наступят ему на мозоль, и он забывает о том, за что боролся всю жизнь. Мне было очень стыдно перед самим собой.

В пальто, в перчатках, в шапке, с толстым шарфом, обернутым вокруг шеи, я бросился на кровать и несколько минут наблюдал, как мое дыхание превращается в пар. Я думал о Кути. Его я не оправдывал. Потом о себе. Себя я осуждал.

Затем я заставил себя забыть об этом дурацком деле. На следующий день мне надо было читать лекцию. Тему я уже выбрал. И когда я мысленно строил лекцию, я действительно забыл обо всем и обо всех, о Кути так же, как и о своем госте-писателе. Не забыл лишь о собственной слабости. Моя лекция, которую я читал в нетопленном помещении перед сидящей в зимних пальто и шапках аудиторией, имела неожиданно большой успех. Слушатели почувствовали, что я говорю искренне, воодушевленно. Лекция называлась «Об интересе личном и общественном». Широко раскрытые глаза, смущенные улыбки моих слушателей говорили о том, что многим из них кажется, будто речь идет именно о них, об их ошибках и заботах.

Перевела с венгерского
Елена ТУМАРКИНА.

Стихи о городах

СУДИСМАН
(Индонезия)

БАКУ ЦВЕТЕТ

В Баку даже ветер
С привкусом нефти,
В Баку — говор моря, садов
и проспектов.
Любуюсь холмами,
Седыми валами,
Фонтанами нефти,
Играющей спектром.

Из сýтеми старой
Свет хлынул пожаром...
Пали в борьбе
Двадцать шесть комиссаров,
Чтоб пламенем алым
И знаменем алым
Победа
Сегодня и завтра
Сверкала!

Баку — город ветра.
Он полон привета.
Вскипает веселья прибой неумолчный
Стремительной пляской и песней
восточной.

Радость звучит в этом гуле и звоне!..
Голубь белеет на смуглой ладони...
И сердце мое наполняется светом,
Которого хватит
Для целой планеты!

ЧУДЕСНЫЙ ГОРОД СОЧИ

Красуются Сочи — в садах и дворцах!
Радость рождается в наших сердцах.

Устланы горы зеленым ковром.
Птиц голоса не смолкают кругом.

Блеском росинки подобны алмазу:
Сколько оттенков увидишь ты сразу!

В чаще сверкает огонь золотой,
Медь дополняется бронзой литой.

В бархате моря — оттенок лиловый,
Розовый цвет переходит в багровый.

Кремовый цвет, а за ним —
шоколадный...
Сказочен утром простор неоглядный!

Катер, как щепка, летит средь
простора.
Вьется волнистый дымок от мотора...

Город живет для здоровья людей,
Радуя силой целебных ключей.

Встали у моря, у синих нагорий,
За санаторием санаторий,
Отдых, здоровье и силу даря...
Осуществилась мечта Октября!..

В Сочи — платанов зеленая тень,
Солнце сияет над морем весь день,

Звезды заблещут высóко над Сочи —
Их назовешь ожерельями ночи...

Ветер колеблет прибрежную гладь.
Долго веселью вокруг не смолкать!..

Стал здесь хозяином жизни рабочий.
Это ему улыбаются Сочи.

Вольный перевод
Игоря КОБЗЕВА.

ТБИЛИСИ-1500 ЛЕТ

И. МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Столице Грузинской ССР Тбилиси исполнилось полторы тысячи лет.

Город перед нами словно на ладони. Гигантская ладонь эта кажется сложенной в горсть, отчего все линии проступают резко. Глубокие складки, бугры как бы подчеркивают главное в облике Тбилиси: приметы многих эпох уживаются здесь, на древней грузинской земле.

Вот крепостная стена Нарикала — свидетельница сорока опустошительных нашествий на Тбилиси, памятник мужества его защитников-горожан. У подножия крепости — «старый город» с его знаменитыми теплыми целебными источниками, описанными и арабским географом Ибн Хаукаля в «Книге путей и царств» (X век) и советским писателем Алексеем Толстым в «Книге записей Тбилисского бальнеологического курорта» (XX век). Араб был поражен, что вода в этих источниках «горяча без помощи огня», а Толстой, «сидя в мраморном бассейне, чувствовал себя не то Помпеем, не то Лукуллом...»

За крепостью виднеется гора Мтацминда с парком и телевизионной вышкой. На склоне горы, в пантеоне, рядом с прахом видных общественных деятелей Грузии покоятся останки А. С. Грибоедова.

Возвышенность справа — Авлабар. Помните? Типография, в которую попадали через глубокий колодец во дворе,—смелое предприятие тифлисских большевиков, руководимое И. В. Сталиным. Тбилисцы бережно хранят замечательный памятник революционного подполья. Авлабарская нелегальная типография имеет теперь легальный адрес, широко известный множеству экскурсантов.

В гранитной набережной петляет по городу Кура.

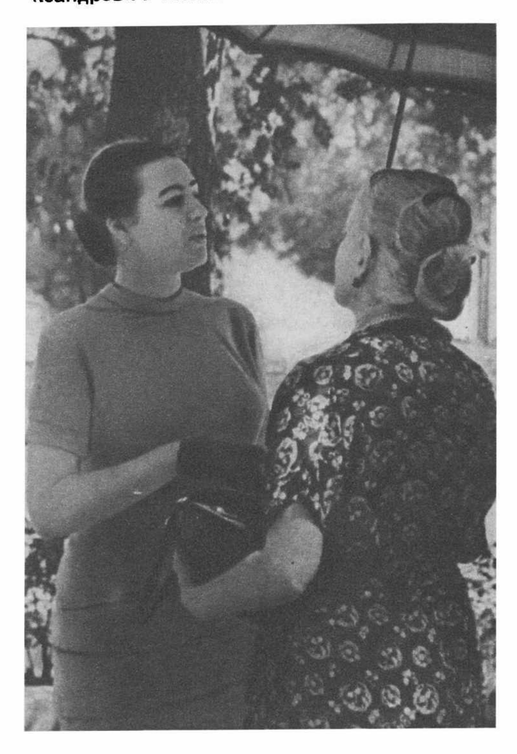
Вдали, справа от Куры,— промышленный Ленинский район города. Слева — сплошной массив новых жилых кварталов, отстроенных за послевоенные годы.

В памятные дни февраля 1921 года, когда Серго Орджоникидзе телеграфировал: «...Над Тифлисом уже развевается красное знамя...» — город был ровно вполовину меньше. Советские люди в советское время расширили территорию Тбилиси вдвое. И вот каков он сегодня!

До недавнего времени в Тбилиси было два проспекта. Потом появился третий, новый — проспект Ильи Чавчавадзе.

Отложив в сторону урартские клинописи, вышел прогуляться молодой ученый лауреат Ленинской премии профессор Георгий Александрович Меликишвили.

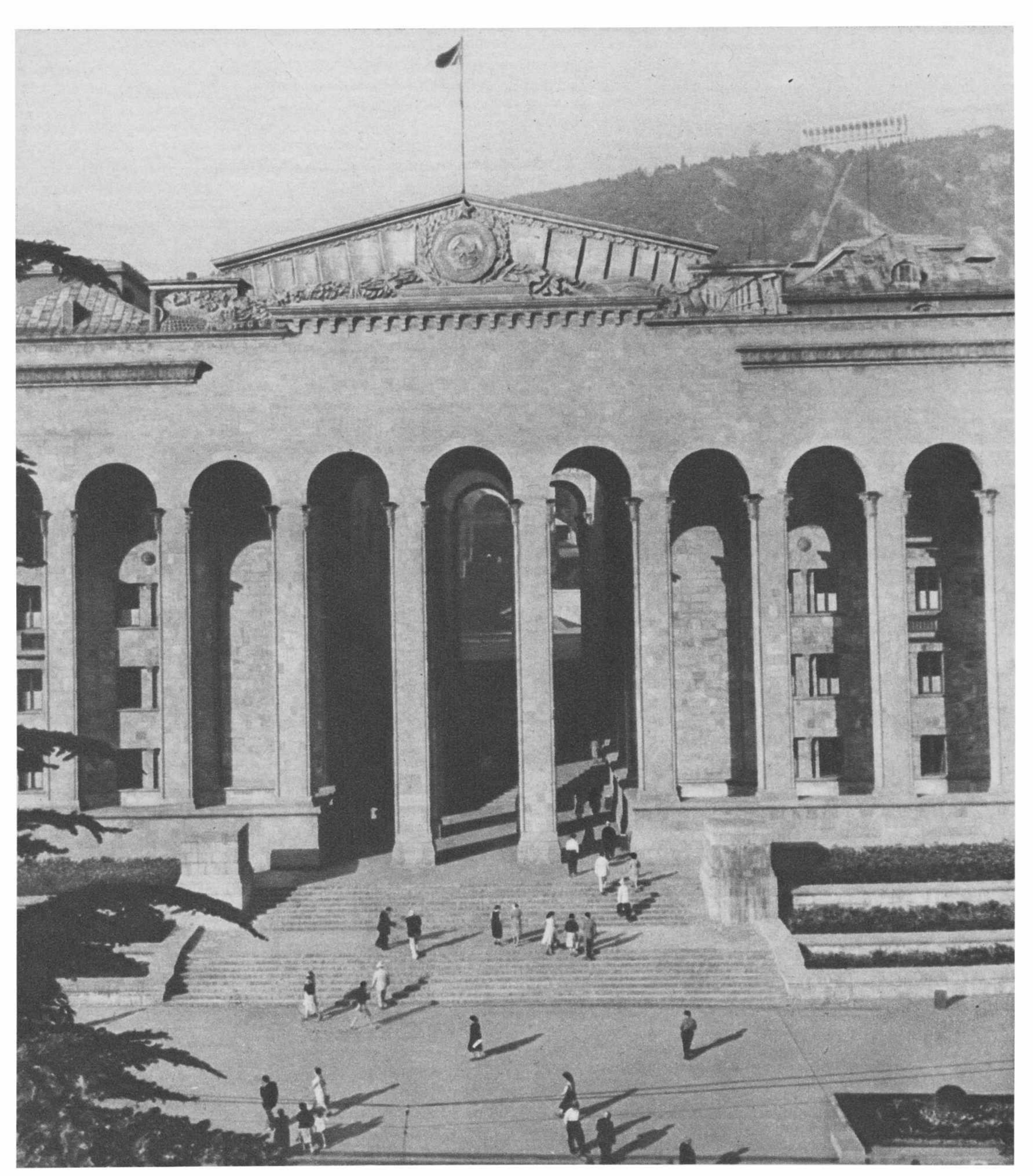

Депутат Верховного Совета республики заслуженная артистка Грузии Наталья Михайловна Бурмистрова повстречала на улице знакомую.

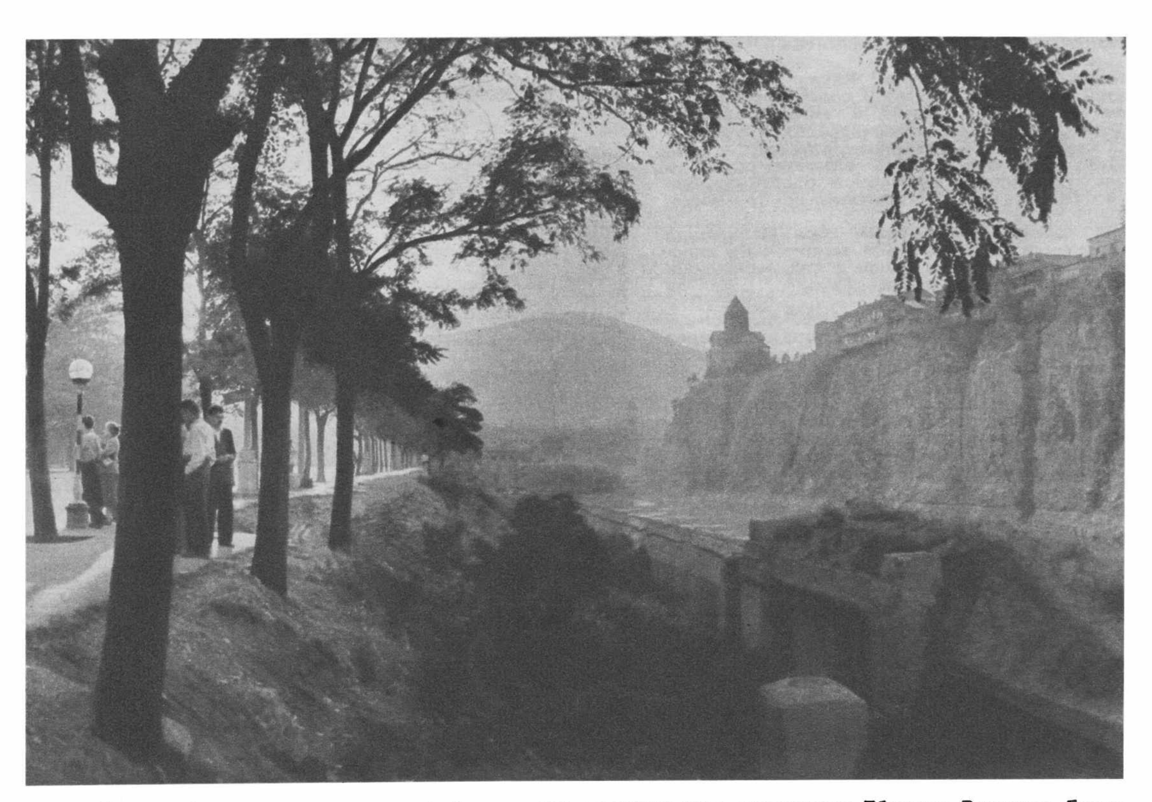

Хороша холодная водичка!..

Вместе с лучами утреннего солнца по ступенькам Дома Правительства Грузинской ССР поднимаются тбилисцы.

Реконструирована одна из старейших улиц, носящая имя основателя Тбилиси Вахтанга Горгасала. Вдали виднеется Метехский замок-тюрьма, в котором находились в заключении М. Калинин, М. Горький, В. Курнатовский, А. Цулукидзе, П. Джапаридзе, Камо (С. Тер-Петросян).

Многолюдно во дворе прядильно-трикотажного комбината в час обеденного перерыва.

Город работает и учится.
Кажется, сама тишина поселилась здесь, под высокими сводами Республиканской библиотеки имени К. Маркса.

Тбилисский трикотаж, тбилисский шелк, обувь, вина известны исстари. А в наши дни на железнодорожных магистралях страны появились и тбилисские электровозы.

Восьмиосные магистральные электровозы тбилисцы строят на расширенном, обновленном локомотиворемонтном заводе. Из мелких, полукустарных заводиков в столице и других городах Грузии создается сейчас много современных предприятий машиностроительной и электротехнической промышленности. В новые цеха идет молодежь из средних школ—рабочая юность республики.

ПИСАТЕЛИ и КНИГИ

Огни дружбы

Петрусь Бровка нашел выразительный образ крепнущего единства советских народов; свой новый роман он назвал «Когда сливаются реки». Всей книгой писатель утверждает, что объединенные силы братских народов, подобно мощным сливающимся рекам, неодолимы в своем движении.

Роман посвящен строительству гидроэлектростанции на границе трех республик — Литвы, Латвии и Белоруссии. И назвали электростанцию «Дружба народов».

Литовский поэт Эдуардас Межелайтис воспел совместный труд литовцев, латышей и белорусов в замечательной «Братской поэме». Поэты трех республик посвятили электростанции много вдохновенных, различных по темпераменту стихотворений.

Если в стихотворении поэт может ограничиться передачей пафоса стройки, настроения людей или изображением отдельной сцены, то для романиста этого мало. П. Бровка заинтересовался психологическими, социальными, национальными мотивами, определявшими поведение людей. Писатель подошел к изображению событий исторически. И это определило многие достоинства романа.

Стояли на берегу озера Долгого три села: белорусское Долгое, литовское Лукшты и латышское Эглайне. Жили в них земледельцы, каждый по-своему. И труд и праздники — все порознь. Только озеро Долгое кормило все три села, да солнце над головой было одно.

Никогда прежде долговцы, лукштанцы и эглайнцы не сходились на праздник вместе. «Чтобы я да гулял с этой жмудью?» — кричали раньше на литовцев долговцы. «Нечего ходить к этим бульбятникам долговцам!» — драли носы эглайнцы. «Путра — и больше ничего!» — говорили про латышей лукштанцы.

Восьмидесятилетний латыш Ян Лайзан вспоминал, как однажды перед пасхой пришлось белорусам, литовцам и латышам собраться в костеле: «...Так веришь, передрались. Каждый хотел впереди быть. Старика Иванюту чуть не насмерть забили лукштанский Пашкевичус с приятелями...»

Начало действий, развертывающихся в романе, датировано летом 1952 года. Еще не полностью залечены раны минувшей войны в Белоруссии, Литве и Латвии.

Трудно пришлось Алесю, главному герою романа. Он только что окончил Минский политехнический институт и назначен начальником строительства электростанции в родном селе. Этот скромный, застенчивый юноша не сразу завоевывает симпатии читателя; поначалу он выглядит нерешительным. Скупыми средствами писатель постепенно раскрывает внутреннюю чистоту, собранность, целомудрие чувства, сдержанную силу этого сельского паренька, взвалившего на некрепкие плечи трудную ношу.

Петрусь Бровка увлечен жизнью, которую он описывает, точнее сказать, не описывает (это — холодное, равнодушное занятие), а воспевает. Позиция писателя-коммуниста отчетлива и ясна. Как живой, встает со страниц романа председатель латвийского колхоза, открытый, прямой, искренний Каспар Круминь, «мужчина грузный, но и ростом в добрую сажень». «Колхозники шутили, что когда Каспар еще только собирается выйти из Долгого, голова его уже видна в Эглайне». Вы видите и председателя литовского колхоза Юозаса Мешкялиса, умного, расчетливого человека.

Романист не закрывает глаза на те «рытвины и ухабы», которые встречаются на путях советской жизни; он понимает, что люди, подобные незадачливому Антону Самусевичу — бывшему председателю белорусского колхоза,— могут загубить любое доброе дело. Рядом с широким потоком народного энтузиазма писатель видит, как кое-где еще «вяло журчит и виляет по каменистому руслу споров немощный ручеек официально поддержанной инициативы».

Саркастически Бровка рисует различных врагов советского строя: отпетого бандита Казюка Клышевского, пытавшегося силой помешать строительству, Каэтана Гумовского, втайне вздыхавшего по прежним порядкам, «свиного тата» Езупа Юрканса, подхалима и перерожденца.

Станция построена. Но построено и нечто большее: люди трех сел, когда-то враждовавшие меж собой, познали ценность свободного труда на общее благо. В этом труде нашли свое счастье и нежная Анежка, полюбившая Алеся Иванюту, и веселая, добрая тетка Восилене, пришедшая хозяйкой в дом Каспара Круминя, и Зосите с Йонасом.

Когда роман пишет поэт, он остается поэтом. Может быть, потому в повествовании Бровки столько лиризма, подлинно поэтичных страниц. Суровая школа поэзии, где каждое лишнее или не очень удачное слово портит песню, сказалась и в языке романа, лаконичного, сдержанного, точного.

В. ВОРОНОВ

Петрусь Бровка. Когда сливаются реки. Роман. Авторизованный перевод с белорусского Николая Грибачева. Москва. Изд-во «Советский писатель». 1958. 362 стр. Гослитиздат. «Роман-газета». 1958. № 7. 136 стр.

РЕАЛИЗМ ВЬЕТНАМСКОЙ ЖИВОПИСИ

17 июня 1954 года французская авиабомба оборвала жизнь самого популярного художника современного Вьетнама — То Нгок Вана. Это случилось за несколько дней до окончания войны в Индо-Китае, столь позорно завершившейся для французских колонизаторов.

То Нгок Ван погиб за мольбертом, на передовой линии фронта, в тот момент, когда заканчивал свою знаменитую серию батальных и жанровых картин и рисунков с северо-запада страны.

Творческий путь этого незаурядного художника во многом характерен для его собратьев по кисти. Узнав его, можно понять путь развития современного изобразительного искусства «Страны Юга».

В 1930 году двадцатичетырехлетний То Нгок Ван блестяще окончил французскую Школу изящных искусств в Ханое. Но в условиях колониального режима он долго не мог найти работы. Пробиваясь случайными заработками, То Нгок Ван почти забрасывает кисть, покидает родину, живет некоторое время в Камбодже. В середине 30-х годов он возвращается во Вьетнам, вновь пробует писать, мучительно ищет новые темы, тяготясь бытовавшей в то время игрой в цвета и абстрактной манерой изображения действительности. Портрет «Горожанки», выразительный, яркий, сразу же принес ему громкую славу. Снисходительные метры Школы изящных искусств приглашают одаренного художника на педагогическую работу. Приняв приглашение, художник, однако, не стремится угождать вкусам буржуа, он настойчиво отстаивает реалистическую манеру письма, отвергая и изживая формалистические увлечения.

Свою задачу художника и педагога То Нгок Ван видел прежде всего в обращении к национальному искусству, в утверждении простоты формы, содержательности произведений. Оригинальны и обаятельны работы То Нгок Вана, такие, как «У лилии», «Лодки на реке Хыонг», зарисовки из крестьянской жизни. Легко владея техникой живописи и акварели, То Нгок Ван очень много сделал для пропаганды древних и полузабытых видов искусства — цветного лака и живописи на шелке. Когда после августовской революции 1945 года народное правительство назначило его директором Школы изящных искусств, То Нгок Ван в первую очередь поставил задачу отхода от формалистического искусства Запада и предложил сочетание реализма и народности. И, верный этому принципу, он создал картины из жизни бойцов Народной армии, партизан, показал на своих полотнах деревню во время аграрной реформы.

Талантливый живописец, То Нгок Ван рисовал боевые плакаты, выступал как остроумный карикатурист. Художественная молодежь нового Вьетнама любит творчество То Нгок Вана и тщательно изучает его.

Наиболее крупный вьетнамский художник наших дней, чье творчество во многом находится под влиянием То Нгок Вана — Чан Ван Кан. Он также окончил Школу изящных искусств, его работы были представлены на Парижской международной выставке 1937 года.

Известно, что вьетнамская музыка, поэзия — это искусство минорных тонов. Нечто подобное можно проследить и в изобразительном искусстве. Здесь та же теплая, мягкая грусть, то же удивительное изящество и чувство меры. Чан Ван Кан называет некоторые ранние свои работы «пессимистическими», хотя этот «пессимизм» дорог ему как художнику, ибо в нем раскрывается большое душевное богатство человека, любовь к родине, мечта о светлом завтра.

Изумительны пейзажные произведения Чан Ван Кана, которых больше всего в его мастерской. В годы войны Чан Ван Кан выступает и как бытописец, мастер социально звучащих тем. Его картины «Эвакуация», «Крестьяне судят помещика», «В борьбе с голодом» и многие другие композиции пользуются заслуженной известностью.

Современные вьетнамские художники успешно работают в реалистическом направлении. В своем творчестве они сохраняют национальный колорит, используя родные традиции, близкие широким народным массам, понятные им и служащие молодой республике строящегося социализма.

Вячеслав КАРПОВ

Веселые истории

Вряд ли найдется человек, который не слышал имени Ходжи Насреддина. Но мало кто знает, что Насреддин существовал на самом деле, был довольно известным педагогом и умер в 1284 году в возрасте 76 лет. Он, судя по отзывам современников, выделялся из числа прочих образованных людей своеобразным юмором, большой культурой, некоторыми невинными чудачествами. Насреддин оставил глубокий след в умах своего поколения и с течением веков стал тем легендарным Насреддином, которому приписывают ныне тысячи анекдотов.

В Детгизе вышла книга о Ходже — «Веселый мудрец» Бориса Привалова. Чем же она отличается от десятков произведений, посвященных Ходже? Прежде всего тем, что автор поставил себе оригинальную задачу: создать фольклорную повесть.

Если авторы многочисленных романов и повестей о Насреддине увлекались прежде всего экзотикой или возможностью эффектно обыграть классический образ чудака и острослова, то Б. Привалов в своей книге решает ряд научных проблем «насреддиновской» фольклористики. Важнейшая из них: объяснение двойственности образа, существования двух прямо противоположных героев, которые оба носят имя Насреддина. В русском фольклоре, например, Илья Муромец — патриот, защитник родной земли, а Соловей Разбойник — злодей и обманщик. Могут ли у Ильи Муромца быть общие черты с Соловьем Разбойником? Разумеется, нет. А вот на Востоке существуют как бы два Насреддина: один — мудрый, находчивый, остроумный, а другой — трус, глупец, незадачливый пошляк. Почему же в одном сказочном герое оказались столь разные и противоречивые черты?

Борис Привалов, который много занимается историей юмора, сделал первую в художественной литературе попытку ответить на этот вопрос.

Автор «Веселого мудреца» убедительно показывает, как враги Насреддина создавали и культивировали анекдоты, порочащие народного любимца Ходжу, как старались всеми правдами и неправдами подорвать его популярность.

Повесть выдержана в своеобразном жанре восточного сказа. Максимальное приближение к фольклорному материалу, тщательный отбор его — все это обусловило удачу автора: книга читается живо, весело. К сожалению, порою встречаются стилистические погрешности: иной раз кто-нибудь из героев вдруг вставит в разговор словечко XX века, а то и сам автор в своей речи допустит слишком уж вычурное сравнение, чересчур искусственное словосочетание.

Л. АЛЬКАЕВА,
кандидат филологических наук.

Бор. Привалов. Веселый мудрец. Детгиз. Москва. 1958. 167 стр.

Трудное счастье

Предрассветный осенний туман. В далекие теплые края тянутся вереницы перелетных птиц. Косые паруса рыбацких лодок машут им; кажется, что они и сами дадут прощальный круг над морем и умчатся вслед за птицами.

Но нет, они не бросят
Каспий,
Пусть скоро стужа
и метель:
У нас не принято
за счастьем
Летать за тридевять
земель.

Эти прочувствованные строки из стихотворения Б. Шаховского «Перелетные птицы» можно поставить эпиграфом ко всей книге «Каспийские зори».

Влюбленный в каспийский край, в его мужественных людей, поэт рассказывает о светлом и трудном счастье. Б. Шаховский обладает счастливой способностью одушевлять окружающие предметы и явления, делать их близкими, ощутимыми для читателя. У него «свежевыкрашенный бакен рубашку сушит у костра», «огонь жует негромко хворост тонкий и сухой», «ветлы примеряют у воды цветной халат каспийского заката».

Но к веселым огонькам костров рыбацкого стана поэт шел через костры солдатских привалов, через суровый быт переднего края. Он вместе с товарищами из институтских аудиторий «шагнул в пожары Сталинграда». Поэтому многие строки из цикла «В те дни» так взволнованно и правдиво говорят о том, каким нелегким и непреклонным был путь солдат, ровесников поэта, к победе и к сегодняшним мирным дням.

Прочитав эту книгу, нельзя не полюбить своеобразную, романтическую жизнь астраханских рыбаков, суровую, но богатую природу Волги и Каспия, нельзя не полюбить мужественные образы наших солдат-победителей.

Николай СТАРШИНОВ

Б. Шаховский. Каспийские зори. Изд-во «Советский писатель». 1957. 80 стр.

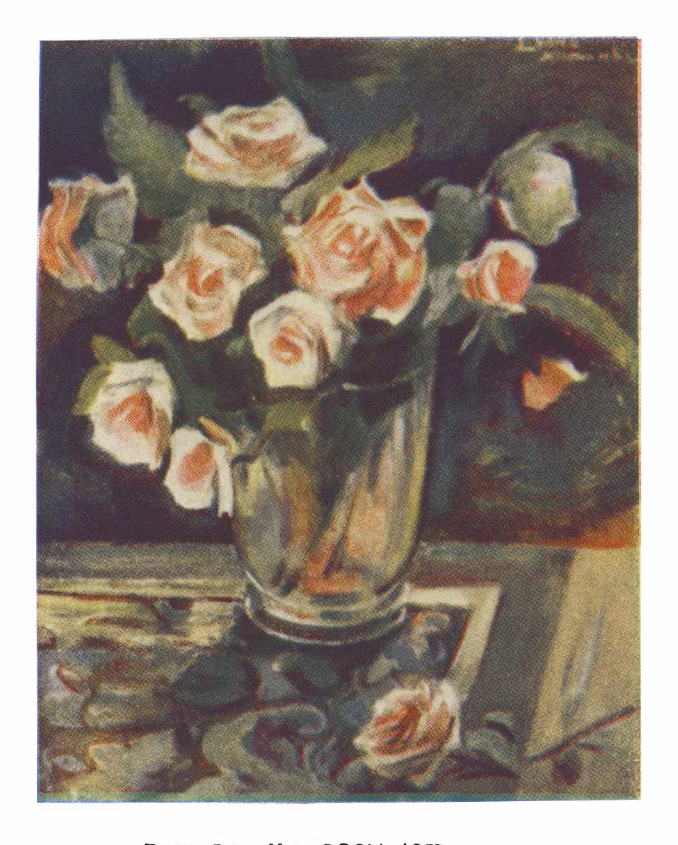
Чан Дон Лыонг. СЧАСТЬЕ. (Живопись на шелке.) 1956.

ХУДОЖНИКИ ВЬЕТНАМА

Хоан Тай. ЛОДКИ У ПРИСТАНИ ХОН ГАЙ. 1956.

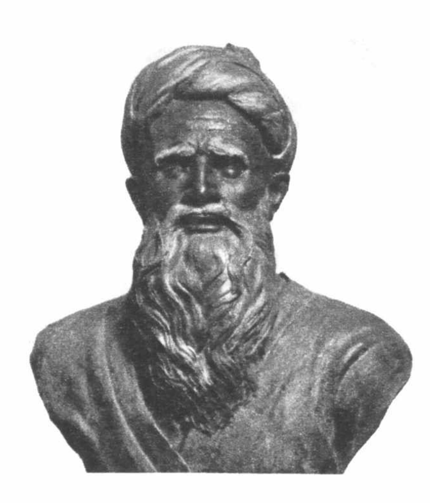
То Нгок Ван. ЛОДКИ НА РЕКЕ ХЫОНГ. 1935.

Лыон Суан Ньи. РОЗЫ. 1953.

Чан Ван Кан. МАЛЕНЬКАЯ ТЮЙ. 1943.

РУДАКИ

До нас дошло немногим более тысячи строк из миллиона с лишним, написанных Рудаки, но то, что у нас есть, — это не бесформенные обломки из фундамента большого здания, а драгоценные камни, горящие волшебными цветами.

Тысяча сто лет назад, когда в Восточной Европе складывалось Киевское княжество, далеко на восток от него существовало обширное государство Саманидов со столицей в Бухаре. Арабский язык, который после арабского завоевания VII века стал официальным языком всех завоеванных областей, в державе Саманидов постепенно заменялся языком дари — родоначальником современных таджикского и персидского языков. На новой основе стали возрождаться древние культурные традиции, создавалась новая литература. Впоследствии ее прославили такие выдающиеся поэты, как Фирдоуси, Хайям, Саади, Хафиз. Но в IX веке она делала только первые шаги. Первым выдающимся таджикско-персидским поэтом был Абульхасан Рудаки.

Проживший долгую жизнь (он умер глубоким старцем в 941 году), Рудаки изведал богатство и бедность, милость и гонения владык, дружбу, любовь и ненависть. По немногим дошедшим до нас отрывкам его произведений мы судим о том, какой богатой, многогранной жизнью жил поэт. Предание утверждает, что он был слеп (по одной версии, он родился слепым, по другой — был ослеплен эмиром). Но его произведения проникнуты глубоким жизнелюбием.

Созерцание природы, ее весеннего обновления вызывает у Рудаки блестящие поэтические образы. Вот весенняя гроза:

Построил войско небосвод,
где вождь — весенний ветерок,
Где тучи — всадникам равны,
и мнится: началась война.

Вот молний греческий огонь,
вот воин-барабанщик — гром,
Скажи, какая рать была,
как это полчище, сильна?

...Порою солнце из-за туч
покажет нам свое лицо,
Иль то над крепостной стеной
нам голова бойца видна?

Почти каждое описание природы вызывает в душе поэта воспоминание о любви:

Цветок смеется мне вдали —
иль то зовет меня Лейли?
Рыдая, облако пройдет —
Меджнун, быть может,
слезы льет?

И пахнет розами ручей,
как будто милая моя
Омыла розы щек своих
в голубизне прозрачных вод.

Философские раздумья, описания глубоких и мимолетных ощущений не заслоняли от Рудаки окружавшей его действительности. По преданию, он был связан с еретическим карматским движением, проповедовавшим имущественное равенство. Но не только в своей общественной деятельности, но и в своих стихах он был борцом за справедливость, за лучшее устройство современного общества. Он бичевал пороки знати:

Каждый день ты ловишь ухом
сладких песен звоны,
Но услышать ты не хочешь
угнетенных стоны.

Глубокой любовью к родине проникнуто стихотворение Рудаки «Плещет, блещет Мулиён»:

Плещет, блещет Мулиён,
меня зовет,
Та, в которую влюблен,
меня зовет.

Под ногами, словно шелк,
пески Аму,
Трудный брод, зеленый склон
меня зовет.

Там, где пена по колена
скакунам,
Там Джейхуна слышен стон:
меня зовет.

В город счастья, в Бухару,
спеши, эмир,
Шлет она тебе поклон,
меня зовет.

Ты — луна, а Бухара —
небесный свод,
Что, луною озарен,
меня зовет.

Ты — платан, а Бухара —
цветущий сад,
Листьев шум, пернатых звон
меня зовет...

Творчество Рудаки, известное современникам и ближайшим потомкам, конечно, в гораздо более широком объеме, чем нам, оказало большое влияние на все развитие таджикско-персидской литературы. Очень жаль, что до нас дошла столь незначительная часть его наследия. Вероятно, и в дальнейшем ученые будут находить новые отрывки или даже целые произведения Рудаки. Но то, что мы знаем о Рудаки, дошедшие до нас его произведения, говорит о силе гениального поэта. Советские читатели и культурные люди всех стран мира, отмечая 1100-летие со дня рождения Абульхасана Рудаки, глубоко чтят память великого художника слова.

А. СТАРОСТИН

Трудная неделя

Сало **ФЛОР**

Кубок шахматной команды чемпиона мира переходящий. Он побывал в разных столицах земного шара. Два раза кубок доставался команде Венгрии, один раз — Польши, четыре раза подряд путешествовал за океан, в Соединенные Штаты Америки.

Во время войны кубок находился в Германии, где он однажды был в бомбоубежище и даже чуть-чуть помят. После войны драгоценный трофей однажды завоевали югославы.

Начиная с 1952 года на шахматной олимпиаде начала участвовать команда Советского Союза, которая одержала победу в трех последних олимпиадах подряд.

Так же, как и большинство наших гроссмейстеров, кубок впервые путешествовал с нами на самолете «ТУ-104» из Москвы в направлении Мюнхена.

В Мюнхен наша команда приехала раньше других. По слухам, в городе находился только лидер американской команды С. Решевский. Его еще никто не видел. Он не живет в гостинице, а ищет частную квартиру, где ему легче разрешить проблему питания с определенным... «религиозным меню».

Участников олимпиады принял обер-бургомистр города. По старой традиции гостям предложили белую колбасу и, естественно, знаменитое мюнхенское пиво. Мюнхен в этом году отмечает 800-летие своего существования. Известно, что про юбиляра говорят только приятные слова, но нельзя не отметить, что именно в эти дни двадцать лет назад в этом городе было подписано Мюнхенское соглашение. Поэтому многим пиво показалось с привкусом.

На центральной улице Мюнхена можно увидеть афишу с текстом: «Наконец он здесь!». О ком идет речь? Это реклама знаменитой картины Чарли Чаплина «Диктатор». Она идет впервые в Мюнхене, и уже пятую неделю жители Мюнхена смеются от всей души над бывшим своим фюрером.

XIII олимпиада рекордная по количеству участников. На шахматном фестивале в Мюнхене 25 гроссмейстеров. У многих вызывает удивление, что в команде США нет юного чемпиона страны Б. Фишера. Американцы объясняют это тем, что юноша должен учиться. Однако в кулуарах ходят и другие слухи: Фишер — весьма способный ученик Решевского, который, как известно, без определенного экстра-гонорара не двинет ни одну пешку за шахматной доской; и вот Фишеру как будто предложили меньше, чем Решевскому, и поэтому он решил... учиться.

Все местные газеты уверенно заявляют о победе шахматистов СССР. Но у американцев другая точка зрения. На вопрос корреспондента, устраивает ли их второе место, американцы отвечают: «Нет, на этот раз мы всем покажем».

Некоторые считали, что полуфинал будет легкой прогулкой, и, конечно же, глубоко ошиблись. Даже чемпион мира М. Ботвинник впервые на олимпиаде потерпел поражение именно в полуфинале.

Неприятные минуты пережили венгры. Гроссмейстер Барца, вероятно, впервые в своей жизни увидел, что в Ливане есть шахматисты, которым можно проиграть. Его поражение было одной из причин, по которой Венгрия — сильнейшая шахматная страна — на этот раз не попала в группу победителей.

Шведские шахматисты тоже удивились, когда сделали ничью с командой Туниса.

Эти факты говорят о том, что шахматное искусство проникает дальше и дальше, во все уголки земного шара. Приятный итог. Жаль, что в финал не попала такая сильная шахматная страна, как Голландия. Экс-чемпион мира М. Эйве немного опоздал на турнир. Он прилетел в Мюнхен только к четвертому туру, набрал 5,5 очка из 6 возможных. Но Голландии не хватило именно этой половины очка для того, чтобы попасть в финал.

Трудно приходится чемпиону мира Михаилу Ботвиннику. Дело не только в турнире. Ему надо «отбиваться» от многочисленных журналистов и фоторепортеров. Вопросы задаются самые разнообразные. Один корреспондент спросил у Ботвинника: «Что сильнее: звание чемпиона мира или доктора технических наук?». Ботвинник ответил: «Звание доктора наук, во всяком случае, приятнее, потому что это звание остается пожизненно, в то время как звание чемпиона мира постоянно хотят у меня отнять».

В газетах много пишут о чемпионе СССР Михаиле Тале. Высказывают мнение, что два наших Михаила встретятся в матче на первенство мира.

Путь из гостиницы «Метрополь», в которой живут многие команды, в немецкий Музей, где играется олимпиада, идет по улице Таля. Кое-кто шутит, что эта улица названа в честь чемпиона СССР.

В прекрасном зале Музея зрители собираются, конечно, прежде всего у досок, за которыми играют команды СССР и ФРГ. Зал вмещает около двух тысяч. Правда, следить за ходом борьбы лучше в фойе, где расставлены демонстрационные доски, но понятно, что зрители хотят видеть, как выглядят Ботвинник, Смыслов, Решевский, Таль, Керес, Эйве и другие.

Любопытно, что югославский гроссмейстер В. Пирц является тренером команды Австрии. Во втором туре Австрия встретилась с Югославией.

— За кого будете «болеть»? — спросили Пирца.

— Я совсем не приду на тур,— ответил Пирц.

Казусный случай произошел в партии Бисгайер (США) — Торан (Испания). Когда американский гроссмейстер сдался, Торан ему сказал:

— Вы не расстраивайтесь, вы мне сделали хороший подарок: у меня сегодня день рождения.

— Что? — с удивлением ответил Бисгайер.— Как же мне не расстраиваться, когда у меня сегодня тоже день рождения!

— В таком случае извините, нам лучше было бы сыграть вничью,— ответил Торан.

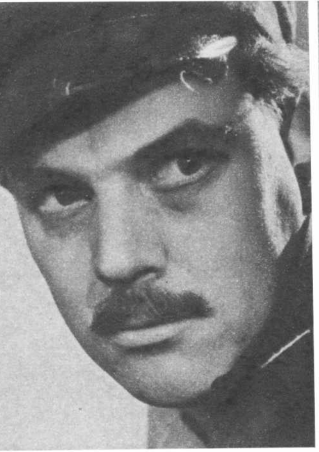
Началась настоящая борьба в финале, в котором каждая половина очка имеет большое значение. В первом туре состоялся матч СССР — США. Интерес к нему был огромный.

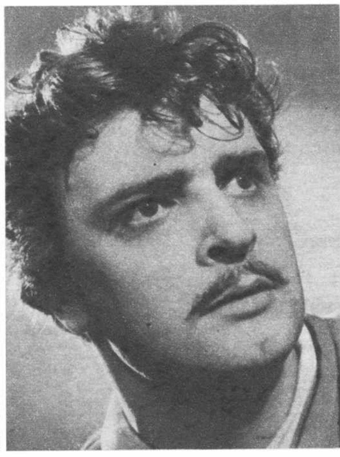
Игра в Мюнхене обычно начинается в 4 часа дня. Матч проходил в субботу, а в этот день Решевский по «законам религии» не может играть до появления на небосклоне первой звезды. Звезда же появляется около 7 часов вечера. На первой доске у американцев играл чемпион мира среди юношей В. Ломбарди. Он оказался очень «крепким орешком», с которым даже чемпион мира М. Ботвинник не сумел справиться и закончил партию вничью. И на других досках американцам удалось устоять. В итоге счет 2 : 2. Это нужно считать их успехом.

Хорошо стартовали команды Югославии, Чехословакии, Аргентины. Советские шахматисты во втором туре победили шахматистов Федеративной Республики Германии. Наши гроссмейстеры, конечно, не в восторге от результата матча с американцами, так же, как, по-видимому, и болельщики. Но все же они в хорошем настроении и уверены, что дела пойдут лучше и все будет в порядке. С таким основным составом, да еще с такими запасными, как М. Таль и Т. Петросян, не пропадешь.

Предстоит трудная неделя, в которой наша команда встретится с шахматистами Чехословакии и Югославии. Но об этом я расскажу в следующей корреспонденции.

г. Мюнхен.

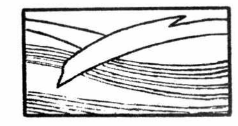

Молодые актеры в ролях (слева направо): Л. Золотухин — Васька Пепел («На дне), Л. Сухолинская — Мария Стюарт, Л. Губанов — Мортимер («Мария Стюарт»), Л. Качанова — Аня («Вишневый сад»), А. Вербицкий—Вронский («Анна Каренина»).

МХАТу 60 лет

КУРС НА МОЛОДЕЖЬ

И. ВЕРШИНИНА

Фото **Е. УМНОВА.**

У Книппер-Чеховой

Прочитав на очередной корзине цветов адрес «Улица Немировича-Данченко», посыльные цветочных магазинов без промедления несли ее прямо на квартиру Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. Народной артистке исполнилось 90 лет, и зрители слали выражения своей признательности одной из основоположниц и замечательных актрис Московского Художественного театра.

Это было в дни, когда МХАТ приближался к своему 60-летию.

С чем пришел театр к этому знаменательному событию, что определяет нынешний этап его творческого пути? С этими вопросами мы обратились к Книппер-Чеховой. Немного помолчав, она сказала:

— Думы о тех, кто придет на смену, неизменно волновали наших учителей. Уже в первом большом советском спектакле — в «Бронепоезде»,— воплощая на сцене образы людей революции, утвердило себя второе поколение мхатовцев и слилось в единый ансамбль со «стариками». Сейчас эстафету принимает третье поколение.

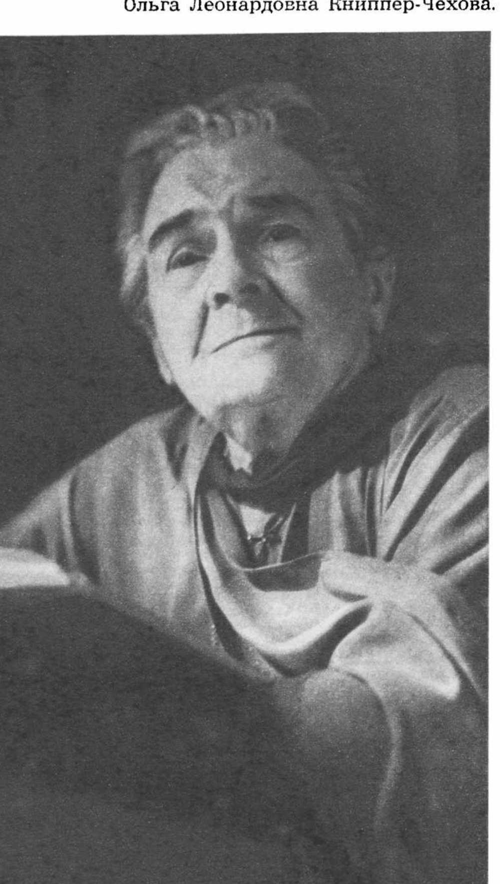
60-й сезон отмечен был триумфальной поездкой МХАТа по зарубежным странам. Молодежь по праву поделила лавры, которыми венчали всюду наш театр. Мне особенно приятно, что там были показаны три чеховских спектакля.

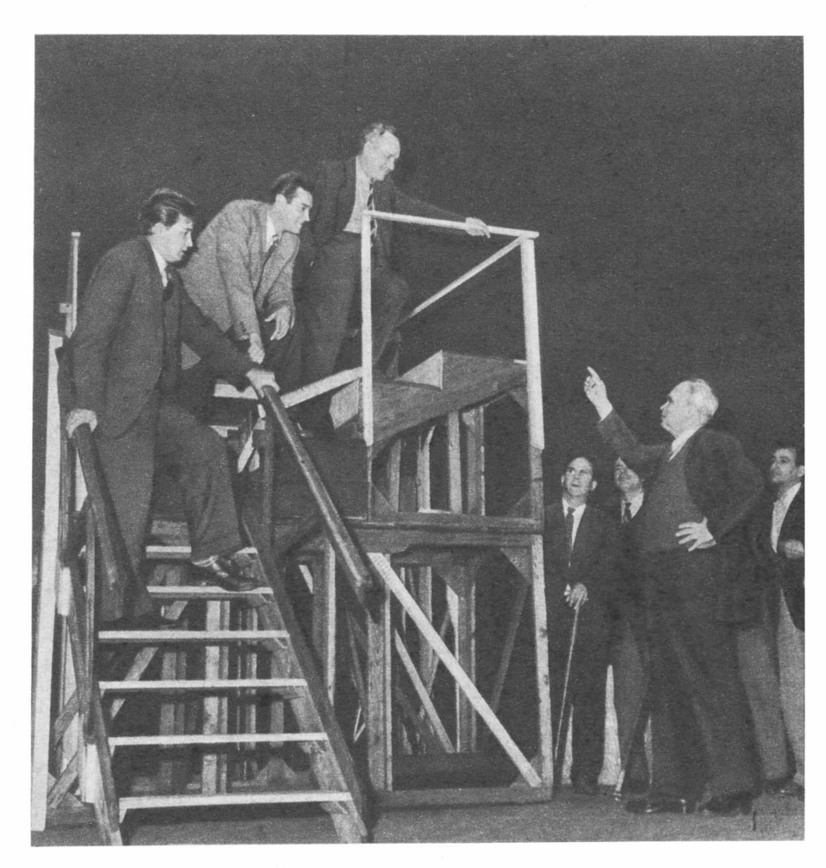
Взгляните на афишу этого сезона, вот они вновь в репертуаре: «Три сестры», «Дядя Ваня», «Вишневый сад». Во всех главные роли играет молодежь. С Чеховым связана юность МХАТа, и как отрадно, что юность, пришедшая в МХАТ, вновь обратилась к Чехову.

Мне нравится, как играют наши молодые актеры свои роли, они понравились и за рубежом. Но мне думается, что огромный успех там — это не только заслуга отдельных артистов. Это победа того искусства высокого гуманизма, которое всегда отличало Художественный театр, победа глубокой сценической жизненной правды, победа социалистического реализма. Самое главное сейчас для нашей молодежи, которая все больше и больше входит в репертуар, а порой и определяет его,— быть верной заветам наших учителей: любить искусство в себе, а не себя в искусстве, не стремиться к личному успеху, заботиться о славе театра и работать неустанно.

Надо очень много впитывать в жизни, не скользить по всему глазом стороннего наблюдателя, присматриваться, чаще задумываться над виденным, уметь его опоэтизировать, когда оно того заслуживает... Если наша молодежь будет обо всем этом помнить, я спокойна за будущее нашего театра!..

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова.

На репетиции пьесы Н. Погодина «Третья патетическая». Слева направо: артисты Л. Губанов, В. Давыдов, Б. Смирнов. Дает указания народный артист СССР М. Н. Кедров.

По конкурсу

Кто же эти актеры, о судьбе которых с такой любовью и заботой говорит знаменитая актриса?

Их имена зритель видит в театральных программах спектаклей. Их имена мы прочли в расписании репетиций, которое ежедневно вывешивается за кулисами театра. Расписание длинное, и всюду — будь то список героев пьесы «Третья патетическая» Н. Погодина, которую коллектив готовит к 41-й годовщине Октября, или инсценировка романа Г. Николаевой «Битва в пути», или пьеса английского писателя А. Кронина «Юпитер смеется», или знакомые с детства герои русской классики,— всюду в списках исполнителей множество имен молодых актеров.

...На сцене шла репетиция «Третьей патетической» — пьесы о Ленине. В полумраке на одной из дверей в партер висел предостерегающий плакат: «Тише! Идет репетиция!» Но в зрительном зале никого не было. Плотно закрыт был занавес театра. Чайка, раскинув крылья, словно оберегала то, что происходило на сцене.

За закрытым занавесом поста-

новщик спектакля народный артист СССР М. Н. Кедров разговаривал с участниками массовых сцен, исполнителями ролей рабочих завода, куда по пьесе приезжает Ленин. Режиссер В. Богомолов и художник спектакля Л. Батурин — оба молодые, воспитанники студии Художественного театра — что-то делали у станка, изображающего... мартеновскую печь.

— Главное в этом спектакле,— говорит М. Н. Кедров,— взаимоотношения Ленина и рабочих в той человеческой связи, которая существовала в жизни. Мария Ильинична Ульянова писала про живые встречи Ленина с рабочими; вот эти живые встречи мы и должны воссоздать на сцене...

К Кедрову подходит молодой актер Леонид Губанов:

— Что-то не могу зацепить существо роли!

Кедров:

— Вы не темперамент, а логику действия пока ухватите. Ваш Дятлов возмущен, что кто-то додумался до такой глупой мысли — постлать огромный ковер, чтобы Ленин шел по нему. Здесь главное у вас желание — поскорее убрать ковер до прихода Владимира Ильича, а не вести дознание, словно вам необходимо обязательно покарать виновного. Когда это поймете, все получится хорошо.

Да, в этом можно не сомневаться, стоит только вспомнить, как превосходно, с каким большим и искренним темпераментом играет Леонид Губанов роль Мортимера в «Марии Стюарт». А ведь эта трудная роль была, по существу, первой его работой. И создавать ее приходилось в нелегких условиях.

Все роли в пьесе были распределены, их играют такие артисты, как А. К. Тарасова, А. И. Степанова, П. В. Массальский, и только на роль Мортимера постановщик спектакля В. Я. Станицын никак не мог подобрать исполнителя.

Был объявлен конкурс: любой актер труппы мог заявить о своем желании «пробоваться» в этой роли. Семь человек подали заявление, в том числе и Губанов. К этому времени он уже два года по окончании студии работал в театре. Исправно шумел и свистел за сценой, участвовал в спектаклях в числе гостей, колхозников, горожан. А ролей интересных не было. Правда, состоялось несколько «вводов» в спектакли, но делалось это всегда второпях. Все чаще задумывался Леонид Губанов о том, правильно ли он поступил, оставив работу на транспорте. И вдруг конкурс! Роль Мортимера трудна и для опытного актера. Много работал молодой актер и сам и с режиссером и вышел победителем.

Теперь ему предстояло репетировать с корифеями МХАТа. Он робел, «зажимался», неуверенность сковывала. Выручило мастерство партнеров: их взгляды, интонация, движения, точное их действие на сцене порождали и у него верный ответ. Премьера «Марии Стюарт» была успехом молодого актера. А за этой ролью последовали новые: мужественный, сдержанный слепой Тимоша в «Золотой карете» Л. Леонова и другие образы, все разные, непохожие.

Последние работы Губанова — Петр Трофимов («Вишневый сад») и доктор Астров («Дядя Ваня»).

Обещание выполнено

Недавно, готовясь к роли Ричарда в спектакле «Ученик дьявола», Владлен Давыдов в Музее Художественного театра просматривал материалы. Ему показали небольшое письмецо. Детским почерком передавал его автор свои впечатления о спектакле «Платон Кречет». Заканчивалось письмо словами: «Когда я вырасту, обязательно буду артистом МХАТа». И подпись: «Владлен Давыдов».

Свое намерение мальчик выполнил, да и не могло быть иначе: ведь с этим театром были связаны все его мечты. Сколько рассветов встречал он в очереди за билетом на спектакль! Когда Иван Михайлович Москвин увидел Давыдова на занятиях в студии Художественного театра, он сказал:

— Этот человек столько простоял под дождем и снегом у дверей МХАТа, что я искренне рад, что он наконец вошел в них.

Он вошел в них, когда еще были живы мхатовские «старики». Помня слова Станиславского о том, что традиция сценического искусства «это — факел, который может быть передан из рук в руки», Давыдов присматривался к знаменитым артистам, пользовался всякой возможностью для того, чтобы побеседовать с ними, услышать совет.

...В кино начинали ставить фильм «Без вины виноватые», и после длительных проб и отборов Давыдов был утвержден на роль Незнамова. Но дисциплина студии была строга: студентам не разрешали сниматься в кино. Ослушавшийся отчислялся из студии. Долго длился разговор Василия Ивановича Качалова с Владленом. И как ни заманчива была перспектива киносъемки, Давыдов отказался от нее. А вскоре он сыграл в театре первую роль — бессловесного жандарма, который стоит у дверей суда в «Воскресении». Роль была не из завидных, но Давыдов любил ее: она ведь давала ему возможность слушать, как Качалов читает «от автора».

Прошло много лет, и вот теперь Давыдов уже сам читает «от автора» в «Воскресении». Видно, не зря простоял он на сцене у дверей суда, как не напрасно простаивал еще школьником у дверей Художественного театра.

В них поверили

Где бы ни шел спектакль «Три сестры» — а только за лето показывали его и в Англии, и во Франции, и в Польше — «сестры» оставались верны сложившейся как-то сразу привычке: придя в театр задолго до спектакля, они обязательно встречались и потом, загримировавшись, когда Раиса Максимова, Маргарита Юрьева и Кира Иванова становились «сестрами Прозоровыми», сидели вместе в гримерной. Они молчали, каждая думала о своем. Они очень разные в жизни, эти актрисы, и по темпераменту, и по характеру дарования, да и по возрасту и мастерству. Но на сцене, да и здесь, за кулисами, они воспринимаются как сестры. На сцене их роднят неудержимое стремление вырваться из засасывающей обывательщины городка, тихая, глубокая грусть о напрасно идущей жизни и вера, большая, страстная, непоколебимая вера в то, что придут другие люди, волевые, энергичные, смелые, которые сделают жизнь для всех иной. Ну, а за кулисами их роднит счастье, которое они испытали, получив эти роли.

Народный артист СССР В. Я. Станицын и актриса Т. Ленникова.

Книппер-Чехова сказала нам: «Когда я увидела, какая счастливая ходит Юрьева с тех пор, как ей дали играть Машу, я в нее поверила». Поверили в молодых актеров МХАТа и зрители. И не только в тех нескольких, которых мы назвали в нашем репортаже,— поверили во всю большую новую творческую смену — третье поколение мхатовцев,— которая принимает у своих старших товарищей эстафету мастерства.

Когда-то В. И. Немирович-Данченко говорил: «Держу курс на молодежь». МХАТ и сегодня держит этот курс.

«Три сестры».
Маша — М. Юрьева, Ирина — Р. Максимова, Ольга — народная артистка РСФСР К. Иванова.

Гастроли Большого театра в Закавказье

БЛИЖЕ К ЖИЗНИ

Быть ближе к народу, ближе к жизни — вот думы, которыми полны сейчас все работники искусств. Коллектив Большого театра в этом году предпринял несколько больших поездок по стране, когда актеры не просто участвовали в спектаклях, но и знакомились с местной художественной самодеятельностью, встречались с трудящимися, выезжали на заводы, фабрики, в колхозы. Много интересного принесла нам поездка в Сталинград. Там на наших концертах побывало свыше 30 тысяч зрителей.

Сейчас заканчиваются гастроли театра по Закавказью. Около 500 работников театра — солистов оперы, артистов балета, хора, оркестра, миманса, работников постановочной части — выезжало в Армению, Грузию и Азербайджан. Мы показывали там оперы «Иван Сусанин», «Князь Игорь», «Свадьба Фигаро», «Вертер», балеты «Лебединое озеро» и «Жизель». В программу наших концертов включены были и картины из опер «Декабристы», «Никита Вершинин».

Гастроли проходили с большим успехом. Где бы мы ни появлялись, нас везде окружал радушный прием, любовное, приветливое отношение. Едва поезд с артистами из Москвы двинулся по армянской земле, как уже на станции Алаверди нас окружила тысячная толпа жителей, напутствуя добрыми пожеланиями успеха. Несмотря на ночное время, на перроне состоялся «летучий» митинг: улыбки, добрые слова, цветы...

И вот предместье Еревана — станция Октемберян. Уже в семь утра наши вагоны были буквально завалены виноградом, арбузами, яблоками, дынями, цветами: крупнейший сельскохозяйственный район республики приветствовал своих гостей! Впоследствии группа наших артистов дала в Октемберяне для колхозников большой концерт.

В Ереване мы познакомились со знатными людьми страны. Нас принимал президент Армянской Академии наук В. А. Амбарцумян. Он знакомил нас с работой астрофизической обсерватории, имеющей мировое значение. В память о нашем пребывании мне была подарена книга «Нестационарные звезды».

Немало радости нам доставила и поездка в Грузию. Красавец Тбилиси, который отмечает 1 500 лет своего существования, богатейшие колхозы республики, незабываемые встречи на заводах... Металлургический Рустави, колхоз близ Гори, паровозовагоноремонтный завод имени Сталина — всюду горячие встречи, новые знакомства, завязывающаяся дружба...

Все виденное здесь и пережитое останется надолго в нашей памяти...

Алексей **ИВАНОВ**,
народный артист СССР.

Ереван. Встреча на вокзале. Из вагона выходит народный артист СССР С. Я. Лемешев.

Фото Р. Геворкяна.

На митинге-встрече в Баку. На трибуне народный артист СССР Ал. Иванов, директор-распорядитель театра оперы и балета имени Ахундова Ф. Мустафаев, директор Большого театра СССР М. Чулаки, министр культуры Азербайджанской ССР М. Курбанов, главный дирижер театра оперы и балета имени Ахундова Таш-Заде Ниязи, народный артист СССР А. Мелик-Пашаев.

Фото Я. Халилова.

В Тбилиси. Новые подруги: солистка балета Большого театра СССР С. Звягина, заслуженная артистка Грузинской ССР Тамара Церетели, тбилисская студентка Нина Натриашвили, заслуженная артистка РСФСР Н. Капустина.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

...Это была замечательная, незабываемая встреча. Зрительный зал бакинского Дворца культуры машиностроителей, где выступают артисты Большого театра, переполнен. Сюда собрались в свой обеденный перерыв рабочие завода имени лейтенанта Шмидта — одного из крупнейших предприятий Баку. Выступать перед таким зрителем, видеть его улыбающееся, довольное лицо, слышать его аплодисменты — самая большая награда для артиста. Пленительные звуки музыки Чайковского, Мусоргского, Бизе сменяются торжественным «Маршем молодежи» В. Мурадели. Танец следует за пением, выступают артисты оркестра, хора...

Секретарь парткома завода Г. Джалилов от имени коллектива рабочих и служащих благодарит артистов Большого театра, дарит приветственный адрес и макет оборудования, выпускаемого заводом. Он желает нам новых успехов в создании спектаклей о современном человеке, герое сегодняшнего дня.

Словами здравицы в честь нерушимой дружбы народов СССР заканчивается наш концерт на этом заводе. И теперь уже мы, артисты, сами превращаемся в зрителей: мы идем в цехи огромного завода, производящего оборудование для добычи «черного золота». В механическом и сборочном цехах нам показывают готовую продукцию, всюду встречают нас друзья, жмут руки, приглашают приехать еще. И мы, в свою очередь, аплодируем рабочим завода. С огромными охапками цветов, держа бережно в руках адреса многих новых друзей и знакомых, мы покидаем завод. Эта встреча — еще одна веха в биографии коллектива Большого театра.

А в следующие два дня состоялись большие концерты в Сталинском и Шаумяновском районах Баку — самых больших рабочих районах города. Нас встречали нефтяники, судостроители, представители интеллигенции Баку.

Почти ежедневно группы артистов театра выступали во Дворцах культуры, на заводах, перед воинами, колхозниками, школьниками районов республики.

А разве можно забыть встречу молодых артистов Большого театра с молодежью Баку! Сколько хороших слов истинной, братской дружбы было там сказано, насколько обогатила каждого из нас эта встреча! Молодые инженеры, строители, рабочие, студенты рассказывали артистам о своей работе, делились планами, надеждами. Затем состоялся концерт: в первом отделении выступали артисты Большого театра, во втором — молодое поколение бакинцев демонстрировало успехи своей самодеятельности.

Коллектив нашего театра горит желанием чаще, насколько это возможно, проводить такие поездки. Мы хотим, чтобы для коллектива Большого театра выступления перед зрителями всех профессий нашей любимой Родины стали традицией, и притом одной из самых славных.

С. ЗВЯГИНА,
солистка балета Большого театра.

ВСЕСОЮЗНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Группа делегатов. Народные артисты СССР М. Царев, Ю. Завадский, В. Марецкая (РСФСР), народный артист УССР Б. Норд и народная артистка СССР Н. Ужвий (УССР), народный артист СССР Н. Охлопков (РСФСР).

Фото Е. Умнова.

Заботой о том, чтобы советское театральное искусство глубже и полнее, в подлинно художественных образах отображало грандиозные события наших дней, пронизана была работа недавно закончившейся Всесоюзной конференции работников театров, драматургов, театральных критиков.

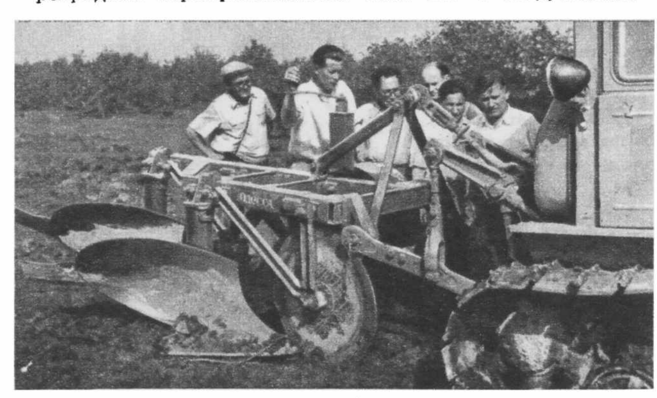
С речью на конференции выступила тепло встреченная присутствовавшими член Президиума и секретарь ЦК КПСС Е. А. Фурцева. Тов. Фурцева огласила приветствие участникам конференции от Центрального Комитета КПСС.

Тысяча участников конференции, представлявших многообразное советское искусство сцены, драматургии и театральной критики, разбившись на секции, обсуждала состояние и основные проблемы современного театра.

Западная МИС

На государственных испытаниях находится навесная четырехрядная картофелесажалка «СНР-4А» с загрузчиком.

В поле — кустарниково-болотный двухкорпусный плуг Одесского завода.

Фото автора.

Автобус мчится по шоссе. Давно позади остался Минский автозавод. Кондуктор объявляет остановку — Западная МИС. Сразу с шоссе попадаешь на красивую улицу с одноэтажными коттеджами, крытыми розовой черепицей. В них живут рабочие и инженеры. За поселком в двухэтажных корпусах разместились лаборатории.

Строительство Западной МИС — машинно-испытательной станции — началось в 1950 году в 20 километрах от Минска, в местечке Горки-Апчак. Под ее территорию и опытные поля было выделено 1 200 гектаров земли. Здесь инженеры, техники и агрономы определяют пригодность и работоспособность новых машин в климатических и почвенных условиях Белоруссии.

Последнее время здесь ведутся работы по испытанию навесного оборудования. Эти удобные в эксплуатации и экономичные машины поступают сюда со всех концов страны. Из Рязани прислали навесную четырехрядную картофелесажалку, из Одессы — навесной кустарниково-болотный двухкорпусный плуг. Успешно проходят государственные испытания нового трактора «Беларусь», с электрозапуском и четырьмя ведущими колесами.

...Ранний час. Оживленно во дворе станции. Подписываются наряды, отдаются последние распоряжения. Трактористы выводят машины из ворот. На ходу к ним подсаживаются хронометражистки. Вслед за ними, нагруженные приборами, выезжают на опытные участки техники-испытатели.

Рабочий день Западной МИС начался.

Ф. КОРОТКЕВИЧ

ИНЖЕНЕРЫ РАБОТАЮТ НА СТАНКАХ

В это утро инженера Иманта Штейна не было на его обычном месте. Он стоял у токарного станка и внимательно слушал мастера Карлиса Комаровскиса. Сегодня Штейн пришел в цех как рабочий. Дело в том, что инженеры и техники деревообделочного цеха решили один — два раза в месяц работать у станка. Сегодня наступила очередь Иманта Штейна.

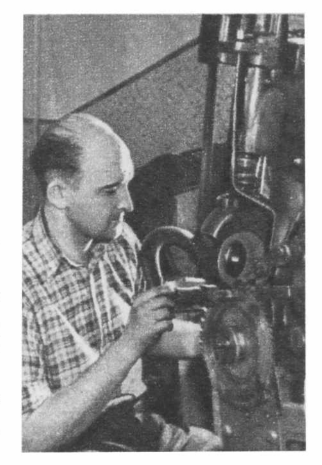
— Пожалуй, много времени уйдет на подготовку,— сказал Штейн мастеру,— но норму я все-таки выполню.— И начал не торопясь готовить какой-то особенный резец. Прошло около часа, прежде чем он начал вытачивать деталь. А через десять секунд подал удивленному мастеру первое готовое изделие.— Вот и разрешился наш спор,— с улыбкой обратился Имант Мартынович к мастеру.— Можно, оказывается, за смену делать намного больше, чем делают наши токари по дереву.

— Правильно, — вмешался в разговор начальник цеха А. Марьясин.— Сегодня же узаконим новый технологический процесс.

Так же удачно работала в тот день Ольга Николаевна Маточка — начальник участка отделки футляров для радиол. Сменную норму Ольга Николаевна выполнила, правда, с грехом пополам. Зато узнала, что тормозит работу цеха: в самый разгар фанеровки вдруг исчез пар. И надо было послушать, как инженер Маточка по телефону отчитывала начальника паросилового цеха!

— Теперь, Ольга Николаевна, вы нашли правильный адрес, а то раньше только мы были виноваты,— одобрительно заметила работавшая по соседству прессовщица.

Инициатива инженеров деревообделочного цеха подхвачена и в других цехах рижского электротехнического завода «ВЭФ». Многие служащие цехов и отделов временно превращаются в токарей, слесарей, фрезеровщиков, монтажников, полировщиков. Это помогает им лучше узнать производство, глубже вникать в технологический процесс, руководить с большим знанием дела.

Инженер И. Штейн отделывает новый резец у пилоточного станка.

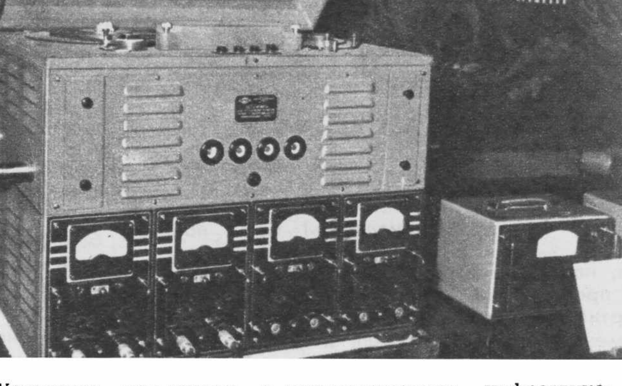
Фото Л. Палтуса.

А. ГОРДИН

Мы видим... ультразвук

Огненные ветви молний пересекают ночное небо. Один за другим, словно стремясь расколоть плотную завесу туч, грохочут громовые раскаты. И трудно поверить, что основная часть звуковой энергии грома не доходит до нас. Да, это именно так. Ведь мир звуков несравненно шире тех границ, которые может воспринять человеческое ухо. Звуки высокие, так называемые ультразвуки, и, наоборот, низкие, инфразвуки, оно не воспринимает.

На море при сильном ветре вихревые токи воздуха за гребнями волн также создают инфразвуки. Советский ученый академик В. В. Шулейкин, изучивший это явление, названное «голосом моря», предложил использовать его для предупреждения о штормах. Ведь как быстро ни распространялся бы шторм, инфразвук его обгонит. Интересно отметить, что некоторые морские животные, например, медузы, очевидно, пользуются предупреждением «голоса моря»: задолго до приближения бури они уходят от берега на большие глубины. Часть звуковых колебаний сердца также лежит в недоступной нашему уху инфразвуковой зоне.

Установка для записи и воспроизведения инфразвуковых частот.

Фото С. Фридлянда.

Большую работу по созданию аппаратуры для изучения инфразвуков провел Львовский политехнический институт. Сотрудниками института созданы измерительный усилитель для инфразвуковых частот, анализатор этих частот, электронно-лучевой осциллограф.

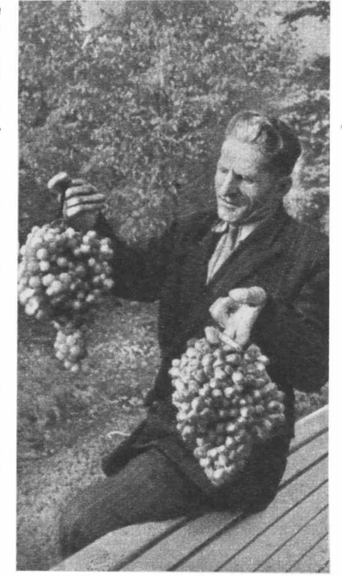
Особый интерес представляет магнитофон для записи и воспроизведения неслышимых звуков. Ученые уже не раз пытались записать инфразвуки, но ничего не получалось. Электродвижущая сила, которая создавалась в головке магнитофона, получалась очень малой, в сравнении с напряжением собственных шумов усилителя. Где инфразвук, а где помехи, разобрать было трудно. В новом магнитофоне колебания низкой частоты преобразовываются в колебания более высоких частот, которые и записываются. При воспроизведении происходит обратное преобразование. К магнитофону подключается осциллограф, на экран которого подаются электрические сигналы, соответствующие ультразвукам различных тонов. Мы не слышим ультразвук, но теперь мы видим его!

Я. ПЕТРОВ

ГРОЗДЬ ВЕСИТ ЧЕТЫРЕ КИЛОГРАММА

Алексей Кириллович Игнатенко, которого вы видите на этом снимке, более десяти лет выращивает среднеазиатские сорта винограда на своем приусадебном участке. В этом году на площади 0,07 гектара он собрал богатый урожай винограда — 3 565 килограммов,— заслужив право быть участником ВСХВ. Алексей Кириллович представил на всесоюзный смотр 23 грозди восьми сортов винограда. Максимальный вес грозди в большинстве сортов — около 4 килограммов. Экспонаты получили отличную оценку экспертной комиссии. А. К. Игнатенко присужден аттестат первой степени.

Алексей Кириллович — один из лучших тружеников колхоза «40 лет Октября», Геленджикского района, Краснодарского края. За восемь месяцев текущего года он уже выработал в колхозе 380 трудодней, хотя является инвалидом Великой Отечественной войны.

А. СТРИЖКОВ

Фото автора.

Письмо матери

...Тот день, который должен был стать самым счастливым днем в моей жизни,— день рождения первого ребенка, сына, принес мне огромное горе. У новорожденного был страшный физический недостаток: тоненькие ножки были под углом 90 градусов повернуты ступнями внутрь, загнуты вверх и плотно прижаты друг к другу.

Приговор врачей и вовсе убил меня и мужа: врачи сказали, что сейчас ничем нельзя помочь, надо ждать, пока ребенок окрепнет, вырастет, а потом сделать операцию.

Мы с мужем решили бороться с недугом сына. И в этом помог нам замечательный человек и специалист — ортопед Виктор Маркович Дурмашкин, профессор Горьковского института восстановительной хирургии.

Он внимательно осмотрел ребенка и сказал, что недостаток можно исправить, но надо немедленно браться за дело. Выправить ножки нужно до того, как ребенок начнет ходить.

Прочными фланелевыми бинтами мы бинтовали ступни, стараясь осторожно придать ножке нормальное положение. Но, несмотря на все меры предосторожности, мы причиняли ребенку боль и от этого сами страдали в тысячу раз больше. Бинты не снимались по суткам. Десятиминутный отдых наступал лишь на время купания.

Профессор Дурмашкин постоянно наблюдал за ребенком, помогал нам советом, дружеским участием.

Когда малышу исполнилось полгода, ножки стали уже похожи на нормальные. Но профессор требовал бинтовать до одного года!

И вот настал день, когда сын сделал свой первый шаг...

Вот, пожалуй, и вся история. Недавно наш сын пошел в школу. Это здоровый, стройный мальчик. Теперь у него есть трехлетняя сестричка. Она родилась здоровой, крепкой.

Только три человека никогда не забудут тот ужасный год: я, муж и наш спаситель В. М. Дурмашкин. Недавно мы встретились. Профессор сказал, что он восхищен нашим упорством. А у нас не хватило слов, чтобы выразить ему свою большую благодарность.

О. ПАВЛОВА

Р. S. Это письмо я подписываю другой фамилией. Не хочу, чтобы сынишка знал о всем пережитом.

Страдания

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

Маша страдала. Тысячи раз проникновенно и волнующе изображались в литературе женские страдания от неразделенной любви, от того, что разбились мечты и не осуществились надежды. Но Машины страдания были совсем другого рода.

Внешне все шло так, как в романах. Маша не спала всю ночь. Внезапно ей становилось душно, она пылала, как в огне, пила воду, открывала окно. И хотя к ней в окно вместо благовонного дыхания сирени, о котором говорится в стихах, врывалась вонь отработанного бензина, Маша дышала и не могла надышаться. И сама себе говорила: «Чего уж там, перед смертью не надышишься!»

Нет, она, конечно, знала, что ничто не грозит ей смертью, но ведь бывают в жизни случаи, про которые говорят: «Хуже смерти». И Маше казалось, что у нее именно такой случай.

Ночью все кажется страшнее или, наоборот, лучше, чем днем, но и то и другое часто обманчиво. Маша страдала ночью, поэтому ей все казалось особенно страшным. Она вдруг чувствовала озноб, ложилась в постель, укрывалась с головой одеялом и начинала думать о завтрашнем дне.

Под утро она все-таки уснула. Ее разбудила мать:

— Давай вставай! Другая бы с утра бога молила, чтоб все обошлось благополучно, а эта спит-храпит. Другая бы прикидывала в уме и так и этак...

Солнце уже хозяйничало в их маленькой комнате, дотрагиваясь своими длинными лучами до коврика с лебедями над Машиной кроватью, до бумажных роз в стеклянной вазе, до вязаной салфеточки на комоде. Один юноша, который единственный раз был в гостях у Маши, сказал:

— Ты меня прости, но все эти лебеди, бумажные розы и салфеточки отдают чем-то таким невкусным.

Маша охотно простила ему и даже решила, что выкинет лебедей и заменит их в крайнем случае каким-нибудь тигром или женщиной, раскинувшейся на лугу, лишь бы только ему понравилось. Но он больше не приходил...

— Чего попроще надень, — сказала мать, — не выпяливайся! А то как наденешь капроновую кофту, так вся дурь наружу: нате, глядите на меня, какая я красавица, через прозрачное все как есть видно!

Маша огрызнулась:

— Оставь меня в покое, сама знаю, что надевать! Сама понимаю, не на танцы иду, а к следователю!

Но матери уже пришла в голову другая мысль:

— Тоже ведь и следователь — человек. В особенности, если молодой. Молоденькую да хорошенькую, поди-ка, жальче засудить, чем старую ведьму.

— Глупости! — сказала Маша, натягивая на себя голубой вязаный свитер. — Во-первых, следователь не засуживает, он ведет следствие, а, во-вторых, возраст тут никакой роли не играет.

— Да, как же, рассказывай! Одно дело — ты девушка, тебя поругают и отпустят: дескать, так больше не делай, нехорошо. А со мной будут церемониться? Как же тебе! Скажут: старая ты, такая-сякая. — Мать Маши не любила стеснять себя в выражениях, а Маша к этому привыкла и не обращала внимания. — Скажут: даешь взятки, значит, надо тебя за такое дело судить! Ты смотри, не сболтни еще чего-нибудь про меня. А то ляпнешь сдуру: мне, мол, моя мамочка посоветовала...

— Да ладно, не беспокойся, — сказала Маша, — о тебе и разговору никакого не будет.

Она уже была в пальто и только раздумывала: надеть на голову платочек или зеленый берет? Берет больше к лицу, а платок скромнее. Мать остановилась посреди комнаты, вытерла руки о халат и сказала:

— А если следователь — женщина?

— Ну и что? — сердито спросила Маша.

Они с матерью редко разговаривали дружелюбным тоном, хотя соседи считали, что вдова с дочкой живут в ладу. Маша хоть и спросила: «Ну и что?», — но все-таки задумалась. Следователь представлялся ей строгим пожилым мужчиной. «А если строгая женщина? Лучше повязаться платочком».

Ей казалось, что следователь — все равно, мужчина или женщина — только и занят сейчас, что ее судьбой. А кроме того, она не знала, что почти все женщины даже в очень трудных случаях жизни думают о своем внешнем виде.

Комната № 17. В комнате было солнечно, и следователь оказался мужчиной, молодым, широкоплечим, с темными волосами, подстриженными ежиком. Маше неудобно было разглядывать его лицо, да, кроме того, он сидел спиной к свету. Он сказал:

— Садитесь, Мария Душистова, и рассказывайте, как было дело.

Маша думала: «Это хорошо, что он назвал меня по имени и фамилии, а не строго официально — гражданкой». (Она любила свою фамилию и считала ее благозвучной.) Но тут же передумала: «Нет, это плохо, лучше бы он сказал: «Товарищ Душистова». Это плохо, когда не говорят «товарищ». Она спросила:

— Как рассказывать, все с самого начала?

— Как хотите. Только, конечно, правду.

— Ну уж насчет правды вы не сомневайтесь! — горячо сказала Маша.— Я знаю, где можно врать, а где нельзя.

— А разве есть такие места, где можно врать? — спросил следователь.

У него был приятный голос. Большие смуглые руки спокойно лежали на столе, тогда как Маша безостановочно крутила в пальцах свои перчатки. Она сразу почувствовала к нему доверие и ответила с готовностью:

— Конечно, есть такие места, где можно врать. Например, дома я часто вру. Если матери скажу правду, она потом, под злую руку, непременно будет попрекать.

— Вы недружно живете с матерью? — спросил следователь.

— Как вам сказать? — Маша пожала плечами. Она вспомнила, что мать не велела про нее говорить, но ей ничего не хотелось утаивать от следователя.

— Говорите так, как есть, — сказал он.

И тогда Маша решилась:

— Я ужасно боялась к вам идти. Наш прораб Елдырин в последний раз грозился спьяну: «Кто будет про меня болтать, тому несдобровать! Сам вылезу, других утоплю». Говорит: «Я ни у кого не вымогал, вы сами давали, а кто дает взятку, тот еще виноватее...»

Следователь молчал и внимательно слушал. Маша не привыкла, чтоб кто-нибудь слушал, не перебивая. Это было ей приятно, и она хотела показать себя толковой, старательной и, самое главное, честной.

— Вот вы называете «взятка», «вымогательство», а у нас дома такие слова даже никогда не поминаются, — продолжала Маша. — Благодарность — и больше ничего. Вот, например, поступила я в школу. Мать говорит: «Учительницу надо особенно благодарить, а то из троек не вылезешь».

— А вы сейчас тоже такого мнения? — спросил следователь и посмотрел Маше прямо в глаза.

— Ой, что вы! — воскликнула Маша. — Уж я теперь на этом деле обожглась, какое же у меня может быть мнение? А в то время я была маленькая, что мать велит, то и правильно. Но матери кто-то сказал, что учительницам нельзя

делать никаких подарков, кроме цветов. А она говорит: «Ну и что же такого? Цветок цветку — рознь. Одно дело — паршивый букетишко за десятку, а другое дело — пальма в кадке за сто рублей!» Мать у меня работает в торговой сети, и у нее кругом блат.

— Поганое это слово! — заметил следователь. — Отвыкать надо от этого слова и от таких дел.

Маша посмотрела на следователя и подумала, что никогда никто из мужчин с ней не разговаривал так серьезно и просто, не давал советов: что надо делать и что не надо. Она вздохнула и согласилась:

— Я, конечно, отвыкну.

— Ну и как же, учительница приняла вашу пальму? — спросил следователь.

— Вообще-то приняла. Но только заплатила за нее деньги. Сказала: «Я очень люблю растения, но такого дорогого подарка принять не могу». Мама замахала руками, кинулась к двери, а учительница сунула мне деньги в карман пальто и шепнула: «Не потеряй, Маша!» Потом, когда мы с матерью поехали домой, она сказала: «Гадюка эта учительница. Наверно, ее избаловали дорогими подарками, вот она и показывает, что пальма для нее мелочь и она лучше отдаст за нее деньги».

— А теперь давайте о главном, — сказал следователь. — Рассказывайте, как прораб Елдырин брал с вас деньги и как вы ему их давали.

— Сейчас, — согласилась Маша. — Только ведь это опять нуж-

но подробно. Понимаете, я закончила десятилетку, училась, прямо скажу, неважно. — Она покраснела и усиленно начала крутить свои перчатки. — Некоторые наши ребята пошли на завод, другие — на стройку. И вот один наш мальчик уговорил меня тоже пойти на стройку.

Она подумала: «Рассказать про Сережу или не рассказывать?» Всего несколько дней тому назад они с Сережей были в кино и нарочно сидели в самом последнем ряду, чтобы никого не было сзади и чтоб никто не видел, как они сидят обнявшись. Но теперь почему-то говорить о Сереже было неинтересно. Она сказала:

— Многие пошли на стройку. Я тоже решила. Мама сердилась, говорила, что устроит меня в торговую сеть, но я все-таки сделала по-своему. Ну, начали мы работать. И на земляных работах и на укладке кирпича. Куда поставят, там и работали. Нам сказали, что мы получим хорошую специальность, будем строителями. А этот самый прораб Елдырин ругался: «Прислали мне на строительство молокососов! Их еще надо учить да учить, а учение даром не дается». Когда я получила первую зарплату, он подошел ко мне и смотрит. Ну, прямо как будто обшаривает и как будто залезает в карман своими глазищами. Говорит: «Разве ты стóишь тех денег, которые получила? Ни черта ты не стоишь! Я тебе приписал лишнее для поощрения, и из них сто рублей мои!» Я, конечно, стушевалась и отдала ему сто рублей. Так же он и с другими девчатами. А Сережа (это тот мальчик, который меня уговорил идти на стройку) послал его к черту. И у них создались отношения—прямо хоть беги! Мы все давали и давали Елдырину от каждой получки.

Теперь следователь записывал то, что говорила Маша. Она сказала:

— А вам про Елдырина, наверно, написал Сережа? Он обещал, что этого дела так не оставит.— Она посмотрела на следователя и спросила тихонько: — Что ж, теперь меня будут судить, да?

— Нет, судить вас не будут, — ответил следователь. — Вы будете выступать как свидетельница. Подпишите ваши показания.

Маша подписала.

— Все, — сказал следователь.— Теперь вы можете идти. До свидания.

— До свидания. — Маша встала, но не уходила. — Благодарю вас. Очень благодарю!

Следователь посмотрел на нее и улыбнулся. Он сказал:

— Вот такая благодарность принимается. И только такая, запомните это, Маша! Мне кажется, вы поняли и почувствовали, как это скверно и подло, когда человеку в глаза говорят: «Я хочу вас купить!» Говорят не словами, конечно, а подхалимской, угодливой улыбочкой и взяткой, которую деликатно именуют благодарностью. Вы поняли, Маша, да?

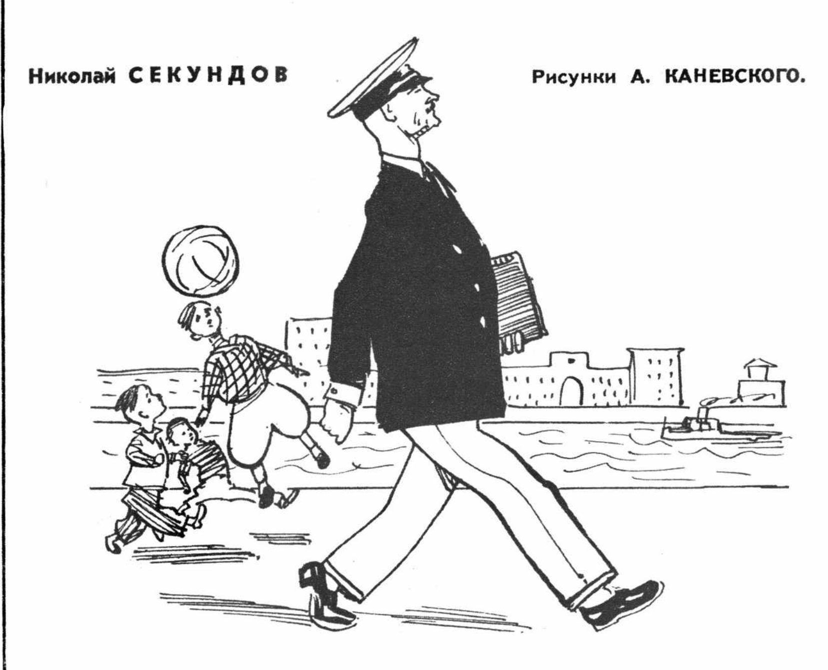
Он назвал ее Машей! Ей так захотелось крепко пожать ему руку. В это время на столе зазвонил телефон. Маша вышла из комнаты.

Ночью она не спала, вспоминала темные волосы ежиком, белозубую улыбку, спокойный голос. И ей хотелось работать, отличиться, чтоб про нее услышали все и он, следователь, тоже. Как жаль, что она даже не знает его имени! Помнит только, что комната № 17.

«КОМАНДОР»

Николай СЕКУНДОВ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Как всегда, точно в девять пятьдесят пять Стасюлевич вышел из сверкающей голубым лаком машины на набережной Песчанки, у подъезда старинного особняка с голубой под стеклом вывеской «Водоканал». В темно-синем кителе, в фуражке со значком яхт-клуба, высокий, с суровым, морщинистым лицом цвета грецкого ореха, он походил на бывалого моряка. Мальчишки, игравшие в футбол на липовой аллее, замерли от восторга. Они почтительно называли его «командором». При этом их пылкому воображению Стасюлевич представлялся чем-то средним между командиром «Алеута» — флагмана китобойной флотилии — и «грозой морей»—капитаном Немо из жюльверновской повести.

Быстрее обычного взбегает Стасюлевич по широкой лестнице. Сегодня наконец он встретится с председателем городского Совета...

Ближайшие сотрудники уже собрались в его кабинете, и управляющий «Водоканалом», улыбаясь, оглядывает их.

— Итак, друзья мои,— говорит он,— всплываем на поверхность! Отдраивайте люки! Сегодня в двенадцать меня принимает Дорохов по личному вопросу.

Стасюлевич со снисходительной улыбкой посматривает на большую, во всю стену, карту — схему хозяйства «Водоканал». На плане города голубыми дорогами растеклись по всем направлениям многоводная Нерпа и ее притоки — Малая Нерпа, Сомовка, Песчанка. Как кровеносные сосуды, струятся тонкие карминные линии водопровода. Серебристой паутиной разрослась сеть канализации. Почти треть карты занимает волнистое, с белыми гребешками, ярко-синее море. Оно, собственно, не относится к ведомству Стасюлевича, но кто из редких посетителей треста разбирается, какие стихии подвластны «Водоканалу»! Кстати, это наименование появилось на свет в результате небольшой ампутации Стасюлевичем настоящего названия — «Водоканализация».

Взгляд управляющего скользит по богатой обстановке кабинета, в котором он провел больше года почти безвыходно. Все это солидное великолепие: и внушительная карта подвластных владений и «министерская» мебель красного дерева — результат его усилий. А ведь год назад здесь помещался жалкий трестишко — не на что и глянуть... Теперь больше здесь делать нечего. Для него уже это не служба, а службишка; служба будет впереди.

«Пора договориться о настоящей работе,— размышляет управляющий.— Время уже выходить на морские просторы!.. Сергей Петрович, конечно, закрутился с делами и не видит, какой «кадр» прозябает в этом кресле Плутона. Только напомнить ему о себе — выдвижение обеспечено...»

— Что, Бронислав Павлович, выдвинуться решили? — неожиданно язвит главбух, угадав мысли Стасюлевича.

— И ядовитый же вы! — вздыхает Стасюлевич и смотрит на главбуха даже с некоторым сожалением.— При чем тут мое решение? Сергей Петрович свои кадры знает.

— Между прочим, Сергей Петрович, не в пример иным, не любитель в кабинетах рассиживать,— говорит завхоз.— Ведь вот недавно приехал, а, кажется, такого объекта, такого уголка в городе нет, где бы он уже не побывал. А уж насчет пошутить...

— Бронислав Павлович,— заглядывает в дверь секретарша,— возьмите скорее трубочку. Товарищ Дорохов вызывает.

Стасюлевич быстрым рывком снимает трубку.

— Здравствуйте, Сергей Петрович... Ну, что вы!.. Есть!.. Есть!..

Нахмурившись, положил трубку на рычажок, в волнении забарабанил пальцами по столу. Сотрудники, недоумевая, ждали объяснения.

— Понимаете... Говорит: «Извини, Бронислав Павлович, мне срочно надо ехать на «Трактор»... Сделаем,— говорит,— так: я все равно мимо тебя еду — выходи к мосту, встретимся, скажешь коротенько, какую нужду во мне имеешь...»

Через несколько минут, вытянувшись, как вахтенный на мостике судна, Стасюлевич стоял у парапета моста, всматриваясь в машины, мчащиеся по проспекту. Невдалеке, на аллее, собралась ватага ребятишек, удивленных появлением «командора» в неурочное время.

С проспекта свернула на набережную и резко затормозила старенькая «Победа». Дверца открылась, вышел Дорохов и, приветливо протянув руки, направился к Стасюлевичу.

Бронислав Павлович бросился ему навстречу. Вдруг лицо Дорохова сморщилось в брезгливой гримасе, он прикрыл ладонью лицо.

— Фу!.. Неужели это Песчанка испаряет такие благовония?.. На набережной липы, а тут аромат, как из керосиновой лавки... и еще того хуже!.. Не обижайся, дорогой! — Дорохов похлопал Стасюлевича рукой по плечу, продолжая другой закрывать лицо. Бронислав Павлович заметил, что за ладонью Дорохова прячется озорная улыбка.— Придется отложить разговор, а то, как видишь, «атмосфера» для беседы получается малоподходящая. Потолкуем в другой раз. Позвони мне. Ну, сам догадываешься, когда позвонить надо...

Дорохов быстро нырнул в дверцу машины.

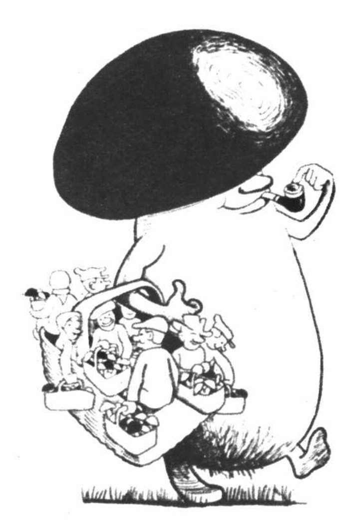
Стасюлевич, полуоткрыв рот и вытаращив глаза, застыл, вытянув руки по швам, словно нахимовец, получивший замечание от самого адмирала.

...Вечером набережная была заполнена детьми. Караван землечерпалок, называющихся почему-то непонятным словом «драга», медленно плыл по Песчанке. Лязгая железом, словно гусеницы танка, ведра-черпаки поднимали со дна реки отсвечивающую нефтью иссиня-черную грязь.

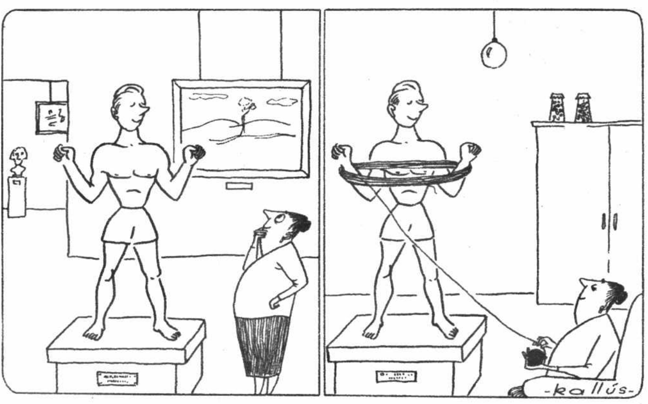
На носу «флагмана» стоял с лихо сбитой на затылок фуражкой сам «командор». В голове его носились планы объезда своих «владений»...

Да, не скоро, вероятно, можно будет звонить Сергею Петровичу...

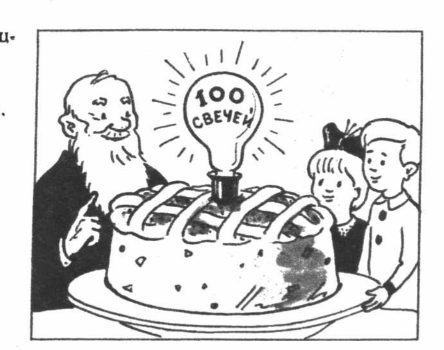
И на грибников тоже урожай.
Рисунок А. Зубова.

В музее.
Выход найден.
Рисунок Каллуша (Венгрия).

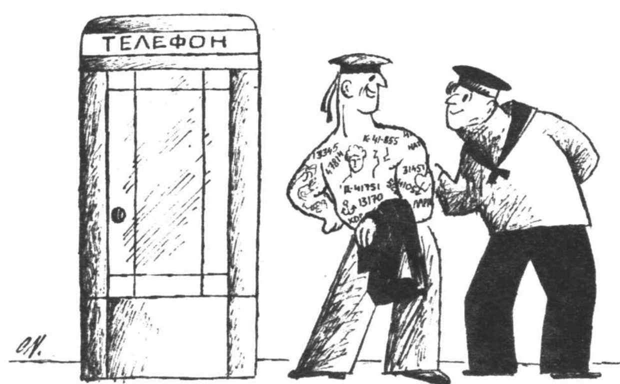

Нашему дедушке сто лет.
Рисунок М. Ушица и К. Невлера.

Сила привычки.
Рисунок капитана 3-го ранга В. Ахутина.

— Посмотри, какой телефон у Наташи.
Рисунок Ц. Нервиньского (Польша).

ЕЩЕ ВЫШЕ ПОДНИМЕМ КУЛЬТУРУ ПРОИЗВОДСТВА!

«Повысил».
Рисунок Л. и Ю. Черепановых.

Виноград и Скорпион

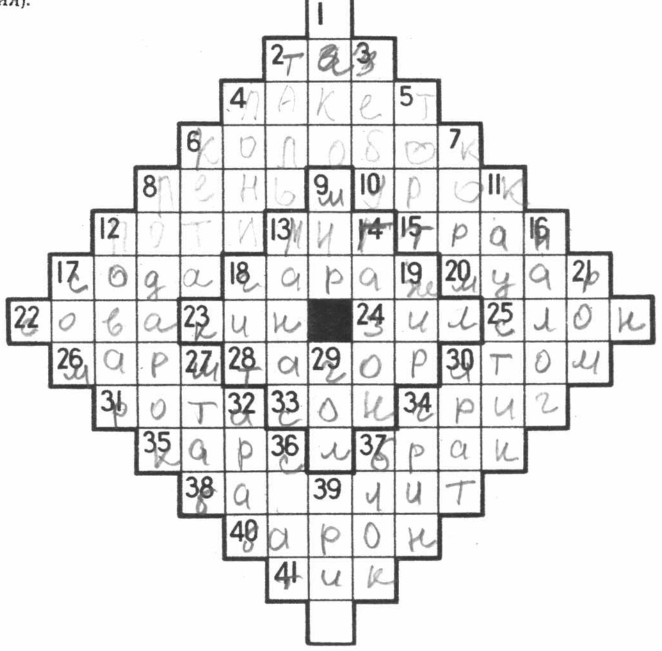
Басня

Мкртич КОРЮН

Гроздь виноградная на берегу высоком
Под ярким солнышком растет.
Ее выращивал ученый Садовод,
И мать-земля своим поила соком.
Но все ж на свете есть немало темных сил.
Однажды Скорпион, склонившийся над гроздью,
С неописуемою злостью
Ее пронзил.
Он отравить сумел не всю лозу,
А только ягоду одну.
А остальные
Вполне здоровы, не больные,
Как говорится, ни в одном глазу,
Им враг не страшен ядовитый.
Укус, конечно, мерзок, спору нет...
Но солнце так же излучает свет,
Земля все так же плодовита.
И если Садовод талантлив и умен,
То вывод сам сумеет сделать он:
Что нужно заниматься делом —
Свой сад возделывать прилежною рукой,
И если дерево здорово в общем-целом,
То Скорпион ему не страшен никакой.

Перевод с армянского АРГО.

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Река в Тюменской области. 4. Бумажный сверток. 6. Русская народная сказка. 8. Остаток срубленного дерева. 10. Учебный час. 12. Порт на Черном море. 13. Мгновение. 15. Старая мера веса. 17. Кристаллическое вещество. 18. Помещение для автомобилей. 20. Шелковая ткань. 22. Ночная птица. 23. Известный английский актер XVIII—XIX веков. 24. Марка советского автомобиля. 25. Шахматная фигура. 26. Музыкальное произведение. 28. Индийский писатель. 30. Частица химического элемента. 31. Войсковое подразделение. 33. Состояние покоя. 34. Норвежский композитор. 35. Город в Турции. 37. Изъян. 38. Синтетическая смола. 40. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 41. Плотная ткань, употребляемая на обивку.

По вертикали:

1. Действующее лицо в комической опере В. Долидзе «Кето и Котэ». 2. Советский гроссмейстер. 3. Горбатый бык. 4. Мелкая лошадь. 5. Картина передвижника Н. Неврева. 6. Промысловая рыба семейства лососевых. 7. Пища животных. 8. Преподнесенная вещь. 9. Вселенная. 11. Название едких щелочей. 12. Кулинар. 13. Киргизский эпос. 14. Участок с травянистым покровом. 16. Государственный сбор. 17. Речная рыба. 18. Пробег в конно-рысистом спорте. 19. Маслянистое вещество. 21. Продукт, получаемый из сахарного тростника. 27. Орган управления войсками. 29. Очко в футбольной игре. 30. Скотовод в Монголии. 32. Представитель народностей, населяющих Ближний Восток и Северную Африку. 34. Советский писатель. 36. Наклонная горная выработка. 37. Русский поэт. 39. Узкий проход в дельтах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

5. Грибоедов. 8. Грозоотметчик. 11. Черевик. 14. Энеолит. 16. Облик. 18. Доцент. 19. Икитос. 20. Иллюстратор. 21. Рокфор. 22. Овация. 23. Канио. 24. Гравюра. 26. Ротация. 30. Гидрогеология. 31. «Сапежанка».

По вертикали:

1. Гризли. 2. Обзор. 3. Ферма. 4. Понтон. 6. Проектировщик. 7. Пилотирование. 9. Резерфорд. 10. Типизация. 12. Колючка. 13. Плетень. 14. Экуадор. 15. Фотон. 17. Лоция. 25. Рорбах. 27. Обойка. 28. Игрек. 29. Горал.

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин вьетнамских художников и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05338. Подписано к печати 15/X 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 1067. Заказ № 2291.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Комсомолка Зина Рубцова, чабан колхоза «Россия», Ново-Александровского района, Ставропольского края.

Фото Галины Санько.

Цена номера 3 руб.